

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 11.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Вторая книга Моисея „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи *П. Горскаго-Платонова* 617—636
- Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). *И. Корсунскаго* 637—665
- Критическій разборъ сочиненія г. В. Соловьева: «Россія и вселенская Церковь» (окончаніе). *С—ва* 666—680

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Нравственное чувство. Профессора Казанской Духовной Академіи, *В. А. Снегирева* 437—465
- Мечты естествознанія. *Др. М. Глубоковскаго* 466—482

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. ВѢСЧАЙШІЯ награды.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковского Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Цюковскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюня 15 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Продолженіе *).

О посвященіи Аарона и сыновъ его (29, 1—35).

Ст. 1. *И вотъ что ты совершиши съ ними, чтобы освятить ихъ, чтобы быть имъ священниками Моими: возьми одного телца изъ воловъ, и двухъ барановъ безпорочныхъ, (2) и хлѣба прѣснаго, и оладій прѣсныхъ, пропитанныхъ елеемъ; изъ крупчатой отъ пшеницы муки сдѣлаши ихъ. (3) И положи ихъ въ одну корзину, и представь ихъ въ корзину, и телца и двухъ барановъ. (4) И Аарона и сыновъ его приведешь ко входу въ скинію собранія, и омоеши ихъ водою. (5) И возьмешь облаченія и облечешь Аарона хитономъ, и ризою оплечья, и оплечіемъ, и нагрудникомъ, и опояшешь его поясомъ оплечья. (6) И возложиши повязку на голову его и наложиши вѣнецъ святости на повязку. (7) И возьмешь елей помазанія и возлещь на голову его, и помажешь его. (8) И сыновъ его приведешь и облечешь ихъ хитонами. (9) И опояшешь ихъ поясомъ, Аарона и сыновъ его, и повяжешь имъ повязки, и будетъ у нихъ священство по уставу на вѣкъ, и вручиши его Аарону и сынамъ его. (10) И приведешь телца предъ скинію собранія, и возложатъ Ааронъ и сыны его руки свои на голову телца. (11) И зако-*

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 10.

лешь тельца предъ лицемъ Иеговы, при входѣ въ скинію собранія. (12) И возмешь крови тельца, и возложиши на рога жертвенника пальцемъ своимъ, прочую же кровь выльешь у основанія жертвенника. (13) И возмешь весь тукъ, покрывающій внутренности, и сальникъ съ печени, и обѣ почки, и тукъ, который на нихъ, и воскури на жертвенникъ. (14) А мясо тельца и кожу его и нечистоту его сожжешь на огнь, внѣ стана; это жертва за грѣхъ. (15) И возмешь одного барана и возложатъ Ааронъ и сыны его руки свои на голову барана. (16) И заколешь барана, и возмешь кровь его, и покропиши на жертвенникъ кругомъ. (17) И разнимешь барана на части его, и вымоеши внутренности его и ноги его, и положиши на части его и на голову его, (18) и воскуриши всего барана на жертвенникъ. Это—всесожженіе Иеговъ, благоуханіе пріятное; это—сожгаемая жертва Иеговъ. (19) И возмешь втораго барана, и возложатъ Ааронъ и сыны его руки свои на голову барана. (20) И заколешь барана и возмешь крови его, и возложиши на конецъ уха Ааронова и на конецъ уха сыновъ его, праваго, и на большой палецъ правой руки ихъ, и на большой палецъ правой ноги ихъ, и покропиши кровію на жертвенникъ кругомъ. (21) И возмешь крови, которая на жертвенникъ, и елея помазанія, и покропиши на Аарона и на одежды его, и на сыновъ его и на одежды сыновъ его съ нимъ; и освятятся онъ и одежды его и сыны его и одежды ихъ съ нимъ. (22) И возмешь отъ барана тукъ и курдюкъ, и тукъ покрывающій внутренности, и сальникъ печени, и обѣ почки, и тукъ, который на нихъ, и правое бедро; ибо это—баранъ врученія: (23) и круглый хлѣбъ одинъ, и оладью хлѣбную масляную одну, и лепешку одну, изъ корзины опрѣсноковъ, которая предъ Иеговою. (24) И положиши все на руки Аарона и на руки сыновъ его, и воздвигнешь это предъ лице Иеговы. (25) И возмешь это съ рукъ ихъ, и воскуриши на жертвенникъ надъ всесожженіемъ, въ благоуханіе пріятное предъ Иеговою; это—сожгаемая жертва Иеговъ. (26) И возмешь грудь отъ барана врученія, Ааронову, и воздвигнешь ее предъ лице Иеговы, и будетъ она твоею долею. (27) И освятиши грудь воздвиженія и бедро возношенія, воздвигнутое и вознесенное отъ барана врученія, то, что—Аарону и что—сы-

нимъ его. (28) И поидетъ это Аарону и сынамъ его по уставу вѣчному отъ сыновъ Израиля, ибо это—возношеніе; возношеніемъ оно будетъ отъ сыновъ Израиля изъ мирныхъ жертвъ ихъ, возношеніемъ отъ нихъ Геговъ. (29) А священныя одежды, которыя для Аарона, будутъ для сыновъ его послѣ него, чтобы помазывать въ нихъ и совершать въ нихъ врученіе. (30) Семь дней будетъ облачатся въ нихъ священникъ, на мѣсто его, изъ сыновъ его, который будетъ входить въ скинію собранія для служенія во святилищѣ. (31) И возьмишь барана врученія, и свариишь мясо его на мѣстѣ святомъ. (32) И будутъ ѣсть Ааронъ и сыны его мясо барана и хлѣбъ, который въ корзину, у входа въ скинію собранія. (33) И будутъ они ѣсть то, чѣмъ очищены при врученіи имъ (священства), для освященія ихъ; и посторонній не долженъ ѣсть, ибо это—святыня. (34) И если будетъ оставаться отъ мяса врученія и отъ хлѣба на утро: сожжешь остатокъ на огонь; не должно ѣсть его, ибо это—святыня. (35) И совершиши съ Аарономъ и сынами его все такъ, какъ Я повелѣлъ тебѣ; семь дней будешь вручать имъ священство.

Чинъ посвященія Аарона и сыновъ его подробно изложенъ въ разбираемой главѣ, а въ книгѣ Левитъ (гл. 8) подробно описано исполненіе всѣхъ дѣйствій, предписываемыхъ симъ чиномъ.

Ст. 1. Для освященія будущаго первосвященника и будущихъ священниковъ велѣно взять одного телца изъ воловъ, то есть, молодаго вола; волъ долженъ быть принесенъ въ жертву очистительную за грѣхи посвящаемыхъ. Велѣно взять двухъ барановъ безпорочныхъ, то есть, неимѣющихъ тѣхъ недостатковъ тѣлесныхъ, которые подробно указаны въ книгѣ Левитъ (22, 21—25); бараны должны были послужить предметомъ для двухъ различныхъ видовъ жертвъ, указанныхъ далѣе въ разбираемой главѣ.

Ст. 2 и 3. Для освященія новопосвящаемыхъ велѣно приготовить и предметы безкровной жертвы—прѣсное печеніе, различно приготовленное: хлѣбы, оладьи, пропитанныя масломъ, лепешки, намазанныя масломъ. Печенія должны быть сдѣланы изъ лучшей муки, крупичатой, и сложены въ одну

корзину. Изъ животнаго и растительнаго царства предметы, наиболѣе употребляемые для поддержанія человѣческой жизни, должны были послужить и предметами приношенія человека Богу, и средствами снисканія милости Божіей, прощающей и очищающей грѣхи.

Ст. 4. *Аарона и сыновъ его приведешь*; не послѣ приведенія животныхъ и принесенія хлѣбовъ въ корзину, а вмѣстѣ, въ одно время, Моисей долженъ былъ привести и посвящаемыхъ и нужное для посвященія (Лев. 8, 1). *Ко входу въ скинию*, то есть, на дворъ святилища, ко входу въ самую палатку. *И омоешь ихъ водою*. Омовеніе тѣла, конечно всего, а не рукъ только и ногъ, было первымъ дѣйствіемъ, совершеннымъ надъ посвящаемыми (ср. Лев. 8, 6). Должно быть чисто и тѣло у приступающихъ къ святынѣ.

Ст. 5 и 6. За омовеніемъ должно было послѣдовать облаченіе Аарона и сыновъ его въ священныя одежды. Сравнивая рассказъ книги Левитъ (8, 7—13) и Исхода (40, 13. 14), справедливо будетъ придти къ выводу, что сперва облаченія были надѣты на Аарона, а потомъ на сыновъ его. Относительно облаченій см. изъясненіе 28-й главы.

Ст. 7. За облаченіемъ должно было послѣдовать помазаніе сначала Аарона, а потомъ сыновъ его (ср. Исх. 40, 15). Подробности относительно елея помазанія см. при изъясненіи Исх. 30, 23—25.

Возмешь на голову его. Эти слова ясно указываютъ способъ помазанія какъ самого Аарона, такъ и сыновъ его, которыхъ велѣно было помазать такъ же, какъ помазанъ былъ Ааронъ (Исх. 40, 15).

И возмешь... и помажешь. Этими словами не означаются два различныхъ дѣйствія; но указывается только на то, что возлитіе елея на голову и будетъ составлять собою помазаніе.

Ст. 8 и 9. О помазаніи священниковъ не сказано здѣсь, а сказано только о возложеніи на нихъ священныя одежды: но изъ ясныхъ словъ другихъ мѣстъ писанія открывается, что Моисей долженъ былъ помазать и сыновъ Аарона (Исх. 28, 41; 40, 15), что сыны Аарона были помазаны (Лев. 7, 36) и именуются помазанными (Числь 3, 3). Посему нужно думать,

что въ разбираемыхъ стихахъ указаны только первыя, по времени, дѣйствія входившія въ чинъ посвященія, или врученія священства Аарону и сынамъ его, а послѣдующія дѣйствія, именно, помазаніе и принесеніе жертвъ, подразумѣваются.

Въ виду ясныхъ словъ (Исх. 40, 15): *помажь, какъ помазалъ ты отца ихъ*, не слѣдуетъ оказывать довѣрія позднѣйшимъ сказаніямъ о томъ, что сыны Аарона были помазаны совсѣмъ иначе, чѣмъ самъ Ааронъ.

И будетъ у нихъ священство по уставу на вѣкъ, то есть, священство будетъ всегда принадлежать Аарону и его потомству, а не кому другому. Но не слѣдуетъ думать, что посвященіе перваго первосвященника и первыхъ священниковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ посвященіемъ, въ лицѣ Аарона и сыновъ его, и всѣхъ послѣдующихъ первосвященниковъ и священниковъ. Надъ послѣдующими первосвященниками и священниками такъ же должно было совершаться посвященіе (Числь 20, 25. 26; Лев. 21, 10; Исх. 30, 32; Лев. 6, 22; Суд. 17, 5. 12).

Ст. 10. Первою изъ трехъ кровавыхъ жертвъ, которыя предписано принести во время посвященія Аарона и сыновъ его, была жертва за грѣхъ. Жертвеннымъ животнымъ для этой жертвы былъ телець—молодой быкъ. Соотвѣтственно высокому положенію священныхъ лицъ, въ жертву должно было пойти крупное, а не мелкое животное (ср. Лев. 4, 3; 16, 3; Числь 8, 8; Лев. 4, 13. 28. 32; 14, 10. 19; 12, 6; 5, 7).

И возложатъ Ааронъ и сыны его руки свои на голову телца. Возложеніе рукъ на голову жертвеннаго животного имѣло мѣсто при всѣхъ видахъ кровавыхъ жертвъ (Исх. 29, 15; Лев. 1, 4; Исх. 29, 19; Лев. 3, 2; Лев. 4, 4; 8, 14). Это дѣйствіе должно быть изъясняемо не въ смыслѣ употребленія видимаго знака передачи грѣховъ на голову жертвеннаго животного, а въ смыслѣ нагляднаго и яснаго выраженія какъ добровольной готовности приносящихъ жертву отдать животное на закланіе, такъ и естественнаго состраданія къ домашнему животному, предназначенному на закланіе. По позднѣйшему преданію іудейскому приносящій жертву возлагалъ обѣ руки на голову животного; но едва-ли это преданіе вѣрно.

Законъ Моисеевъ многократно говоритъ о возложеніи руки, а не рукъ (Лев. 1, 4; 3, 2; 4, 4 и др.).

Ст. 11. Мойсей долженъ совершить закланіе самъ, предъ святилищемъ, на дворѣ скиніи.

Ст. 12. *И возмешь крови телца и возложиши на рога жертвенника пальцемъ своимъ.* Самую священную часть жертвенника (см. изъясненіе 27, 2) повелѣвается помазать, посредствомъ пальца, кровію жертвеннаго животнаго. Такъ какъ въ крови, по слову Писанія (Быт. 9, 4), заключается душа животнаго, то есть, жизненная сила тѣснѣйшимъ образомъ связана съ бытіемъ крови и ея движеніемъ по тѣлу: то кровь является представительницею жизненной силы и ея вмѣстилищемъ. Посему возложеніе крови на рога жертвенника есть возложеніе души животнаго на самое священное мѣсто святилища жертвенника, иначе сказать, есть принесеніе Богу души закланнаго животнаго.

Прочую же кровь выльешь у основанія жертвенника, то есть, за рѣшетку, окружавшую жертвенникъ, иначе сказать, выльешь на святое мѣсто, огражденное отъ всякаго чистаго и нечистаго прикосновенія.

Ст. 13. 14. Изъ жертвы за грѣхъ подлежали сожженію на жертвенникѣ тукъ и жирныя части, какъ наиболѣе сладкія и вкусныя; иначе сказать, только немногія лучшія части жертвеннаго животнаго составляли приношеніе Богу въ жертвѣ за грѣхъ. Все остальное мясо, съ кожею и нечистотами, подлежало сожженію не на жертвенникѣ, а за станомъ, внѣ его. Животное, закланное въ жертву за грѣхъ, будучи унесено за предѣлы стана еврейскаго и тамъ уничтожено огнемъ, уносило съ собою изъ среды народа и тѣ грѣхи, за которые оно заклано было въ умиловительную жертву.

Ст. 15. Вторую жертву должна была составить жертва всесожженія состоявшая изъ барана. Прежде закланія этого животнаго Ааронъ и сыны его должны были возложить руки свои на голову жертвы (изъясненіе сего дѣйствія см. въ объясненіи ст. 10).

Ст. 16. Закланіе Мойсей долженъ совершить самъ (ср. Лев. 8, 19).

Возьмешь кровь его: не часть крови, какъ при жертвѣ за грѣхъ (ст. 12), а всю кровь, излившуюся изъ закланнаго животнаго.

Покропиши на жертвенникъ кругомъ, то есть, со всѣхъ сторонъ жертвенника будешь кропить на него, употребивъ для сего всю собранную кровь. Кропленіе нужно понимать въ смыслѣ окропленія сверху до низу (ср. ст. 21).

Ст. 17. Жертвенное животное не въ цѣльномъ видѣ должно быть положено на жертвенникъ, а разнятое на части, при чемъ внутренности и ноги должны быть вымыты и положены поверхъ прочихъ частей и головы животнаго (ср. Лев. 8, 20. 21).

Ст. 18. *Воскуриши всего барана на жертвенникъ.* Въ устраненіе всякихъ недоразумѣній опредѣлительно указано, что баранъ *весь*, хотя и рознятый на части, долженъ быть сожженъ на жертвенникѣ. Такое дѣйствование съ жертвеннымъ животнымъ обязательно по самому названію и значенію жертвы. Она есть *всесожженіе*; такъ обыкновенно переводится еврейское слово, означающее собственно: *восхождение*, то есть, переходеніе жертвы отъ земли на небо посредствомъ всецѣлаго сожженія ея, при которомъ она вся *восходитъ* къ небесамъ въ дымъ и огнѣ, составляя, если выразиться доступнѣе и ближе къ обычнымъ представленіямъ человѣческимъ, *благоуханіе пріятное* для Бога. И изъ другаго названія жертвы: *сожигаемая жертва Іеговъ* видно, что она посредствомъ сожженія вся должна быть вознесена Іеговѣ.

Ст. 19. Другой баранъ долженъ былъ пойти въ жертву *врученія* священства (ст. 26), или посвященія. И на голову этого животнаго Ааронъ и сыны его должны были возложить руки свои (см. изъясненіе ст. 10).

Ст. 20. Моисей самъ долженъ былъ совершить закланіе и затѣмъ, взявъ часть крови, помазать ею Аарону и сынамъ его нижній конецъ праваго уха, большой палецъ правой руки и большой палецъ правой ноги. Это было освященіемъ, во первыхъ, слуха дарованіемъ ему способности слышать и правильно воспринимать повелѣнія Божіи, и, во вторыхъ, освященіемъ всей дѣятельности посвящаемыхъ; руки и ноги

суть наиболѣе часто употребляемыя орудія человѣческой дѣятельности въ дѣлѣ служенія ближнимъ. Помазаніе должно быть совершено (ср. Лев. 8, 24) надъ одними правыми членами, потому что правыми членами, обыкновенно, приходится болѣе дѣйствовать, чѣмъ лѣвыми.

Остальною кровію этой жертвы Моисей долженъ былъ покропить на жертвенникѣ кругомъ (ср. изъясненіе ст. 16).

Ст. 21. *И возмешь крови, которая на жертвенникѣ, то есть, крови, оставшейся на жертвенникѣ вслѣдствіе окропленія его, и елея помазанія* (см. ст. 7 и изъясненіе Исх. 30, 23—25), *и покротимъ на Аарона и на одежды его, и на сыновъ его и на одежды сыновъ его.* Должно думать, что совершить окропленіе нужно было не такъ, чтобы сначала покропить кровію, а потомъ елеемъ, а такъ, чтобы покропить кровію смѣшанною съ елеемъ. Это отчасти открывается изъ разбираемаго стиха, въ которомъ слово: *покротимъ* поставлено не двукратно, но одинъ разъ, а еще яснѣе открывается изъ Лев. 8, 30; здѣсь не кровь наименована прежде елея, а наименованъ елей прежде крови. Это показываетъ, что кровь и елей были смѣшаны, а потому одинаково правильно было поставить въ одномъ мѣстѣ кровь прежде елея, а въ другомъ—елей прежде крови.

И освятятся онъ и одежды его, и сыны его и одежды ихъ съ нимъ. Окропленіе кровію и елеемъ было для посвящаемыхъ лицъ однимъ изъ средствъ, дававшихъ имъ освященіе, но не единственнымъ средствомъ; посему слово: *освятятся* въ смыслѣ полнаго, вполне достаточнаго, освященія должно быть приложено только къ священнымъ облаченіямъ.

Ст. 22. Весь тукъ, который можно снять съ частей барана прямо изъ подъ кожи, весь тукъ, который можно снять съ внутренностей, и жирныя части животнаго, каковы: курдюкъ, то есть, толстый жирный хвостъ, сальникъ, то есть, перепонку, состоящую изъ кусочковъ жира, и обѣ почки надлежало отдѣлить. Надлежало отдѣлить и правое *бедро*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть не плечо, а правую заднюю ногу.

Ибо это—баранъ орученія. Эти слова поставлены въ объясненіе того, почему нужно было отдѣлить, кромѣ тука и

тучвыхъ частей, прежде исчисленныхъ, и правое бедро. Приносимая жертва была жертвою врученія священства; а священникамъ должны были принадлежать изъ жертвъ, приносимыхъ не во всесожженіе и не за грѣхъ, правое бедро и грудь. О груди рѣчь будетъ далѣе (ст. 26 и 27). Съ бедромъ и грудью нужно было совершить особое дѣйствіе, указанное въ послѣдующихъ стихахъ, дѣйствіе, которое должно было предшествовать поступленію ихъ въ пользу священниковъ. На что кратко и указываютъ слова: *ибо это — баранъ врученія*. Иначе сказать, при врученіи священства нужно отдѣлить изъ жертвы то, что будетъ принадлежать посвящаемымъ нынѣ священникамъ.

Ст. 23 и 24. Кромѣ перечисленныхъ въ предшествующемъ стихѣ частей жертвеннаго животнаго Моисей долженъ взять изъ корзины, которая предъ Яеговою (ср. ст. 3), одинъ хлѣбъ, одну оладью и одну лепешку, и все это, то есть, и части животнаго, и различные виды опрѣсноковъ положить на руки Аарона и сыновъ его. Нѣтъ основаній думать, что сначала всѣ эти предметы были положены на руки Аарона, а потомъ сыновъ его, по очереди; по самому множеству предметовъ и неудобству наложенія ихъ на руки одному лицу естественнѣе думать, что они положены были на руки и Аарону и сынамъ его одновременно.

И воздвигнешь это предъ лице Яеговы. Какое дѣйствіе нужно разумѣть подъ словомъ: *воздвигнешь*—не ясно изъ самаго значенія слова. Можно думать, что Ааронъ и сыны его должны были подойти съ указанными предметами на рукахъ отъ жертвенника къ входу во святилище, гдѣ находилось особое присутствіе Яеговы, и поднять свои руки, означая симъ, что Богу приносятся предметы, положенные къ нимъ на руки.

Ст. 25. По возвращеніи назадъ, къ жертвеннику, Моисей долженъ былъ взять съ рукъ Аарона и сыновъ его предметы, которые подносили были къ святилищу, и сжечь ихъ на жертвенникѣ, кромѣ, какъ открывается изъ стиховъ 27 и 28-го, праваго бедра, которое должно было имѣть другое назначеніе, именно, пойти въ долю Аарону и сынамъ его.

Воскуриши на жертвенникъ надъ всесожженіемъ, то есть,

надъ тою жертвою, или непосредственно послѣ той жертвы, которую надлежало принести во всесожженіе (ст. 18).

Въ благоуханіе пріятное. См. изъясненіе ст. 18.

Ст. 26. *И возьмешь грудь отъ барана врученія, Ааронову:* возьмешь ту часть, которая должна, при всѣхъ жертвахъ мирныхъ, то есть, при жертвахъ, приносимыхъ не во всесожженіе и не за грѣхъ, принадлежать Аарону.

И воздвигнешь ее предъ лице Госовы: принесешь ее ко входу во святилище и подынешь предъ Леговою (ср. изъясненіе ст. 24).

И будетъ она твоею долею: на этотъ разъ доля, принадлежавшая принадлежать первосвященнику, пойдетъ въ долю Моисею (ср. Лев. 8, 29).

Ст. 27. *И освятимъ грудь воздвиженія и бедро возношенія, воздвигнутое и вознесенное отъ барана врученія.* Самымъ дѣйствіемъ воздвиженія и возношенія грудь и бедро освящаются и изъемяются изъ общаго употребленія, изъ употребленія прочими не посвященными людьми.

Грудь должна, на будущее время, идти на пользу Аарона, то есть, первосвященника, а бедро—на пользу сыновъ его, то есть, священниковъ.

Ст. 28. На всѣ будущія времена законъ, что грудь и бедро при мирныхъ жертвахъ, приносимыхъ тѣмъ или другимъ евреемъ, должны принадлежать первосвященнику и священникамъ, будетъ имѣть полную силу, *ибо это—возношеніе.* Поднесенное лицу Госовы не можетъ возвратиться въ пользоваіе принесшихъ; но самъ Богъ отдаетъ поднесенное Ему своимъ освященнымъ служителямъ.

Употребленіе одного слова *возношеніе* по отношенію къ дѣйствію, которое прежде было обозначено двумя словами: *воздвиженіе и возношеніе*, показываетъ, что обоими словами означается одно и то же дѣйствіе.

Ст. 29, 30. Рѣчь о порядкѣ посвященія Аарона и сыновъ его прерывается вставкою повелѣнія, относящагося къ первосвященническому облаченію. Освященное (ст. 21) облаченіе первосвященника не для одного Аарона предназначается, но и для его преемниковъ; въ этомъ наследственномъ обла-

ченіи они должны будутъ принимать помазаніе и врученіе священства. Облеченіе въ первосвященническія одежды, или, иначе сказать, посвященіе въ первосвященника и для преемниковъ Аарона должно совершаться въ теченіе семи дней, какъ это было и при посвященіи Аарона (Лев. 8, 33; Исх. 29, 35).

Ст. 31. Рѣчь возвращается къ указанію дальнѣйшихъ дѣйствій съ жертвеннымъ животнымъ. *Свариши мясо его на мѣстѣ святомъ.* Изъ Лев. 8, 31 открывається, что слово *свариши* нужно понимать такъ, что Моисей долженъ дать повелѣніе Аарону и сынамъ его сварить оставшіяся части барана. *На мѣстѣ святомъ:* у входа въ скинію собранія, на дворѣ (Лев. 8, 31).

Ст. 32. Потребленіе свареннаго мяса и хлѣба, оставшагося въ корзину (ст. 3, 23), должно быть совершено самимъ Аарономъ и сынами его, у входа въ скинію собранія, а не на дому, не съ участіемъ семейства.

Ст. 33. *Посторонній не долженъ ѣсть:* мірянинъ, чужой ли, родной ли Аарону, не долженъ вкушать этого мяса и хлѣба, потому что *это — святыня*, которая имѣла очищающую и освящающую силу.

Ст. 34. Оставшееся изъ мяса и хлѣба до утра заповѣдано Моисею сжечь; это повелѣніе, какъ видно изъ Лев. 8, 32, надлежало привести въ исполненіе самимъ посвящаемымъ. Основаніе, по которому запрещено доѣдать на другой день остатки мяса отъ барана посвященія и отъ хлѣбовъ изъ корзины посвященія, указано словами: *ибо это святыня.* Оставшееся къ другому дню могло или отъ случайнаго недосмотра въ дѣлѣ сбереженія, или отъ дѣйствія воздуха, сухости, сырости, подвергнуться нѣкоторому измѣненію, порчѣ, не вполне благоговѣйному храненію. Повелѣніемъ сжечь остатки святыня ограждалась отъ подобныхъ случайностей.

Ст. 35. Правила посвященія закончены повелѣніемъ точно исполнять заповѣданное и указаніемъ, что предписанныя дѣйствія нужно совершать не единократно, а повторять ихъ ежедневно въ теченіе семи дней.

Объ освященіи жертвенника (29, 36. 37).

Ст. 36. *И тельца за грѣхъ будешь приносить каждый день, ради умилостивленія, и приносить очистительную жертву на жертвенникъ, очищая его, и помазывать его для освященія его. (37). Семь дней будешь очищать жертвенникъ и освящать его, и будетъ жертвенникъ святыня святынь; все, прикоснувшееся къ жертвеннику, будетъ свято.*

Ст. 36. Приношеніе въ жертву тельца (ст. 1. 10. 11), для очищенія грѣха посвящаемыхъ, иначе сказать, ради умилостивленія къ нимъ Бога, должно имѣть и другое значеніе, именно должно служить средствомъ очищенія и освященія жертвенника. Онъ будетъ очищаться и освящаться, во-первыхъ, самымъ принесеніемъ на немъ жертвы, а во-вторыхъ, помазаніемъ его. Подъ помазаніемъ нужно разумѣть не возложеніе крови на рога жертвеннаго алтаря, указанное въ стихѣ 12-мъ, но помазаніе жертвенника елеемъ, о чемъ ясно сказано Лев. 8, 10. 11.

Ст. 37. Очищеніе и освященіе жертвенника должно совершаться въ теченіе тѣхъ же семи дней, въ теченіе которыхъ должно было совершиться и посвященіе Аарона и сыновъ его.

Будетъ жертвенникъ святыня святынь: то есть, будетъ величайшею святынею. Дѣйствіе этой святыни будетъ таково, что все, прикоснувшееся къ жертвеннику, будетъ свято, то есть, будетъ получать освященіе.

О ежедневныхъ жертвахъ (29, 38—46).

Ст. 38. *И вотъ что будешь приносить на жертвенникъ: агнцевъ однолѣтнихъ двухъ, каждый день, всегда. (39) Одного агнца будешь приносить по утру, а другого агнца будешь приносить въ срединѣ вечера, (40) и иссаронъ крупчатой муки, смѣшанной съ четвертою долею вина выбитого еля, и возліаніе—четверть вина вина, на одного агнца: (41) а другого агнца будешь приносить въ срединѣ вечера; съ такимъ же, какъ и утромъ, хлѣбнымъ принесеніемъ и возліаніемъ будешь прино-*

ситъ его въ благоуханіе пріятное, въ сожигаемую жертву Іеговы. (42) Это всесожженіе всегдашнее въ роды ваши предъ входомъ въ скинію собранія, предъ лицемъ Іеговы, тамъ, гдѣ Я буду открываться тебѣ, чтобы говорить съ тобою. (43) И буду открываться тамъ сынамъ Израиля, и освящена будетъ (скинія) славою Моею. (44) И освящу скинію собранія и жертвенникъ; и Аарона и сыновъ его освящу, чтобы они были священниками Моими. (45) И буду обитать среди сыновъ Израиля, и буду имъ Богомъ. (46) И будутъ знать, что Я Іегова—Богъ ихъ, Я, Который вывелъ ихъ изъ земли Египетской, чтобы обитать Мнѣ среди нихъ. Я Іегова—Богъ ихъ.

За повелѣніемъ освятить жертвенникъ слѣдуетъ указаніе, какія жертвы должны быть ежедневно приносимы на жертвенникъ, лишь только онъ и священныя лица получать освященіе.

Ст. 38. Каждый день должны быть приносимы въ жертву всесожженія (Числь 28, 3) два агнца, то есть, два барашка, въ возрастѣ одного года, какъ и агнецъ пасхальный (Исх. 12, 5); къ году агнецъ достигаетъ полнаго роста. Къ словамъ достаточно яснымъ: *каждый день*, прибавлено слово *всегда*, чтобы не могло явиться мысли объ отступленіи отъ этой заповѣди по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ. Жертвы изъ агнцевъ такъ же неопустительно и ежедневно должны были приноситься, какъ неопустительно должно было совершаться зажиганіе свѣтильника (27, 20) и приношеніе куренія (30, 7).

Ст. 39. Одного агнца надлежало приносить въ жертву *по утру*, въ началѣ дня, часу въ седьмомъ утра, пбо ночь оканчивалась въ шестомъ часу утра. Другаго агнца нужно было приносить *въ срединѣ вечера*. Изъясненіе этихъ словъ см. въ толкованіи 12, 6.

Ст. 40. 41. При кровавой жертвѣ должна быть приносима ежедневно и жертва безкровная, состоявшая, во первыхъ, изъ крупчатой муки, въ количествѣ *иссарона*, который есть то же, что гоморъ (Исх. 16, 16), составлялъ десятую часть ефы, а въ переложеніи на нашу мѣру составляетъ почти одну тринадцатую долю четверика, то есть, болѣе половины гарн-

ца; во вторыхъ, изъ *елея выбитого* (см. изъясненіе 27, 20), въ количествѣ четвертой доли гина, а на нашу мѣру немного болѣе половины штофа; въ третьихъ, изъ такого же количества вина. Мука, смѣшанная съ елеемъ, сожигалась на жертвенникѣ, а вино, по свидѣтельству Сираха (50, 17), выливалось къ подножію жертвенника. Впослѣдствіи, въ позднѣйшее время существованія храма Иерусалимскаго, устроенна была около жертвенника особая труба, въ которую выливалось вино. Указанное количество муки, масла и вина употреблялось на каждаго изъ агнцевъ, то есть, и при утреннемъ и при вечернемъ жертвоприношеніи. Предметами безкровной жертвы служили такіе предметы, которые составляютъ главныя, дарованныя Творцемъ (Псал. 103, 14. 15), средства для сохраненія человѣческой жизни и для земнаго довольства.

Въ благоуханіе пріятное (см. изъясненіе ст. 18).

Ст. 42. Неуклонное исполненіе закона о ежедневныхъ жертвахъ всесоженія снова вмѣняется во всегдашнюю обязанность народу еврейскому, причемъ кратко указано и основаніе для сего, состоящее въ томъ, что въ скиніи собранія Иегова будетъ являть особое присутствіе Свое, будетъ открываться и говорить. Благоговѣйное отношеніе къ Его присутствію и должно выражаться, между прочимъ, неопустительнымъ принесеніемъ Ему ежедневныхъ жертвъ.

Переводя: *буду открываться тебѣ*, а не вамъ, слѣдуемъ и указанію перевода греческаго и указанію текста еврейскаго въ другомъ подобномъ мѣстѣ (Исх. 25, 22), хотя и не было бы затрудненій удовлетворительно изъяснить употребленіе слова: *вамъ*.

Ст. 43. Богъ будетъ открываться въ скиніи собранія не только Моисею, но и другимъ сынамъ Израиля, иначе сказать, скинія будетъ мѣстомъ откровеній Божіихъ и для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній сыновъ Израиля.

Освящена будетъ славою Моею, то есть, постоянное явленіе славы Божіей будетъ освящать скинію, сдѣлаетъ ее мѣстомъ святымъ.

Ст. 44. Это освященіе совершитъ самъ Богъ; Онъ освятитъ и скинію и жертвенникъ; Онъ освятитъ и служащихъ

скинии. Иначе сказать, и мѣсто, и лица, призванныя къ служенію въ семь мѣстѣ, получать отъ Бога особое освященіе. Эта мысль имѣетъ ближайшее отношеніе къ повелѣнію неопустительно совершать ежедневное приношеніе жертвъ Богу. Если самъ Богъ освятитъ скинію своимъ пребываніемъ, освятитъ и служащихъ Ему: то сыны Израиля должны неопустительно свидѣтельствовать свое благоговѣніе къ пребывающему въ ихъ святилищѣ Божеству приношеніемъ заповѣданныхъ жертвъ, какъ дара любви, благодарности и покорности.

Ст. 45. 46. Особое присутствіе Божества во святилищѣ будетъ ясно свидѣтельствовать, что Богъ обитаетъ среди Израиля, что Онъ есть Богъ, избравшій ихъ Своимъ народомъ, и явившій Свое Божеское могущество въ чудесномъ изведеніи ихъ изъ земли Египетской.

Объ устроеніи кадилажнаго жертвенника (30, 1—10).

Ст. 1. *И сдѣлаешь жертвенникъ для кажденія куреніемъ; изъ дерева акаціи сдѣлаешь его. (2) Лакоть длина его, и лакоть ширина его, квадратный онъ будетъ, — и два лактя высота его; изъ него будутъ рога его. (3) И обложиши его золотомъ чистымъ, верхъ его и стѣнки его кругомъ, а рога его; и сдѣлаешь у него вѣнецъ золотой кругомъ. (4) И два кольца золотыхъ придѣлаешь къ нему подъ вѣнцемъ его на двухъ сторонахъ его, придѣлаешь на обоихъ бокахъ его; и будутъ они помѣщеніемъ для шестовъ, чтобы носить его на нихъ. (5) И сдѣлаешь шесты изъ дерева акаціи и обложиши ихъ золотомъ. (6) И поставиши его передъ завѣсою, которая передъ ковчегомъ откровенія, передъ крышкою, которая надъ откровеніемъ, и въ Я буду открываться тебѣ. (7) И будетъ кадить на немъ Ааронъ куреніемъ благовоній; каждое утро, при управленіи лампадъ будетъ кадить ими. (8) И когда Ааронъ будетъ зажигать лампады въ срединѣ вечера, будетъ кадить ими; куреніе предъ Теловою — всегда, въ роды ваши. (9) Не возносите на немъ куренія чуждаго, всесожженія и приношенія хлѣбнаго; и возліянія не возливайте на немъ. (10) И будетъ Ааронъ совершать очищеніе*

надъ рогами его разъ въ году; кровію очистительной за грѣхъ жертвы разъ въ году будетъ очищать его въ роды ваши. Это — святыня святынъ Іеговы.

Ст. 1. 2. Кромѣ жертвенника на дворѣ скиніи заповѣдано устроить другой жертвенникъ въ самой скиніи. Наименованіе кадилаго алтаря жертвенникомъ, то есть, такимъ же словомъ, которымъ называется и алтарь для приношенія жертвенныхъ животныхъ, ясно показываетъ, что приношенія, возносившіяся на кадилагомъ алтарѣ, были также жертвою, приносимою Іеговѣ. Какъ и жертвенникъ, стоявшій на дворѣ, кадилаго алтарь устроенъ былъ изъ акаціи, былъ квадратный и имѣлъ рога, выходившіе изъ него, то есть, составлявшіе съ нимъ одно цѣлое (Исх. 27, 1. 2), но размѣры имѣлъ меньшіе, именно, одинъ локоть, то есть, вершковъ десять въ вышину и ширину, и два локтя, то есть, вершковъ двадцать въ высоту.

Ст. 3. Кадилаго жертвенникъ велѣно обложить не мѣдью, какъ жертвенникъ двора, а чистымъ золотомъ, обложить весь, кромѣ нижней стороны, которою жертвенникъ стоялъ на землѣ, то есть, обложить и верхнюю сторону (кровлю), и бока, и рога. У верхняго края жертвенника должно было устроить вѣнецъ золотой, который, вѣроятно, былъ нѣсколько выше верхней доски или кровли жертвенника.

Ст. 4. 5. Ниже вѣнца, вѣроятно прямо подъ нижнею его стороною, нужно было придѣлать съ двухъ сторонъ по два кольца. Слова: *на обоихъ бокахъ* указываютъ, что у двухъ сторонъ жертвенника, у каждой въ двухъ мѣстахъ, по угламъ, должно быть по два кольца, итого четыре кольца, для двухъ шестовъ, какъ и у ковчега завѣта (Исх. 25, 12) и у стола для хлѣбовъ предложенія (Исх. 25, 26).

Ст. 6. Мѣсто кадилаго жертвенника опредѣляется съ особою точностію словами: *передъ завѣсою, передъ крышкою*. Послѣднее изъ указаній точнѣе опредѣляетъ, что жертвенникъ должно поставить передъ серединою завѣсы, такъ, чтобы онъ стоялъ прямо противъ ковчега откровенія, въ одинаковомъ разстояніи и отъ сѣверной и отъ южной сторонъ святилища. Слово: *крышка* употреблено вмѣсто слова: *ковчегъ*

потому, что крышка ковчега и была мѣстомъ присутствія и откровенія Божія (Исх. 25, 22). На эту именно причину и указываютъ слова: *идѣ Я буду открываться тебѣ*.

Слова посланія къ Евреямъ (9, 4) о томъ, что золотую кадильницу имѣло не святилище, а святое святыхъ, могутъ быть изъяснены или такъ, что подъ кадильницею здѣсь разумѣется особый сосудъ, отличный отъ жертвенника кадильнаго, или такъ, что кадильный алтарь, по самому назначенію и по положенію своему около самой завѣсы, могъ быть разсматриваемъ, какъ принадлежность не столько святилища, сколько святаго святыхъ.

Ст. 7. 8. Куреніе на жертвенникѣ должно быть совершаемо Аарономъ два раза въ день, утромъ при оправленіи лампадъ, то есть, при очищеніи свѣтильни и наполненіи лампадъ елеемъ, и въ срединѣ вечера (см. изъясненіе Исх. 12, 6), при зажиганіи лампадъ на ночь. Одно время указано и для принесенія ежедневныхъ кровавыхъ жертвъ на жертвенникѣ двора скинии (Исх. 29, 39. 41) и для сожиганія благовоній на жертвенникѣ святилища. Составъ *куренія благовоній* указанъ ниже, въ стихахъ 34—36. Сожиганіе благовоній такъ же обязательно на всѣ будущія времена существованія ветхозавѣтной церкви, какъ и ежедневныя жертвы изъ агнцевъ (Исх. 29, 42).

Ст. 9. Запрещено совершать на жертвенникѣ куреніе *чуждое*, то есть, составленное не изъ тѣхъ веществъ и не такъ, какъ указано ниже, въ стихахъ 34—36. Запрещено приносить на кадильномъ жертвенникѣ и другія жертвы, которыя приносились на жертвенникѣ двора, какъ-то: всесоженія, хлѣбныя приношенія и возліянія. Иначе сказать, жертвенникъ, находившійся во святилищѣ, предназначался исключительно для сожиганія благовоній и при томъ извѣстнаго состава. Сожиганіе благовоній было свидѣтельствомъ благоговѣнія къ Іеговѣ и выраженіемъ мысли о Его величіи.

Ст. 10. Къ рѣчи объ устроеніи и назначеніи жертвенника присоединено повелѣніе для Аарона, то есть, и для всякаго будущаго первосвященника, однажды въ году, именно въ день очищенія (Лев. гл. 16), совершать очищеніе надъ рогами

жертвенника кровію очистительной жертвы. Оно состояло въ помазаніи кровію роговъ жертвенника, кровію того козла, который приносимъ былъ въ очистительную жертву за грѣхи всего народа (Лев. гл. 16.). Жертвенникъ наименованъ *святынею святыни*, то есть, величайшею святынею, какою были и само святое святыхъ скиніи, и жертвенникъ двора (Исх. 29, 37), и столъ, и свѣтильникъ (Исх. 30, 29).

О священной подати (30. 11—16).

Ст. 11. *И сказалъ Іегова Моисею, говоря: (12) когда будешь производить счетъ сынамъ Израиля при внесеніи ихъ въ перепись: то каждый пусть даетъ выкупъ за душу свою Іегову при внесеніи ихъ въ перепись, и не будетъ между ними мора при внесеніи ихъ въ перепись. (13). Вотъ что пусть даетъ каждый поступающій въ перепись: половину сикля изъ сикля священнаго,—по двадцати геръ въ сикль, половина сикля—возношеніе Іегову. (14) Всякій, поступающій въ перепись, отъ двадцати лѣтъ и выше, будетъ давать возношеніе Іегову. (15) Богатый да не прибавляетъ, а бѣдный да не убавляетъ изъ половины сикля, давая возношеніе Іегову на искупленіе душъ вашихъ. (16) И возьмемъ серебро выкупа отъ сыновъ Израиля и отдадимъ на службу скиніи собранія, и будетъ это для сыновъ Израиля въ память предъ лицомъ Іеговы, на искупленіе душъ вашихъ.*

Повелѣніе вносить священную подать прерываетъ рѣчь объ устроеніи принадлежностей скиніи, именно стоятъ между повелѣніемъ устроить кафельный жертвенникъ—(ст. 1—10) и повелѣніемъ устроить умывальникъ (ст. 17—21). Это произошло не отъ того только, что священная подать давала средства для устроенія принадлежностей скиніи, и потому рѣчь объ этой подати совершенно умѣстна при рѣчи о предметахъ, на устроеніе которыхъ должна быть обращена и эта подать; но и отъ того, что рѣчь о кафельномъ жертвенникѣ заключена повелѣніемъ очищать его. И священная подать имѣла очистительное же значеніе (ст. 16).

Ст. 12. Внесеніе въ перепись означало включеніе въ списокъ возрастныхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе (Числь 1, 3), защитниковъ свободы и независимости народа Еврейскаго. Чѣмъ значительнѣе было число этихъ защитниковъ: тѣмъ надежнѣе была охрана народной свободы и независимости. Но надѣяться на эту охрану можно только при милости Божіей къ защитникамъ народа, потому что самая жизнь ихъ находится въ рукахъ Божіихъ: Не помилуетъ Богъ души ихъ, то есть, жизни ихъ: и они, эти защитники, изгладятся изъ списка; иначе сказать, они непрочны въ этомъ спискѣ. Во свидѣтельство постоянной зависимости въ самомъ бытіи своемъ отъ воли Божіей вносимые въ списокъ и должны давать даръ Богу на искупленіе души, то есть, жизни своей; этотъ даръ, принесенный съ признаніемъ полной зависимости отъ милости Божіей, имѣлъ значеніе умиловительной и очистительной жертвы, отвращающей гнѣвъ Божій и грозныя проявленія сего гнѣва, каковъ, на примѣръ, моръ. По своей обязательности, одинаковости и опредѣленному назначенію этотъ даръ можетъ быть названъ священной податью.

Ст. 13. Количество священной подати—половина сикля, то есть, копѣекъ сорокъ. *Изъ сикля священнаго,—по двадцати геръ въ сикль.* Изъ этого опредѣленія сикля видно, что былъ въ употребленіи и другой сикль, употреблявшійся въ гражданскихъ сдѣлкахъ, вѣроятно, меньшій по вѣсу, меньшей цѣнности.

Половина сикля—возношеніе Иеговъ. Эти слова ясно указываютъ, что внесеніе половины сикля есть жертва Богу, приемлемая Имъ, какъ и другія возношенія.

Ст. 14. Въ перепись должны были вноситься мужчины, начиная съ двадцати лѣтняго возраста и выше, но какимъ срокомъ оканчивая,—не сказано. Можно предполагать, что достиженіе пятидесятилѣтняго возраста давало право на исключеніе изъ списка (ср. Числь 4, 3. 23. 30. 35. 39. 43. 47). Не сказано въ законѣ, одинъ ли разъ должно было внести священную подать, или нужно было платить ее ежегодно. Но умолчаніе закона объ ежегодномъ взносѣ, умолчаніе объ ежегодномъ составленіи переписи и свидѣтельство книги Нееміи

о добровольномъ наложеніи на себя возвратившимся изъ плѣна іудеями обязанности платить ежегодно на потребности скинии по третьей долѣ сикля (Неем. 10, 32. 33) даютъ достаточное основаніе думать, что священный взносъ въ пол-сикля долженъ быть единовременнымъ, а не ежегоднымъ, каковымъ онъ сталъ впоследствии. Этой мысли нисколько не противорѣчитъ и требованіе Баса, царя Іудейскаго (2 Пар. 24, 6).

Ст. 15. Богатый и бѣдный должны были платить одинаково только половину сикля, потому что не сумма сбора имѣла значеніе: сборъ имѣлъ значеніе очистительной и умиловительной жертвы.

Ст. 16. Употребленіе сбора, или священной подати указано одно: на *службу скинии*, то есть, и на устроеніе ея и на различные расходы по устроеніи ея (ср. Неем. 10, 32. 33).

И будетъ это для сыновъ Израиля въ память предъ лицемъ Іеговы,—на искупленіе душъ вашихъ, то есть, Іегова не будетъ Своею милостью забывать внесенныхъ въ перепись, но будетъ щадить ихъ жизньъ.

II. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Въ 1840 году на Московскомъ единовѣрческомъ кладбищѣ совершилось событіе весьма утѣшительное для Православной Церкви, матерински пекущейся о возвращеніи въ свое лоно отпадшихъ чадъ ея—раскольниковъ. Существовавшее еще со времени митрополита Платона небольшое число присоединенныхъ изъ раскола къ православной Церкви на условіяхъ и по правиламъ единовѣрія, въ святительство Филарета, хотя по немногу, однако все увеличивалось, благодаря чему въ Рогожской части имѣлось уже два единовѣрческихъ храма¹⁾, а въ означенномъ (1840) году былъ заложенъ даже особый храмъ на кладбищѣ, во имя Всѣхъ Святыхъ. Святителю Филарету давно уже хотѣлось своимъ личнымъ присутствіемъ и словомъ ободрить единовѣрцевъ, которыхъ раскольники ненавидѣли не менѣе, какъ и православныхъ, и укрѣпить ихъ союзъ съ общею матерію—Церковію, дабы они могли быть болѣе ревностными и успѣшными дѣятелями и по обращенію другихъ раскольниковъ къ единовѣрію. Заложеніе храма представило для сего наилучшій случай. И святитель Филаретъ, предъ заложеніемъ этого храма 8 сентября означеннаго (1840)

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 3.

¹⁾ Старѣйшій—Введенія и нѣсколько позднѣйшій—Св. Троицы. (Послѣдній храмъ освященъ былъ митрополитомъ Серафимомъ).

года, посѣтивъ Троицкую единовѣрческую Церковь, произнесъ въ ней предъ окончаніемъ литургіи, имъ же соборне совершенной, замѣчательное слово, въ которомъ раскрываетъ и свои личныя архипастырскія отношенія къ единовѣрцію, и глубокое ученіе о единствѣ и общеніи въ вѣрѣ. Начавъ свою проповѣдь съ текста словъ св. апостола Павла изъ его посланія къ Римлянамъ: *желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное по утѣржденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общюю, вашею же и моею* (Рим. 1, 11. 12), нашъ святитель—витія прилагаетъ ихъ къ себѣ и говоритъ: и я «уже давно *желаю видѣти васъ*, братія, въ вашей собственно Церкви, и теперь исполняется мое давнее желаніе». И затѣмъ, указавъ на немощь свою, какъ на главнѣйшую причину того, почему онъ доселѣ не могъ исполнить своего желанія, спрашиваетъ: «для чего я желалъ, или лучше, для чего долженъ былъ желать увидѣться съ вами здѣсь, и для чего вамъ прилично было желать сего? ибо я нахожусь нынѣ здѣсь, какъ по моему давнему желанію, такъ и по вашему неоднократно приглашенію». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ опять приводитъ въ примѣръ Апостола Павла, который своими послѣдующими словами приведеннаго текста выражаетъ желаніе найти у Римлянъ «общую вѣру и общеніе въ вѣрѣ, ближайшимъ образомъ дознать и открыть, что» они «точно единовѣрцы ему, и онъ единовѣрецъ Римлянамъ. И въ семъ дознаніи онъ уповаетъ обрѣсти *соутѣшеніе*, то есть, взаимное утѣшеніе, Римлянамъ отъ него, и ему отъ Римлянъ, и не просто утѣшеніе человѣческое, но *дарованіе духовное*, даръ Святаго Духа Утѣшителя». Само собою разумѣется, что опять то же проповѣдникъ прилагаетъ и къ себѣ съ Московскими единовѣрцами, и затѣмъ, въ видѣ перехода къ указанію темы своей проповѣди, продолжаетъ рѣчь такимъ образомъ: «Не домогаюсь покорить васъ моему слову: покоряюсь слову Евангельскому и Апостольскому, и въ покореніи ему желаю быть вмѣстѣ съ вами. Послушайте еще, какъ оно проповѣдуетъ и заповѣдуетъ не только вѣру каждому порознь, но и всѣмъ въ совокупности общеніе и соединеніе вѣры». И далѣе, понятно, на основаніи слова

Евангельскаго и Апостольскаго, подробно и убѣдительно излагаетъ помянутое ученіе о единствѣ и общеніи въ вѣрѣ и о необходимости единенія въ семь. А потомъ, прилагая опять это ученіе къ слушателямъ, говоритъ симъ послѣднимъ: «Знаю, братія святаго храма сего, что единовѣріе ваше не для всѣхъ кажется яснымъ, во-первыхъ, потому, что видятъ у васъ нѣкоторые богослужебные обряды и обычаи, по внѣшнему образу отличные отъ употребляемыхъ въ великой Церкви, хотя впрочемъ не противорѣчащіе духу и значенію оныхъ, какъ дознано испытаніемъ не кратковременнымъ; во-вторыхъ, потому, что держащіеся сихъ обрядовъ нѣкогда подвержены были осужденію церковному, когда держались оныхъ съ преслушаніемъ Церкви и съ отторженіемъ отъ единства ея. Но не разрѣшаю ли уже я сихъ недоумѣній, когда только прозношу ихъ? Гдѣ есть единый духъ вѣры и единеніе духа въ любви и въ послушаніи, такъ какъ слово Апостольское повелѣваетъ христіанамъ быть *чадами послушанія* (1 Петр. 1, 14): тамъ нѣкоторое случайное разнообразіе въ обрядахъ не есть раздѣленіе; и отъ суда, произнесеннаго на непокоривыхъ, по справедливости освобождаются послушные. Такъ разсуждать не мы начали нынѣ, и не наши предшественники недавно ¹⁾: такъ разсуждала и поступала святая Церковь и въ первыя свои времена по требованію обстоятельствъ». Въ примѣръ и подтвержденіе сего святитель—витія и приводитъ возникшій во 2-мъ столѣтіи по Р. Хр. между восточными и западными христіанами споръ о времени празднованія Пасхи, легко прекратившійся и не препятствовавшій ихъ единенію въ вѣрѣ. «Кто размыслить,—продолжаетъ затѣмъ проповѣдникъ,—о сказанномъ теперь, внимательно и безпристрастно, тотъ, надѣюсь, ясно увидитъ, какъ и нынѣ святая Церковь согласна сама съ собою, когда къ искренно желающимъ быть чадами послушанія снисходительно простираетъ свои матернія объятія и, твердо держа свои общіе древніе обряды и бла-

¹⁾ Святитель разумѣетъ здѣсь, очевидно, время съ 1800 года, когда въ Русской Церкви введены были въ дѣйствіе составленные однимъ изъ предшественниковъ его Платономъ правила единовѣрія.

гочестивые обычаи, не поставляетъ однакоже въ преграду единовѣрїю нѣкоторыхъ частныхъ стараго времени обрядовъ, при увѣренности въ единствѣ догматовъ, таинствъ и священноначалїя. Итакъ, братїя,—заключаетъ свою рѣчь къ единовѣрцамъ нашъ витїя,—нѣтъ намъ препятствїя *соутышитися въ рою общю*, какъ истиннымъ дарованїемъ духовнымъ, если только искренно сего желаемъ и усердно взыскуемъ». Но такъ какъ проповѣдь сказана была предъ заложенїемъ храма, на построенїе коего, кромѣ хлопотъ и издержекъ особенно одного изъ единовѣрцевъ, употреблены были хлопоты и собраны пожертвованїя и отъ другихъ лицъ, то въ концѣ ея святитель не преминулъ указать и на это обстоятельство. «Благословенїе Господне,—говорилъ онъ здѣсь по преподанїи благословенїя всѣмъ вообще присутствовавшимъ въ Церкви единовѣрцамъ,—да прїдетъ и на благое начинанїе, къ которому теперь мы приближаемся, чтобы съ самымъ началомъ дѣла, въ послѣдствїи святаго, соединить начало освященїя. Да прїиметъ Господь добровольную жертву рабовъ Своихъ, которыхъ сердца Онъ подвигнулъ на дѣло благочестїя и челоуѣколюбиваго странно-прїимства; и да возниспослетъ имъ Свою Божественную благодать и щедроты. Да оснуетъ храмъ Свой, да созиждетъ, да освятитъ, да утвердитъ. И прежде почившіе въ надеждѣ воскресенїя братїя святаго храма сего да прїимутъ новое утѣшенїе въ томъ, что мѣсто покоища ихъ прїосѣнитъ святой храмъ, съ присною за нихъ молитвою и безкровною жертвою. И душа новопреставленнаго раба Божїя Петра, который не далъ себѣ покоя, *дондеже обрѣте мѣсто Господеви, селенїе Богу Иаковлю*, а обрѣтши тотчасъ упокоенъ судьбою Божїею въ самомъ началѣ и основанїи дѣла своего, да водворится у Господа въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ селенїи праведныхъ, въ вѣчно блаженномъ единствѣ *Церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ*. Аминь»¹⁾. Единовѣрцы,

¹⁾ Соч. Фил. IV, 131—137. Упоминаемый въ проповѣди Петръ есть одинъ изъ братьевъ (Петръ и Илья Семеновичи) Бабкиныхъ, на иждивенїе которыхъ устроены были и храмъ Всѣхъ Святыхъ и Страннопрїимный домъ на единовѣрческомъ кладбищѣ, о чемъ, равно какъ и о торжествѣ закладки храма см. въ Моск. Вѣдом. 1840. г. № 76.

чрезвычайно утѣшенные всѣмъ совершившимся 8 сентября, пожелали, чтобы эта прекрасная проповѣдь была напечатана отдѣльными брошюрами для постоянного назиданія ихъ. И Филаретъ далъ полное согласіе на исполненіе ихъ желанія. Проповѣдь была напечатана отдѣльно ¹⁾; а потомъ вошла и въ собранія 1844—1845 и 1847—1848 годовъ. Посылая экземпляръ отдѣльнаго оттиска ея извѣстному борцу съ расколомъ, архіепископу Пермскому Аркадію (Феодорову), святитель Филаретъ писалъ ему отъ 1 января слѣдующаго 1841 г. ²⁾: «За Московскихъ единовѣрцевъ я благодарю Бога. Только они не многочисленны. Посылаю проповѣдь, у нихъ говоренную и ими напечатанную» ³⁾. Какъ ни были однако не многочисленны Московскіе единовѣрцы, но недаромъ святитель Московскій благодаритъ за нихъ Бога и соутѣшался ихъ вѣрою. Въ нихъ не было того духа, который побуждалъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ изъ Пермскихъ «новыхъ единовѣрцевъ и благословенія отъ архіерея не принимать» ⁴⁾. Они были поистинѣ *чадами послушанія*. Но и этого мало. Недаромъ сказали мы выше, что святителю Филарету хотѣлось лично посѣтить единовѣрческую церковь и побесѣдовать съ единовѣрцами, дабы не только укрѣпить ихъ собственный союзъ съ Церковію, но и чрезъ нихъ привлечь къ тому же союзу и самихъ раскольниковъ. И въ своей вышеприведенной проповѣди онъ прямо выражаетъ это желаніе. Въ виду приведенныхъ въ ней словъ св. Апостола Павла: *не своихъ си кійждо, но и дружныхъ кійждо смотряйте* (Филип. 2, 4), святитель — витія увѣщаваетъ единовѣрцевъ: «Ищите блага, утѣшенія и спасенія не себѣ токмо, но и ближнимъ; да упрочится надежда спасенія вашего, да умножится радость спасенія общаго. Обрѣтайте спасительное утѣшеніе въ единеніи съ единою святою Церковію; и приносите матернему сердцу ея утѣшеніе вашимъ искреннимъ ей послушаніемъ. Не до-

1) См. для сего №№ 68 и 84 дѣлъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета.

2) Въ подлинникѣ ошибочно поставленъ 1840 годъ.

3) *Душен. Чтен.* 1877, III, 529.

4) См. тамъ же. Срав. также о Калужскихъ единовѣрцахъ въ *Чтен. оз Общ. люб. дух. просв.* 1870, XI. 18 и дал. «Матеріаловъ для біогр. Филар.».

вольствуйтесь быть только какъ-нибудь ей не чуждыми, подвизайтесь, *да будете*, по слову Господню, *совершени во едино* (Іоан. 17, 23). Духомъ чистаго единенія и любви и примѣромъ благозаконнаго житія споспѣшествуйте, да прїидутъ въ безопасную ограду единства церковнаго *и ны овцы, яже не суть отъ двора сего* ¹⁾. И это отеческое по истинѣ слово святителя Филарета имѣло благій плодъ въ слышащихъ. Послѣ этого число единовѣрцевъ и обращавшихся отъ раскола къ православію все болѣе и болѣе увеличивалось въ Москвѣ, не смотря на вскорѣ же затѣмъ послѣдовавшее нововведеніе у раскольниковъ:—Бѣлокриницкую іерархію. Въ Москву собственно и именно до слуха святителя Филарета извѣстіе о семъ нововведеніи дошло лишь въ началѣ 1848 года ²⁾. «Хвалящіеся любовію старины,—писалъ святитель къ архіепископу Аркадію, съ которымъ вообще дѣлился своими мыслями и наблюденіями по части раскола болѣе чѣмъ съ другими архіереями,—возлюбили новости. Была новость—бѣглые священники; но какъ она довольно устарѣла, то изобрѣли еще новую -- бѣглаго архіерея» ³⁾. Но не смотря, говоримъ, на это нововведеніе, имѣвшее цѣлю, повидимому, то, чего искали и единовѣрцы въ православной Церкви, число послѣднихъ умножалось значительно. Этому способствовали, кромѣ дѣятельности самихъ же единовѣрцевъ (и православныхъ, конечно) по обращенію своихъ бывшихъ собратій — глаголемыхъ старообрядцевъ къ единовѣрцію, какъ усиленные, вслѣдствіе означеннаго нововведенія, мѣры правительства къ ограниченію области распространенія и дѣйствій раскола при ограниченіи и самыхъ правъ раскольниковъ по сравненію съ православными и единовѣрцами, такъ отчасти и гибельныя послѣдствія того же нововведенія въ средѣ самихъ раскольниковъ, раздѣлившихся, благодаря тому, еще на большее прежняго количество партій, старавшихся увидить и даже унич-

1) Соч. Фил. IV, 136—137.

2) Какъ въ исканіи архіерея, такъ и въ первыхъ дѣйствіяхъ своихъ по распространеніи власти найденнаго архіерея на Россію раскольники наблюдали величайшую скрытность.

3) Душен. Учен. 1877, III, 530—531.

тожить одна другую. Уже самый первый Бѣлокриницкій архіерей Амвросій (бывшій Боснійскій) не понравился многимъ раскольникамъ — поповцамъ во многихъ отношеніяхъ. «Онъ служить, — писалъ отъ 10 марта 1848 года Филаретъ къ Аркадію, — по тѣмъ греческимъ книгамъ, по которымъ исправлены наши славянскія. Для неодобряющихъ исправленнаго перевода, неодобрителенъ и подлинникъ, по которому сдѣлано исправленіе. Изъ Чернигова пишутъ ¹⁾, что Буковинскій архіерей навлекъ на себя сомнѣніе и другимъ новшествомъ, болѣе очевиднымъ: «нюхаетъ и курить табакъ, что обыкновенно дѣлаютъ греки» ²⁾. Все это и подобное, въ своей совокупности, повторяемъ, умножало число единовѣрцевъ Московскихъ, такъ что въ 1848—1849 годахъ Москва могла подѣлиться единовѣрческими священно служителями даже и съ одною изъ южныхъ епархій ³⁾. Но особенно съ 1853 года началось весьма значительное усиленіе единовѣрія въ Москвѣ, благодаря чему потребовалось увеличеніе числа единовѣрческихъ приходоу здѣсь. И что болѣе всего было утѣшительно, такъ это то, что усиленное движеніе изъ раскола къ единовѣрію стало совершаться тогда въ главныхъ гнѣздилищахъ раскола, сперва на Преображенскомъ, а потомъ и на Рогожскомъ раскольническихъ кладбищахъ, и при томъ какъ разъ совпало съ прибытіемъ въ Москву и первыми дѣйствіями въ ней перваго раскольническаго архіерея Антонія (Шутова). Это было подлинно великою побѣдою православія надъ расколомъ, и недаромъ поздравлялъ Филарета съ этою побѣдою знаменитый архіепископъ Херсонскій Иннокентій (Борисовъ), давно уже съ живымъ участіемъ относившійся къ успѣхамъ единовѣрія въ Москвѣ ⁴⁾ и съ такимъ же интересомъ слѣдившій за означенными гнѣздилищами, центрами не только Московскаго, но и всероссійскаго раскола. Отвѣчая на это поздравленіе, Филаретъ отъ 6 января 1854

1) Писалъ, конечно, архіепископъ Черниговскій Павелъ (Подъяпскій).

2) *Душен. Чтен.* 1877, III, 531.

3) Именно съ Херсонскою. См. о томъ въ *Чтен. въ Общ. ист. и древ. Росс.* 1874, II, 54—63 отд. «Смѣсь».

4) Срав. о семъ въ указан. мѣстѣ *Чтеній въ общ. ист. и древн.* за 1874 годъ, кн. II.

года писалъ Иннокентію: «Нѣкоторая духовная побѣда надъ кладбищами совершилась Провидѣніемъ Божиимъ и тѣмъ, что зло ихъ обличилось сильнѣе прежняго. Была бы она полнѣе, добавляетъ однакоже святитель, ---если бы нѣкоторые, имѣющіе значеніе, мысль о терпимости не обращали въ покровительство ¹⁾. Помолитесь о возвращеніи еще блуждающихъ во дворъ Христовъ истинный» ²⁾. Въ мартѣ того же 1854 г. святитель Филаретъ и оффиціально повелѣ дѣло о совершившемся присоединеніи раскольниковъ къ единовѣрцію и о просьбѣ присоединенныхъ обратить одну изъ часовень Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь. Именно 19 марта сего года Филаретъ писалъ къ графу Протасову слѣдующее: «обращенное правительствомъ вниманіе на прекращеніе беспорядковъ на такъ называемомъ, въ Москвѣ, Преображенскомъ кладбищѣ (которое, подъ видомъ богадѣленнаго дома, заключало въ себѣ людей, чуждыхъ православной Церкви, содержащихъ и распространяющихъ ученія, сколь противныя Церкви, столько же предосудительныя въ отношеніи къ правительству и общественной жизни), для разсудительныхъ послѣдователей Преображенскихъ наставниковъ сдѣлалось случаемъ къ такому движенію умовъ, по которому они начали сознавать неправильность своего положенія въ отношеніи къ вѣрѣ, и получили расположеніе къ соединенію съ святою Церковію. Сего марта 11-го дня, Троицкой единовѣрческой церкви священникъ Іоаннъ Березинъ донесъ мнѣ о совершившемся присоединеніи таковыхъ, въ числѣ 10 душъ. 17 дня благочинный, священникъ единовѣрческой церкви Василій Михайловъ ³⁾ представилъ донесеніе о совершившемся присоединеніи таковыхъ же къ единовѣрческой церкви 53 душъ. А 18 дня новоприсоединенные единовѣрцы вошли ко мнѣ съ прошеніемъ, за подписаніемъ 16 человѣкъ, большею частію начальниковъ семействъ, чтобы одну изъ находящихся

¹⁾ При этомъ, главнымъ образомъ, имѣется въ виду графъ Закревскій. См. *Брат. Слово* 1884, № 7, стр. 378.

²⁾ *Христ. Чит.* 1884, I, 218.

³⁾ Звѣревъ, священникъ уже извѣстной намъ Троицкой единовѣрческой, въ Москвѣ, церкви.

на Преображенскомъ кладбищѣ часовень, ими избранную, обратить въ единовѣрческую церковь, дабы чрезъ опредѣленнаго епархіальнымъ начальствомъ священника съ причтомъ отправлялось богослуженіе и все духовныя требы, по древнимъ уставамъ. Представившіе сіе прошеніе объяснили, что они считаютъ доннынѣ около ста душъ, имѣющихъ принадлежать къ новоучреждаемой единовѣрческой церкви, и если еще не болѣе, то потому, что они, обдумывая сіе предпріятіе, не спѣшили сдѣлать оное гласнымъ. Когда же церковь дѣйствительно откроется, можно надѣяться, что число присоединяющихся къ ней сильно возрастетъ будетъ. Надежду сію можно почесть основательною, между прочимъ, потому, что въ числѣ подписавшихся подъ прошеніемъ о церкви находятся значительнѣйшія лица изъ принадлежавшихъ, по вѣрованію, къ Преображенскому кладбищу ¹⁾, и отъ примѣра ихъ можно ожидать полезнаго дѣйствія на другихъ. Просители изъявляютъ желаніе, чтобы просимая церковь открылась, по возможности, безъ умедленія. И поелику для устройства главнаго престола въ избранной ими каменной часовнѣ нужно пристроить къ ней алтарь, чего въ скорости сдѣлать не можно, то они желаютъ на первый разъ устроить внутри ея придѣлъ во имя святителя и чудотворца Николая. Расположеніе зданія благопріятствуетъ сему. Надобно только поставить иконостасъ, престолъ и жертвенникъ. Иконы для сего иконостаса уже есть въ виду изъ упраздненной прежде часовни. Просители обозрѣвали ихъ. Планъ иконостаса готовится. Просители обнадеживаютъ, что содержаніе причта будетъ обезпечено ихъ усердіемъ. Все вышеизложенное даетъ основаніе къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на устройство, согласно съ прошеніемъ, единовѣрческой церкви, въ зданія часовни. 2) Для совершенія въ ней богослуженія, на первый разъ, назначить благочиннаго, священника существующей единовѣрческой церкви, Василя Михайлова ²⁾ (чего п желаютъ ново-

1) Таковы были: Гучковы, Носовы, Тихомировы и др. См. *Филар. Юбил. Сборн.* I, 652. Москва, 1883.

2) Звѣрева.

присоединенные) и причетника отъ той же церкви. 3) Въ послѣдствіи времени имѣть сужденіе о томъ, утвердить ли сего священника при новой церкви окончательно, или избрать другаго, а его возвратить на прежнее мѣсто служенія. Соотвѣтствуя усердію просителей, поспѣшаю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою доложить о семъ Государю Императору и испросить Высочайшее Его Величества повелѣніе¹⁾. По всеподданнѣйшемъ докладѣ этого письма, Государь Императоръ, въ 22 день того же марта, Высочайше начертать изволилъ: *«Слава Богу. Душевно радуюсь, въ надеждѣ, что чистосердечно»*²⁾. Согласно сей Высочайшей волѣ Филарету, указами Св. Синода отъ 27 марта за № 184 и отъ 29 марта же за № 186, предписано было привести въ исполненіе опредѣленіе Св. Синода объ обращеніи одной изъ часовень Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь и о распоряженіяхъ по сему дѣлу донести Св. Синоду. 3 апрѣля самъ святитель Филаретъ совершилъ освященіе этой церкви во имя святителя .Николая, а отъ 5 апрѣля и донесъ о томъ Св. Синоду, при чемъ сообщалъ, между прочимъ, что при освященіи сего храма употребленъ древній антимиасъ, освященный при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ³⁾; что священнослуженіе освященія имъ совершено во всемъ по древнему чину, при сослуженіи священниковъ существующихъ въ Москвѣ единовѣрческихъ церквей; что кромѣ единовѣрцевъ, при семъ священнослуженіи присутствовали приглашенныя особы высшихъ званій⁴⁾, граждане православные и частію принадлежащіе къ поповщинскому

1) *Собр. мн. и отв. Фил.* т. доп., стр. 370—372.

2) Тамъ же, стр. 272.

3) См. о семъ антимиасѣ и о прочихъ принадлежностяхъ древняго чина предстоявшаго освященія любопытныя замѣтки святителя Филарета въ его письмѣ къ намѣстнику Лавры Антонію отъ 26 марта 1854 года. *Письма Ф. къ Ант.* III, 277—279. Москва, 1883.

4) «Г. Московскій военный генералъ-губернаторъ (графъ А. А. Закревскій),— замѣчаетъ при этомъ самъ Филаретъ,—мною былъ приглашенъ къ сему священнослуженію, но не присутствовалъ, по состоянію здоровья». *Собр. мн. и отв. Ф.* т. доп., стр. 374 прим.

толку; что народъ наполнялъ храмъ и окружалъ его отвѣтъ ¹⁾, во время троекратнаго обхожденія его по чину освященія; и что число вступающихъ въ новый къ сей церкви единовѣрческій приходъ, ко дню освященія храма, возрасло выше 150 ²⁾. На докладѣ объ этомъ донесеніи Государю Императору благоугодно было также написать: *Слава Богу* ³⁾. 12 августа того же 1854 года къ этой церкви переведены были священникъ, діаконъ и причетникъ отъ единовѣрческой, въ Михайловской слободѣ, церкви, и святитель же Филаретъ исходатайствовалъ сему причту отъ св. Сѣнода приличное жалованье ⁴⁾. Между тѣмъ еще въ 1853 году, вслѣдъ за раскольниками Преображенскаго и нѣкоторые раскольники Рогожскаго кладбища изъявляли желаніе принять единовѣрчіе и также обратить одну изъ часовень Рогожскаго кладбища въ единовѣрческую церковь. Но тогда они ставили для сего между прочими такія условія, которыхъ принять было нельзя. Въ 1854 году, когда дѣло о Никольской единовѣрческой на Преображенскомъ кладбищѣ церкви увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ, Рогожскіе раскольники, искавшіе единовѣрчія, возобновили свое прошеніе объ обращеніи часовни въ церковь, но теперь «уже безъ настоянія на особенныя исключительныя правила». Главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ извѣстный купецъ Владиміръ Андреевичъ Сапелкинъ, при сочувствіи и содѣйствіи купцовъ М. Н. Кабанова, Д. П. Фомина и друг. 17 сентября ими и другими предполагаемыми прихожанами будущей единовѣрческой Церкви подано было митрополиту Филарету о томъ прошеніе, согласно которому бывшая раскольническая часовня 23 сентября, подобно Преображенской Никольской, освящена въ единовѣрческую церковь также во имя святителя Николая. Освященіе на этотъ разъ совершалъ (за невозможностію того, въ виду близости праздника преподоб-

1) Храмъ, -- бывшая часовня, -- былъ построенъ отдѣльно отъ другихъ зданій среди двора мужской половины богадѣленнаго дома.

2) *Собр. мн. и отв. Фил.* т. доп., стр. 372—374. Сп. *Филар. Юб. Сборн.* т. I, стр. 653—654.

3) *Собр. мн. и отв. Фил.* т. доп., стр. 375.

4) *Собр. мн. и отв. Ф.* т. доп., стр. 395—397.

наго Сергія, для самого Филарета) опытный въ священнослуженіи по древнему чину священникъ Московской Всесвятской единовѣрческой церкви Симеонъ Николаевъ Морозовъ, въ сослуженіи съ двумя единовѣрческими же іеромонахомъ и священникомъ, при чемъ, узнавъ содержаніе выданной митрополитомъ Филаретомъ грамоты на обращеніе часовни въ церковь ¹⁾, многіе и другіе раскольники, бывшіе при священнодѣйствіи освященія, изъявили желаніе принять единовѣріе. Обо всемъ этомъ, равно какъ и объ остальномъ, относившемся къ тому же дѣлу, Филаретъ донесъ св. Сѣноду отъ 25 сентября 1854 года. Донесеніе это также было доложено Государю Императору, и Государь опять начерталъ на докладѣ: „*Слава Богу, хорошее начало*“, о каковой резолюціи Его Величества св. Сѣнодъ извѣстилъ Филарета, съ присокупленіемъ и своей ему признательности и благодарности за его труды и распорядительность по означенному благому дѣлу, а списокъ съ данной имъ по сему случаю грамоты разослалъ епархіальнымъ преосвященнымъ, для надлежащаго свѣдѣнія ²⁾. Объясняя нѣкоторую поспѣшность, съ какою дано было согласіе на обращеніе часовни Рогожскаго кладбища въ единовѣрческую церковь, хотя еще и не велико тогда было число будущихъ прихожанъ сей церкви, Филаретъ въ упомянутомъ сей часъ донесеніи своемъ св. Сѣноду представлялъ для того слѣдующія весьма важныя причины: <1) Подписавшіе и представившіе прошеніе оказали въ семъ такую рѣшимость и усердіе, которыя побуждали соотвѣтствовать имъ подобною рѣшимостію и готовностію исполнить ихъ желаніе. 2) Они увѣряли меня, что знаютъ не малое число людей, расположенныхъ присоединиться къ единовѣрію, когда откроется церковь ³⁾, но по разнымъ обстоятельствамъ не рѣ-

1) Грамота сія, напечатанная церковнымъ шрифтомъ, и помѣченная 20 сентября 1854 года, была читана по освященіи и предъ начатіемъ литургіи въ освященномъ храмѣ.

2) См. *Собр. мн. и отв. Фил.* т. доп., стр. 397—405 и *Фил. Юбил. Сбор.* I, 655—657.

3) Это и оказалось прямо при освященіи ея, какъ мы видѣли, а вскорѣ послѣ того слѣдовали и многіе другіе случаи обращенія изъ раскола въ единовѣріе, о чемъ см. тамъ-же.

шающихъ открыть себя ранѣе. 3) Они своею рѣшимостію совершили подвигъ, въ которомъ надлежало ихъ неукоснительно поддержать; потому что, хотя между ними есть весьма значительныя лица по разсудительности, благонамѣренности и положенію въ обществѣ, но Рогожскій расколъ имѣетъ еще неукротенныхъ поборниковъ, сильныхъ богатствомъ и привыч-нымъ на другихъ вліаніемъ, и возбуждаемыхъ корыстными видами, и сіи люди расположенныхъ къ миру съ церковію стараются разстраивать, то лжеумствованіями, то укоризнами, то покушеніемъ вредить имъ въ дѣлахъ. 4) Тяготѣющая надъ расколъ-ническимъ многолюдствомъ сила богатыхъ и ожесточенныхъ расколоводителей дѣйствительно такова, что многіе, особен-но маломощные, не смѣютъ обнаружить своего расположенія къ церкви, хотя и имѣютъ оное. Даже одинъ почетный гра-жданинъ, лично мнѣ изъяснившій желаніе присоединиться къ единовѣрію и быть прихожаниномъ новоучреждаемой церкви, когда надобно было объявить сіе письменно, не рѣшался об-наружить себя рано подписью подъ прошеніемъ, которая неизбѣжно многимъ извѣстна, а прислалъ ко мнѣ о семъ отдѣльное письмо. Въ сихъ обстоятельствахъ нужно было явнымъ дѣломъ показать, что расколъ не есть непобѣдимъ и плѣнникамъ раскола въ самомъ мѣстѣ ихъ плѣна открыть свободный входъ въ Церковь. 5) Уже нѣсколько лѣтъ извѣст-но, что деньгами и происками Рогожскихъ раскольниковъ устроена за-границею лжемитрополія Бѣлокриницкая; что тамъ поставлены для русскихъ раскольниковъ два лжеепи-скопа; что они, подъ гражданскими именами и званіемъ, тай-но бывають въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и ставятъ для раскольниковъ лжесвященниковъ. Недавно изъ Рязани получено мною свѣдѣніе ¹⁾, что тамъ открыто письмо ра-скольническаго лжеепископа къ мірянину, какъ видно, раско-

¹⁾ Отъ архіепископа Рязанскаго Гавріила (Городкова). См. для сего *Письма Фил. къ Гаер.*, стр. 88. Москва, 1868. Изд. Общ. ист. и древн. Росс. съ примѣ-чаніями О. М. Бодянскаго. Здѣсь же въ примѣч. на стр. 88—89 можно читать свѣдѣніе и о главныхъ Московскихъ богачахъ—заправлахъ раскола, изъ коихъ нѣкоторые живы и доселѣ и по прежнему дѣйствуютъ въ пользу раскола вообще, и Бѣлокриницкой лжеіерархін въ частности.

ловодителю, въ которомъ лжеепископъ извѣщаетъ о поставленіи Бѣлокриницкою лжемитрополіею новаго лжеепископа, съ наименованіемъ архіепископа Владимірскаго, и изъявляетъ недоумѣніе, признать ли его, потому что онъ поставленъ безъ согласія двухъ прежнихъ русскихъ лжеепископовъ. Не нужно объяснять, какъ опасно для словеснаго стада, когда волки уже не отвнѣ видимо нападаютъ, но среди овецъ въ овчей одеждѣ, не усмотримые стражами, ходятъ. Долгъ вѣрности къ святой Церкви и къ Благочестивѣйшему Императору не позволяетъ мнѣ скрыть и той мысли, что допущеніе и даже покровительство иновѣрнымъ иностраннымъ правительствомъ ¹⁾ нелѣпой Бѣлокриницкой лжемитрополіи едва-ли можетъ быть изъяснено иначе, какъ недобрымъ намѣреніемъ простирать чрезъ нее недоброе вліяніе на Россію въ религіозномъ и государственномъ отношеніи. Итакъ, по всѣмъ симъ соображеніямъ надобно было неукоснительно воспользоваться законно представившимся случаемъ—посѣять доброе сѣмя на землѣ Рогожскаго кладбища, на которой выросло и съ которой разнесено столько злыхъ плевель ²⁾. И доброе сѣмя принесло скоро же еще добрый плодъ. 19 декабря того же 1854 года совершилось освященіе другаго единовѣрческаго храма на Преображенскомъ кладбищѣ, именно храма въ честь Воздвиженія Креста Господня. Не смотря на болѣзненное состояніе свое, святитель Филаретъ склонился на убѣдительную просьбу единовѣрцевъ о томъ, чтобы онъ самъ освятилъ этотъ храмъ. «Помолитесь,—писалъ поэтому святитель къ намѣстнику Лавры Антонію наканунѣ дня освященія, — чтобы Господь не лишилъ меня пощады и помощи завтра. Служеніе продолжительное, и по старымъ книгамъ имѣющее трудный чинъ ³⁾. Однако Господь помогъ святителю не только совершить освященіе храма, но и произнести проповѣдь по освященіи. «Видно, вы помолились за меня въ воскресеньѣ», писалъ Филаретъ тому же Антонію отъ

¹⁾ Разумѣется, Австрійскимъ.

²⁾ *Собр. мн. и отв. Фил.* т. доп. стр. 400—402. Св. т. III, стр. 565—567.

³⁾ *Письма Филарета къ Ант.* III, 308.

22 декабря, указывая на воскресенье 19 декабря. «Четыре часа двадцать минут служенія въ единовѣрческой церкви, и около двухъ часовъ пути туда и обратно не оказались превышающими возможность моей немощи»¹⁾. По истинѣ *сила Божія въ немощи совершается*. Эта же *сила Божія*, т. е. благодать Духа Святаго умудрила святителя сказать и прекрасную проповѣдь въ единовѣрческой церкви. Мы разумѣемъ его «Бесѣду по освященіи храма Воздвиженія Креста Господня въ Преображенскомъ Богадѣленномъ домѣ», вскорѣ же по произнесеніи ея напечатанную и въ тогдашнихъ Московскихъ свѣтскихъ газетахъ, и въ періодическомъ изданіи Московской духовной академіи, и въ собраніяхъ проповѣдей Филарета, позднѣе вышедшихъ въ свѣтъ. Начинаетъ свою бесѣду святитель сопоставленіемъ только что освященнаго храма съ храмомъ Соломоновымъ ветхозавѣтнымъ и указываетъ именно на радость участниковъ торжества освященія, подобную радости торжества освященія храма Соломонова, описываемой въ 3-й книгѣ Царствъ (8 гл. ст. 66). Но затѣмъ вскорѣ же отъ общихъ о семъ разсужденій переходитъ къ частнымъ мыслямъ, касающимся прямо раскола и единовѣрія. «Радость наша,—говоритъ онъ, получить особенный видъ, если помыслимъ о судьбѣ сего мѣста, и сравнимъ нерадостное прошедшее съ радостнымъ настоящимъ. За восемьдесятъ три года предъ симъ, здѣсь было пустое мѣсто; а потомъ устроилась больница для страждущихъ губительною болѣзнію и мѣсто погребенія умершихъ отъ губительной болѣзни»²⁾. Печальное начало! Желая освѣтить сіе несвѣтлое воспоминаніе мыслию о челоуѣколюбіи основателей сего учрежденія, о смѣлости дѣйствованія ихъ въ опасное время, о постоянствѣ и щедрости, употребленныхъ для того, чтобы сіе временное учрежденіе не прекратилось, но поддерживалось, возрастало и возвышалось въ своемъ значеніи. Но все сіе предъ окомъ духовнымъ покрываетъ печальная тѣнь. Подъ кровомъ челоуѣколюбія мнили здѣсь поставить сѣдалище вѣры, но въ такомъ обществѣ людей,

1) *Письма Ф. къ Ант.* III, 308.

2) Разумѣется, конечно, чума 1771 года.

которое, вслѣдствіе давно возникшихъ распрей и усиленно изысканныхъ сомнѣній о вселенской православной Церкви, само себя поставило въ отчужденіи отъ вселенской православной Церкви. Молю всѣхъ, слушающихъ меня теперь, слушать мирно и благодушно, и не огорчаться, если въ словѣ моемъ покажется нѣчто для нѣкоторыхъ непріятнымъ. Желаю быть со всѣми въ мирѣ и духомъ и словомъ: но судьбою Божіею возложенное на меня служеніе обязываетъ меня въ духѣ мира возвѣщать истину, иногда и непріятную, на спасеніе душамъ: *нужда бо ми на лежитъ: горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1. Кор. 9, 16). Внемлю слову Господню: *не судите, да не судими будете* (Матѣ. 7, 1), и слову Апостола: *прежде време нечтоже судите, дондеже придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и обявитъ сооты сердечныя* (1 Кор. 4, 5) и не желаю судить никого даже изъ тѣхъ, которые слишкомъ жестокіе суды произносятъ на святую Церковь; а желаю и молю Спаса всѣхъ Бога, да покроетъ всякій грѣхъ невѣдѣнія Своимъ безпредѣльнымъ милосердіемъ, да разсѣетъ Своимъ Божественнымъ свѣтомъ туманъ сомнѣній, покрывающій нѣкія души; да приведетъ овцы, яже не суть отъ двора сего, въ единый дворъ единого Пастыря Іисуса Христа. Но я былъ бы виновенъ и предъ правоходящими, еслибы молчалъ, и не остерегалъ ихъ отъ пути неправого разсужденія, и предъ неправоходящими, еслибы молчалъ, и не указывалъ имъ пути праваго разсужденія. Была на семь мѣстѣ и въ прошедшія восемьдесятъ лѣтъ исповѣдуема вѣра во единого Бога Отца, Вседержителя, и во единого Господа Іисуса Христа Сына Божія, Единородного, прежде вѣкъ рожденнаго, единосущнаго Отцу, Бога истиннаго, отъ Бога истиннаго, нашего ради спасенія воплотившагося, страдавшаго, погребеннаго, воскресшаго, восшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Отца, паки грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ; и Духа Святаго, такожде истиннаго Господа, отъ Отца исходящаго, купно со Отцемъ и Сыномъ покланяемаго. Сія вѣра Апостольская. Сія вѣра Отеческая. Сіе есть твердое основаніе вѣры для всей Церкви вселенской. Но что на семь основаніи строили здѣсь? Злато-ли? Серебро-ли?

Честное ли каменіе? Положите въ горнило слова Божія главнѣйшія ученія, здѣсь господствовавшія, и посмотрите, что окажется». И далѣе на семъ основаніи слова Божія, нашъ святитель-витія обличаетъ и опровергаетъ главнѣйшія, господствовавшія на Преображенскомъ кладбищѣ раскольническія ученія, именно: отрицаніе необходимости священства (безпоповщину), отверженіе таинства Причащенія тѣла и крови Христовой и новое лжеученіе о бракѣ и дѣвствѣ. А въ заключеніе говоритъ: «Благословенъ Богъ, иже всѣмъ челоуѣкомъ хочетъ спастися. Благословенна благодать Господня, просвѣщающая всѣхъ, не смежающихъ очей отъ свѣта ея. Благословенны души, безпристрастнымъ умомъ и искреннимъ сердцемъ ищущія истины, благодати и спасенія. Се, въ едино лѣто второй уже храмъ освящается здѣсь, и просвѣщаетъ мѣсто сіе. *Призри съ небесе Боже, и виждь, и пошлѣти, и утверди, и возрасти, и распространи виноградъ сей, его же насади десница Твоя! Аминь*»¹⁾. Молитва святителя была услышана Богомъ. Распространеніе единовѣрія на Преображенскомъ раскольническомъ кладбищѣ шло, хотя и не безъ препятствій со стороны закоренѣлыхъ раскольниковъ. все далѣе и далѣе²⁾ и, быть можетъ, даже всѣ «овцы, яже не суть отъ двора сего», чрезъ двери единовѣрія приведены были въ единый дворъ овчій—Церковь Христову, еслибы вскорѣ послѣ описаннаго событія освященія единовѣрческаго храма не послѣдовала рановременная кончина императора Николая, дѣйствовавшаго въ отношеніи къ раскольникамъ по правиламъ истинно православнаго прозорливаго и неуклонно послѣдовательнаго Государя, и не повлекла за собою значительнаго ослабленія правительственныхъ мѣръ противъ раскола, до того времени весьма много содѣйствовавшихъ православію въ борьбѣ его съ послѣднимъ.

Уже и чрезъ единовѣріе мы имѣли утѣшеніе отъ темныхъ сторонъ, «печальныхъ тѣней» исторіи Русской Церкви пе-

1) Соч. Фил. V, 288—292.

2) Плоды этого распространенія будутъ описаны при изображеніи царствованія Александра II.

рейти къ свѣтлымъ чертамъ ея. Еще свѣтлѣе черты эти представляются въ одномъ событіи, ознаменовавшемъ собою царствованіе Николая и озарившемъ свѣтомъ небеснымъ все это царствованіе. Разумѣемъ открытіе св. мощей святителя Воронежскаго Митрофана, наглядно показавшее раскольникамъ, сколь ошибочны мнѣнія ихъ о томъ, что со времени Никона въ церкви русской и государствѣ россійскомъ царствуетъ антихристъ; ибо святитель Митрофанъ (или Митрофаній) блаженно почилъ уже при Петрѣ Великомъ. Это открытіе совершилось въ 1832 году. Еще отъ 17 марта сего года святитель Филаретъ изъ Петербурга писалъ къ намѣстнику Лавры Антонію: «Скажу вамъ новость лучше тѣхъ, о какихъ пишутъ въ публичныхъ листахъ. Дѣло объ открытіи мощей святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго ¹⁾, получило благопріятное начало; знаменія истины и благодати есть; можно надѣяться, что сіе совершится къ славѣ Божіей и утѣшенію Церкви. Господу помолимся» ²⁾. Святителю Филарету «даровано было,—по его же собственнымъ словамъ,—первому подать голосъ о признаніи и прославленіи сущей въ немъ благодати Божіей» ³⁾. Затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года состоялось и самое торжество открытія мощей; а митрополиту Филарету Св. Синодомъ поручено было составить сказаніе о семъ открытіи, каковое порученіе онъ и исполнилъ ко времени празднованія памяти святителя Митрофана 23 ноября того же 1832 г. ⁴⁾. Служба и житіе новоявленнаго святителя и чудотворца составлены были гораздо позже ⁵⁾. Какъ событія весьма важнаго въ исторіи Русской церкви того времени, святитель Филаретъ не могъ не коснуться его и въ своихъ проповѣдяхъ. И во-первыхъ, вскорѣ же послѣ открытія мощей св. Митрофана, произнося слово въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича Александра

1) Святитель Митрофанъ былъ епископомъ Воронежскимъ съ 1682 по 1703 годъ. Въ семъ послѣднемъ году 23 ноября онъ и скончался.

2) *Письма Ф. къ Ант.* I, 33.

3) Тамъ же, стр. 334—335.

4) Тамъ же, стр. 335; см. стр. 52. Срав. *Филар. Юбил. Сборн.* I, 473—474.

5) *Письма Ф. къ Ант.* I, 306—307; срв. 335 стр.

Николаевича 30 августа того же 1832 года и въ немъ призывая слушателей къ страху Божію и почитанію Царя, на основаніи словъ Апостола: *Бога бойтесе, царя чтите* (1 Петр. 2, 17), Филаретъ между прочимъ говоритъ: «Если непосредственно подлѣ великой заповѣди: *Бога бойтесе*, могла стоять заповѣдь: *царя чтите*, тогда, какъ царь не чтилъ истиннаго Бога и преслѣдовалъ Его читателей ¹⁾: то какъ и священна, и легка, и сладостна должна быть для насъ сія послѣдняя заповѣдь, когда Царь, надъ нами царствующій, не только знаетъ и исповѣдуетъ единаго съ нами истиннаго Бога, но и освященъ помазаніемъ Божіимъ; покровительствуетъ истинное благочестіе Своею властію, уполномочиваетъ Своимъ примѣромъ, ограждаетъ Своими законами и правосудіемъ, чтитъ Святыхъ Божіихъ, какъ и недавно почтилъ Онъ съ Церковію новопрославленнаго Святителя Митрофана» ²⁾. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1833 г. по освященіи храма, устроеннаго въ честь святителя Митрофана надъ южными вратами при богадѣленномъ домѣ въ женскомъ Хотьковѣ монастырѣ, іюня 29-го, святитель Московскій, говоря проповѣдь по сему случаю, въ самомъ началѣ этой проповѣди, обращаясь къ самому новоявленному чудотворцу Митрофану, говоритъ: «Сей храмъ, по всей вѣроятности, есть первый, который украшается новопрославленнымъ именемъ твоимъ, святителю и чудотворче Митрофане. Прими сей начатокъ, сію добровольную жертву вѣры; представи оную великому Архіерею, прошедшему небеса, Господу нашему Іисусу Христу; сотвори ее благопріятну Богу; дополни и дополняй твоими благопріятными молитвами недостаточество нашихъ молитвъ, нынѣ принесенныхъ о храмѣ семъ, и отнынѣ во храмѣ семъ приносимыхъ; непусти праздно быти благодатному имени твоему, нареченному на храмѣ семъ, но посѣщай оный, яко тебѣ вѣрою нашею усвоенный; благослови и утѣши душу, сей даръ усердія тебѣ принесшую ³⁾, и всѣмъ храму сему служащимъ и въ не-

1) Разумѣются, конечно, Римскіе языческіе цари временъ Апостольскихъ.

2) Соч. Ф. Ш, 205.

3) При семъ разумѣется П. М. Неронова, иждивеніемъ которой построенъ храмъ во имя св. Митрофана. См. С. К. Смирнова, *Покровскій Хотьковъ двинскій монастырь*, стр. 30. Изд. 3-е. Москва, 1872.

го притекающимъ споспѣшествуй, да и сами, по Апостольскому слову, яко каменіе живо, зиждутся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови, Иисусъ Христомъ. Вѣруйте,—обращается теперь витія къ слушателямъ,—и не сомнѣвайтесь, чада вѣры, что прошенія наши, теперь изреченныя, и слышитъ, и пріемлетъ, и не отречется исполнить избранный нами Предстатель предъ Богомъ. Ибо для чего иначе и прославилъ его Богъ на земли, довольнаго славою небесною, и не имѣющаго нужды въ славѣ земной.— для чего иначе, если не для того, чтобы чрезъ сію славу открыть и указать его нашей вѣрѣ, и чтобы, по сей вѣрѣ, принимать его за насъ предстательство, и исполнять наши во благихъ желанія?». И далѣе предлагается наставленіе слушателямъ о томъ, какія и съ нашей стороны требуются условія къ исполненію Богомъ, по ходатайству святыхъ, нашихъ прошеній и желаній, и къ тому, чтобы мы созидались въ храмъ духовный¹⁾. Послѣ того, конечно, устроено было много и еще храмовъ и придѣловъ при храмахъ, въ честь святителя Митрофана, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ Московской епархіи. Между прочимъ, по желанію прихожанъ, устроенъ былъ придѣлъ въ честь святителя Митрофана въ Московской церкви Троицы на Капелькахъ, при коей старостою состоялъ давній знакомецъ и искренній почитатель митрополита Филарета, пользовавшійся, въ свою очередь, и полнымъ уваженіемъ послѣдняго, М. М. Евреиновъ. По устройствѣ придѣла, когда староста явился къ Филарету для того, чтобы испросить у него разрѣшеніе освятить придѣлъ, Филаретъ, какъ пишетъ самъ Евреиновъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ о Филаретѣ*, спросилъ старосту: «а кто же будетъ у васъ освящать? Я отвѣчалъ (*пишетъ Евреиновъ*): тотъ, кто отъ васъ назначенъ будетъ. А развѣ вамъ не угодно будетъ, чтобы я освящалъ?—Напротивъ, отвѣчалъ я,— очень бы желалъ сего, но не смѣлъ васъ беспокоить. Онъ сказалъ, что это его нисколько не можетъ беспокоить и что онъ съ удовольствіемъ исполнитъ мое желаніе, и прибавилъ, что въ слѣ-

1) Соч. Ф. Ш, 225—230.

дующее воскресенье, которое приходилось 9 декабря, онъ готовъ будетъ для сего». Дѣйствительно, 9 декабря 1834 г. ¹⁾ состоялось освященіе придѣла, и Филаретъ почтилъ торжество освященія не только своимъ въ немъ священнодѣйственнымъ участіемъ, но и произнесеніемъ проповѣди, а послѣ литургіи и участіемъ въ трапезѣ, предложенной гостепріимнымъ старостою ²⁾. Такъ какъ 9 декабря въ означенномъ году приходилось въ 26-ю недѣлю по 50-цѣ, то Филаретъ, лишь въ началѣ своей проповѣди коснувшись торжества освященія, потомъ прямо и исключительно предлагаетъ въ ней поученіе на текстъ изъ Евангелія той недѣли: *такъ собирай себѣ, а не въ Бога богатя* (Лук. 12, 21), такъ что по этому въ полномъ своемъ видѣ эта проповѣдь сохранилась лишь въ рукописномъ Евреиновскомъ сборникѣ, изъ котораго и напечатана въ изданіи сочиненій Филарета 1873—1885 годовъ, а въ собранія 1844 и 1848 годовъ вошла безъ того начала, которое нисколько не мѣшало цѣлости и назидательности ея и безъ сего начала, которое однако въ настоящую пору болѣе всего и интересуется насъ. Вотъ это начало: «Тайнодѣйствующею благодатию Божіею освященъ нынѣ сей храмъ, благочестивымъ усердіемъ воздвигнутый и украшенный, и порученъ покровительству святителя Митрофана, въ которомъ, къ утѣшенію вѣры, Господь въ наши дни явилъ новаго чудодѣйственнаго служителя благодати». А далѣе, указавъ на одно изъ произнесенныхъ при освященіи храма изреченій, именно: *созижду Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей* и раскрывъ смыслъ его примѣнительно къ совершившемуся торжеству освященія, витія говоритъ: «замѣтивъ сіе къ утвержденію вѣры и упованія входящихъ въ храмъ, я обращаюсь къ обыкновенному Евангельскому чтенію настоящей недѣли, чтобы и оно не осталось безъ принадлежащаго ему вниманія» и съ тѣмъ вмѣстѣ переходитъ къ означенной главной поучительной части проповѣди ³⁾. Не забудемъ, что эта про-

1) Въ зиму 1834—1835 годовъ Филаретъ, какъ мы и раньше имѣли случай замѣчать, не ѣздилъ въ Петербургъ.

2) См. *Воспом. Евреинова о Филар.* стр. 30—31. Москва, 1873.

3) *Соч. Ф.* III, 298 подстрочн. примѣч.

повѣдь говорена была въ то время, когда Филаретъ уже составлялъ свои *Бесѣды къ млаголетому старообрядцу*, ложно учившему, что и вообще благодать и въ частности благодать священства почти 200 лѣтъ какъ престала въ Русской Церкви и что слѣдовательно *врата ада* какъ бы *одоли* послѣдней. Въ этомъ случаѣ особенное имѣли значеніе мысли, заключающіяся въ началѣ указанной сейчасть проповѣди, и особенно вѣрно могли служить «къ утѣшенію вѣры».

Такъ и изслѣдованіями о расколѣ и единовѣрїи по проповѣдямъ Филарета и сообщеніемъ объ открытіи мощей святителя Митрофана мы естественно приводимся отъ изслѣдованія объ отношеніяхъ Филарета, въ его проповѣднической дѣятельности за время царствованія Николая, къ исторїи Русской Церкви вообще, къ изслѣдованію объ отношеніяхъ его къ Церкви Московской въ частности, т. е. къ церковной жизни Москвы и Московской епархіи. Но приступая къ сему послѣднему изслѣдованію, мы считаемъ нужнымъ предупредить, что въ свою очередь и въ этой частной сторонѣ проповѣднической дѣятельности своей, ограниченной кругомъ болѣе узкимъ, нежели Россія и Русская Церковь, святитель Филаретъ, въ означенное царствованіе, въ виду самаго расширенія области и увеличенія значенія этой дѣятельности, нерѣдко съ частной, повидимому, точки зрѣнія бросалъ обратный взоръ на всю Россію и Русскую Церковь и изъ исторїи той и другой извлекалъ новые уроки для слушателей по тому или иному частному случаю. Такъ широка и всеобъемлюща была эта дѣятельность за то время и такъ назидательна была она, какъ и въ высшей степени плодovitа. Съ такими мыслями мы должны будемъ и будемъ разсматривать ее въ послѣдующемъ теперь отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

И между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи предшествующаго царствованія мы считали нужнымъ начать тотъ же, какъ и теперь, отдѣлъ съ характеристики лицъ, болѣе или менѣе рѣзко выдѣлявшихся по участію съ Филаретомъ въ Церковной жизни Москвы и Московской епархіи и имѣвшихъ то или другое значеніе въ проповѣднической его дѣятельности, сюда относящейся, теперь мы поставимъ это начало нѣсколь-

ко иначе. Въ виду связи между Церковію и Государствомъ, которую мы усматривали раньше въ проповѣднической дѣятельности Филарета за настоящее царствованіе, мы предварительно укажемъ на тѣ случаи въ той же дѣятельности святителя, которые касаются связи между государственною, гражданскою и церковною жизнью Москвы и Московской губерніи и епархій. Опуская множество случаевъ такого рода, не затрогиваемыхъ въ проповѣдяхъ Филарета, а упоминаемыхъ лишь въ иныхъ разнаго рода письменныхъ памятникахъ его дѣятельности (въ письмахъ, резолюціяхъ, донесеніяхъ Св. Синоду и под.), мы и изъ случаевъ, такъ или иначе, въ такой или иной мѣрѣ затрогиваемыхъ въ проповѣдяхъ святителя, для сокращенія объема нашего изслѣдованія, обратимъ вниманіе лишь на важнѣйшіе, такіе, которые давали поводъ святителю удѣлить имъ больше другихъ вниманія въ словѣ проповѣди его. Такого рода случаевъ за все царствованіе Николая мы находимъ только три. Изъ нихъ одинъ относится къ 1834 году, другой къ 1847 и третій къ 1854 году.

Едва лишь Россія отпраздновала торжество совершеннолѣтія Наслѣдника Престола въ 1834 году, какъ въ томъ же году радостное по сему случаю настроеніе первопрестольной столицы Государства Россійскаго, сердца Россіи, Москвы было омрачено весьма значительнымъ бѣдствіемъ. Въ Москвѣ лѣтомъ этого года было какъ-то особенно много пожаровъ, при томъ весьма большихъ. Болѣе же всего силенъ и страшенъ былъ пожаръ въ Рогожской части, 13 августа. Въ этотъ день было обычное засѣданіе Московской Синодальной конторы, разсуждавшее между прочимъ объ отпускѣ обычной же (ежегодно отпускаемой) суммы въ 500 рублей для устройства обѣда въ предстоявшій праздникъ Успенія Богоматери, 15 августа. «При семъ Синодальный членъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій и кавалеръ, словесно предложилъ, что онъ, по претерпѣваемымъ нынѣ въ сей столицѣ бѣдствіямъ отъ пожарныхъ случаевъ и по случаю происходящаго въ самое время сужденія о семъ предметѣ сильнаго пожара въ Рогожской слободѣ, находитъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ употребляемые доселѣ на столъ 500 рублей

пожертвовать въ пользу потерпѣвшихъ бѣдствіе отъ пожаровъ». Контора, конечно, согласилась съ предложеніемъ святителя Филарета ¹⁾. Пожары въ Москвѣ продолжались и въ сентябрѣ, беспощадно истребляя какъ частныя, такъ и общественныя зданія и имущества, не давая пощады и церковнымъ зданіямъ и имуществу. По почину святителя Филарета учреждены были даже моленія объ избавленіи отъ бѣдствія. Намѣстникъ Лавры Антоній подавалъ было мысль объ учрежденіи и всенароднаго поста по сему случаю. Но Филаретъ писалъ ему въ отвѣтъ на эту мысль отъ 4 сентября того же 1834 года слѣдующее: «За мысль вашу о всенародномъ постѣ и молитвѣ по настоящимъ обстоятельствамъ благодарю. Не бесполезна была она, хотя я и не дошелъ до полного исполненія оной. Когда я совѣтовался о семъ съ сослужителями: нѣкоторые полагали, что дѣло сіе можетъ найти себѣ путь въ среднемъ классѣ народа, а нѣкоторые изъ старшихъ полагали, что оно не по времени. Не видя, чтобы ближайшіе брались за сіе довольно твердо, я заключалъ, что можно ожидать не болѣе, какъ посредственнаго возбужденія въ немногихъ, а во многихъ, кои услышатъ, не вниманія и преслушанія; слѣдственно благая цѣль едва ли была бы достигнута. При томъ, когда прошелъ благополучно 22-й день августа, забота, казалась, уменьшилась. Потому 26-го августа, бывъ въ крестномъ ходу, я сдѣлалъ только то, что прибавилъ духовенства, былъ у Пресвятыя Богородицы Иверскія, и дошелъ до Срѣтенскаго ²⁾, съ колѣнопреклоненіемъ читалъ молитву, о которой вы писали, съ нѣкоторыми къ обстоятельствамъ времени примѣненіями. Можетъ быть, мое маловѣріе причиною, что я не довольно положился на вѣру другихъ. Молитесь о мнѣ, и о томъ, да пошлетъ Господь искусныхъ дѣлателей на поле Свое, на которомъ *врагъ челоуѣкъ творитъ свое, спящимъ челоуѣкомъ* ³⁾. Богъ, молитвами Преподобнаго,

¹⁾ Собр. мн. и отв. Фил. II, 359. Слб. 1885.

²⁾ Монастыря, на Срѣтенкѣ.

³⁾ Разумѣются поджигательства, по большей части служившія тогда причиною пожаровъ.

да сохраняетъ обитель, и васъ, и братію, въ невредимости и и мірѣ. Было дня три безъ пожара; но вчера былъ; и теперь вижу дымъ, кажется, на Лубянской площади¹⁾. 16 декабря Филаретъ освящалъ храмъ во имя святителя Николая, болѣе извѣстный подъ именемъ храма преподобнаго Сергія, что въ Рогожской слободѣ, извѣстной изобиліемъ въ ней какъ бѣдныхъ жителей, такъ и раскольниковъ. Пользуясь этимъ случаемъ, святитель не преминулъ напомнить въ своемъ словѣ, сказанномъ въ означенномъ храмѣ по освященіи его, и о бывшемъ въ истекшее лѣто посѣщеніи Божию, съ обычнымъ искусствомъ приступивъ къ сему предмету въ своей проповѣди и съ столь же обычнымъ мастерствомъ изобразивъ пожаръ и бѣдствіе отъ него въ Рогожской слободѣ, 13 августа бывшее. Проповѣдь сказана на текстъ: *Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновятся лице земли. Буди слава Господня во всяки* (Псал. 103, 30. 31). Указавъ, по сему, въ началѣ своей проповѣди на ту замѣчательную черту Пророка Псалмопѣвца, что онъ «удивительно какъ любитъ славить Бога», при томъ не только за благодѣянія, но и за бѣдствія, отъ Бога посылаемыя, нашъ витія продолжаетъ: «Въ семъ священномъ образцѣ заключается для насъ, братія, ученіе: должно славить Бога, не только тогда, когда Онъ является въ дарахъ, въ благодѣяніяхъ, въ милостяхъ, но и тогда, когда, повидимому, отвращается и удаляется, въ самомъ же дѣлѣ, сокровенно приходитъ и приближается, въ посѣщеніяхъ грозныхъ или скорбныхъ, въ лишеніяхъ, въ бѣдствіяхъ. Ученіе истинное, полезное всегда, а здѣсь, и нынѣ, еще и благовременное. Памятенъ и для меня третій въ десять день августа, когда внезапно для насъ, но не внезапно для Бога, не безъ вѣдома, не безъ поущенія Его, сія часть града посѣщена была огнемъ истребляющимъ; когда дымная дорога отъ мѣста истребленія пролегла по небу почти надъ моею головою, и какъ будто предназначала дальнѣйшій путь истребленію на землѣ; когда носимые вѣтромъ пожарные угли, пролетѣвъ не одно поприще, упали на моемъ дворѣ, и какъ

¹⁾ Письма Фил. къ Акт. I, 112—113.

будто говорили мнѣ: далеко ли, думаешь, пойдеть сіе посѣщеніе? Лѣто и бездождіе, сила и направленіе вѣтра, — все благопріятствовало умноженію бѣдъ, и распространенію оныхъ съ неизбѣжною быстротою, почти подобною той, какую видимъ въ сказаніи вѣстника Іовлева: *огнь спаде съ небесе, и пожже овцы, и пастыри пояде подобны: спасохся же азъ единъ* (Іов. 1, 16). Тотъ, который утромъ имѣлъ жилище и прочее потребное для жизни, или даже избытокъ и богатство, къ вечеру оставался безпокровнымъ и беспомощнымъ, и если не былъ одинокъ, то сіе не служило къ облегченію, потому что нищета семейная тягостнѣе нищеты одинокой. Бѣдствіе, взявшее многочисленную дань отъ домовъ сего града, и отъ имуществъ обитателей, потребовало себѣ нѣкоторой дани и отъ храмовъ; и невидимый, непонятный для насъ жребій палъ на сей храмъ. Чтожь? скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые при сихъ горестныхъ воспоминаніяхъ, неужели должно, неужели можно славить Бога и въ семъ случаѣ? Признаемъ, если угодно, что сіе не такъ легко для человѣческой немощи, для человѣческой недалновидности, въ то время, когда бѣдствіе устремляетъ на человѣка свою силу и дѣйствіе. Между тѣмъ можно спросить обратно: можетъ ли быть время, когда бы не должно было славить вѣчнаго Бога? Можетъ ли Онъ когда быть недостойнъ славы? А если всегда славить Его должно: то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда: ибо Онъ довольно праведенъ и всемогущъ, чтобы должнаго не оставить невозможнымъ. И далѣе въ примѣръ сего представляетъ Іова и мучениковъ христіанскихъ. А потомъ, въ виду такихъ достоподражаемыхъ примѣровъ, даетъ слѣдующія, прекрасныя для всѣхъ подобныхъ случаевъ, наставленія: «ты не имѣешь довольно присутствія духа, чтобы славить Господа среди самаго бѣдствія: жаль; однако пусть такъ. По крайней мѣрѣ удержишься отъ бессмысленныхъ воплей нетерпѣливости, отъ бесполезныхъ жалобъ, отъ дерзновенныхъ словъ ропота; обрати твои скорбныя чувствованія въ смиренную молитву: такимъ образомъ Богъ не будетъ прогнѣванъ, а ты будешь менѣе безпокоенъ. Ты не позаботился благовременно такъ расположить духъ твой, чтобы облако временнаго бѣдствія

не могло закрыть отъ очей его вѣчной славы Божіей, въ минуты силы бѣдствія; мы пропустили прекрасный случай испытать непобѣдимую силу христіанской добродѣтели: жаль; много пропущено; только еще не все. По крайней мѣрѣ, по уменьшеніи силы бѣдствія, утиши твои скорбныя чувствованія; собери силы твоего ума; помысли, что Богъ твое бѣдствіе предусмотрѣлъ, могъ отвратить, не благоизволилъ отвратить; что Онъ, всеблагій, не желалъ тебѣ, такъ какъ и не можетъ желать, зла; что слѣдственно попустилъ бѣдствіе для какого нибудь твоего блага, или для отвращенія отъ тебя какого нибудь большаго зла; помысли, что и послѣ бѣдствія у тебя что нибудь еще осталось, если не жилище, то какая нибудь собственность, или хотя одежда и, что всего важнѣе, жизнь и душа: что Богъ, Который попекся сохранить твою жизнь, симъ самымъ изъявляетъ другое благотворнѣйшее попеченіе о спасеніи твоей души, для чего и берегаетъ тебѣ время жизни;—если даже ты не довольно обезпеченъ и жилищемъ и пропитаніемъ, помысли, что птица и тогда поетъ славу Сотворившему ее, когда у нея нѣтъ ни гнѣзда, ни приготовленной пищи, и, промысломъ Того же Творца, находить, чѣмъ питаться и гдѣ провести ночь:—такowymi и подобными размышленіями ободри духъ твой; вознеси сердце твое къ Богу; скажи хотя послѣ бѣдствія, что не умѣлъ сказать во время бѣдствія: *буди имя Господне благословенно! Буди слава Господня во вѣки!* Ты принесешь чрезъ сіе Богу пріятную жертву; и въ собственномъ сердцѣ посѣешь доброе сѣмя. Инымъ кажется во время бѣдствія, что они способнѣе были бы славить Бога во время благополучія, и что потому не на пользу послано имъ бѣдствіе. Мечта! Намъ часто кажется, что, по пословицѣ, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ; но самая сія пословица смѣется надъ сею мечтою. Ты думаешь, что славилъ бы Бога, еслибы не былъ несчастливъ, а напротивъ былъ бы осыпанъ Его благодѣяніями: вѣроятно, потому что нетрудно. И безсловесное оказываетъ ласку тому, кто даетъ ему кормъ. Не къ великой же добродѣтели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродѣтелию болѣе возвышенною, хотя болѣе трудною! Но если ты лѣнивъ и низокъ для добродѣтели трудной

и возвышенной; то не ручайся за себя, что и для добродѣтели низшей и легчайшей ты не былъ бы также лѣнивъ и низокъ. Перестань мечтать, и посмотри на опыты». И далѣе въ примѣръ сего указываетъ на ветхозавѣтнаго Израиля, который *уты, утолстъ, разширъ и остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего* (Втор. 32, 14. 15) и, напротивъ въ бѣдствіяхъ болѣе, чѣмъ въ благополучіи, познавалъ и славилъ Бога. «Но возвратимъ слово,—говорить въ заключеніе своей проповѣди витія,—и болѣе приближимъ къ себѣ, и къ нашимъ происшествіямъ, и къ настоящему случаю. Прославимъ, братія, Бога, Который, хотя и *пустесотворилъ* здѣсь огненную *стезю гнѣву своему* (Псал. 77, 50), однако и преградилъ оную милосердіемъ и благодатію. Какъ нѣкогда въ станѣ Израильтянъ, когда *изыде гнѣвъ отъ лица Господня, и нача губити люди, Ааронъ съ кадиланицею ста между мертвыми и живыми, и преста пагуба* (Числ. 16, 46—48): такъ и здѣсь святитель Алексій и преподобный Сергій, дружественные между собою въ земномъ житіи своемъ, и по преставленіи своемъ являвшіеся иногда вмѣстѣ, какъ извѣстно изъ преданій Сергіевой обители, а здѣсь сосѣдствующіе въ соименитыхъ имъ храмахъ, стали невидимо съ ѳиміамомъ своихъ молитвъ среди потока огня, и преградили оный, и одинъ изъ своихъ храмовъ дивно сохранили невредимымъ и сдѣлали убѣжищемъ для святыхъ другаго; а отъ сего другаго сохранили, по крайней мѣрѣ, внутреннюю святыню, и то, что наиболѣе нужно было къ неукоснительному восстановленію здѣсь Богослуженія. Прославимъ Бога, Который, посѣтивъ однихъ бѣдствіемъ, сохранилъ другихъ для приближенія бѣдствующимъ;—Который *послалъ духъ* челоуколюбія въ помощь, да *созидутся* истребленныя жилища, или, по крайней мѣрѣ, да не въ конецъ безпомощною нищетою разрушится жизнь бѣдствующихъ;—Который *послалъ духъ* благочестиваго усердія, да *возсозидутся* святилища, и — вотъ уже второму здѣсь олтарю благоволилъ обновиться, не только благолѣпіемъ видимымъ, но и невидимою благодатію. Прославимъ Бога, не только словомъ, но и сердцемъ, Ему преданнымъ, и житіемъ Ему благоугоднымъ, да не паки про-

гнѣвается Господь на люди своя, но паче возвеселится о дѣлѣхъ своихъ. И въ освященномъ храмѣ православно-христіанскомъ, и въ освящаемыхъ выну душахъ православно-христіанскихъ *буди слава Господня во вѣки. Аминь* 1).

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

1) Соч. Фил. III, 302—307.

Критическій разборъ сочиненія г. В. Соловьева:
«РОССІЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ».

(Окончаніе *).

Въ своей одиннадцатой главѣ г. В. Соловьевъ пытается доказать, что св. Левъ Великій, римскій патріархъ, былъ приверженцемъ его папской теоріи. Онъ начинаеть эту главу торжественнымъ заявленіемъ, которое въ особенности заставило меня улыбаться. Вотъ это заявленіе: «Здѣсь не мѣсто представлять все историческое *развитіе* папства и воспроизводить безчисленные свидѣтельства *православнаго преданія*, каковыми свидѣтельствами доказывается законность верховной власти папъ въ универсальной церкви. Чтобы показать историческое основаніе нашего положенія тѣмъ изъ нашихъ читателей, *которые не свѣдуши въ церковной исторіи*, для насъ будетъ достаточно остановиться... на срединѣ пятаго вѣка, на томъ времени, когда римская церковь столь достойно была представительствуема папою св. Львомъ Великимъ».

Мы не знаемъ, считаетъ ли г. В. Соловьевъ насъ въ числѣ тѣхъ своихъ читателей, *которые не свѣдуши въ церковной исторіи*. Онъ не благоволилъ снизойти до того, чтобы заняться нами. Но это не помѣшаетъ намъ заняться имъ и прежде всего замѣтить ему, что онъ самъ заставляеть смѣяться надъ собою, причисляя себя къ достаточно *свѣдушимъ въ церковной исторіи*, чтобы да-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 4.

вать въ ней уроки другимъ. Мы осмѣливаемся заявить ему, что онъ имѣетъ въ церковной исторіи весьма поверхностныя знанія, почерпнутыя имъ изъ нѣсколькихъ крайне ложныхъ ультрамонтанскихъ писателей.

Вопросъ о папскомъ верховенствѣ былъ такъ глубоко изслѣдованъ на Западѣ, что маленькія замѣчанія по этому поводу г. В. Соловьева могутъ показаться только смѣшными въ глазахъ тѣхъ, кто изслѣдовалъ этотъ вопросъ безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній. Что же касается насъ, то мы основательно изучили этотъ вопросъ прежде, чѣмъ оставили римскую Церковь; мы прочитали при этомъ многія ученѣйшія сочиненія, изданныя въ пользу этого вопроса; мы провели нѣсколько лѣтъ за провѣркою памятниковъ преданія всѣхъ тѣхъ текстовъ, на которые опирались защитники папства, и мы приобрѣли, наконецъ, убѣжденіе, что всѣ эти тексты были извращены въ своемъ истинномъ смыслѣ, что въ нихъ были внесены чужія слова, что тексты эти были поддѣланы и положительно искажены. И мы при этомъ пришли къ заключенію, что всѣ тѣ, кто прибѣгаетъ къ этимъ текстамъ, суть или люди невѣжественные, которые принимаютъ ихъ на вѣру, не изслѣдуя ихъ, или же люди лукавые (*mauvaise foi*).

Въ какой категоріи слѣдуетъ помѣстить г. В. Соловьева, когда онъ ссылается на св. Льва? Мы этого не знаемъ. Но можетъ быть его лучше было бы помѣстить между невѣждами, чѣмъ между лукавыми людьми; потому что способъ, посредствомъ котораго онъ толкуетъ тексты и дѣянія св. Льва, ясно доказываетъ, что онъ совершенно *не свѣдуецъ въ церковной исторіи*, изъ которой онъ хочетъ давать уроки другимъ.

Наши читатели знаютъ, что мы часто углублялись въ тексты Отцевъ и въ событія церковной исторіи по вопросу о папствѣ. И было бы скучно повторять все сказанное нами изъ-за маленькой негодной книженки, которая по истинѣ не стоитъ такого труда. Мы ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ, именно тѣмъ, что г. В. Соловьевъ, по примѣру другихъ ультрамонтанскихъ писателей, дурно перевелъ и дурно истолковалъ св. Льва и что въ своей

двѣнадцатой главѣ онъ искажилъ ученіе св. Льва о папской власти. То, что онъ написалъ въ этой главѣ, представляетъ лишь плохую каррикатуру Халкидонскаго собора. Эта же каррикатура продолжена имъ и въ тринадцатой главѣ, гдѣ г. В. Соловьевъ утверждаетъ, будто идеи, приписываемыя имъ св. Льву, были одобрены и греческими Отцами. Невозможно издѣваться съ большимъ апломбомъ надъ своими читателями, чѣмъ это дѣлаетъ г. В. Соловьевъ, и нѣтъ ни одной строки во всѣхъ его главахъ, гдѣ онъ не прибѣгалъ-бы ко лжи или не высказывалъ бы нелѣпости. И онъ доходитъ, наконецъ, до того, что увѣряетъ, будто св. Левъ былъ сторонникомъ ложнаго догмата, опредѣленнаго Шемъ IX лишь въ 1870 г. Когда доказываютъ подобныя положенія, то надобно ли смотрѣть на это дѣло серьезно? Потребовались бы цѣлыя томы для опроверженія маленькой брошюрки г. В. Соловьева, и когда это было бы сдѣлано, то все-таки и тогда никто не переубѣдилъ-бы его. Для него это дѣло рѣшенное; онъ хочетъ видѣть непогрѣшимое папство вездѣ, даже и тамъ, гдѣ оно совсѣмъ не проявлялось, и думается, что онъ даже рѣшился бы отстаивать свое положеніе вопреки всѣмъ доказательствамъ, опровергающимъ его. Мы достаточно писали объ этомъ предметѣ, и имѣемъ право отослать нашихъ читателей къ тѣмъ сочиненіямъ по данному вопросу, которыя мы опубликовали уже раньше.

Что касается г. Соловьева, то какое дѣло людямъ серьезнымъ до того, что онъ утверждаетъ и чему учить? Истинно православные оцѣнить его идеи такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ; другіе же и вовсе не стануть заниматься ими, и его дѣло папистской пропаганды умереть раньше его.

Въ своей четырнадцатой главѣ г. В. Соловьевъ возвращается къ Халкидонскому собору. Онъ продолжаетъ приводить въ ней доказательства въ подтвержденіе своихъ папистическихъ доктринъ и своихъ поддѣлокъ. Это по истинѣ такое пустословіе, въ которомъ ни одинъ богословъ, даже западный, не пожелалъ бы взять на себя отвѣтственности.

Все, что можно извлечь изъ сочиненій св. Льва,—это лишь то,

что онъ имѣлъ высокое представленіе о своемъ престолѣ, что онъ владѣлъ почетнымъ титуломъ перваго патріарха Церкви, что его Церковь была апостольскою, что его престолъ, будучи единственнымъ патріаршимъ престоломъ на Западѣ, былъ представителемъ западной Церкви предъ лицомъ Востока и что онъ былъ единственнымъ посредникомъ между этими двумя Церквями. Что же касается до папистскихъ идей въ собственномъ смыслѣ, то ихъ нѣтъ и слѣда въ сочиненіяхъ св. Льва.

Здѣсь мы дошли до конца втораго отдѣла брошюры г. В. Соловьева. Мы указали на все содержаніе, о которомъ онъ разсуждаетъ въ двухъ первыхъ разобранныхъ отдѣлахъ своей книги, и мы спрашивали себя, что же именно изъ этого разнообразнаго содержанія оправдываетъ заглавіе разбираемой брошюры? Въ этомъ сочиненіицѣ есть все, исключая того, что можетъ имѣть какое-либо отношеніе къ Россіи. Очевидно, г. В. Соловьевъ взялъ нѣсколько замѣчаній изъ нѣкоторыхъ ультрамонтанскихъ сочиненій и сознательно или безсознательно старается помѣстить эти свои замѣчанія въ брошюры, которыя онъ публикуетъ будто-бы противъ Россіи, хотя въ сущности онѣ вовсе не имѣютъ отношенія ни къ Россіи, ни къ русской православной Церкви. Если кто будетъ имѣть мужество прочесть то, что написалъ г. В. Соловьевъ, тотъ получитъ весьма жалкое представленіе о его знаніяхъ и о его логикѣ, и въ то же время замѣтитъ, что онъ обладаетъ весьма высокими претензіями, которыя вовсе ничѣмъ не оправдываются. Мы уже достаточно прожили на свѣтѣ и достаточно хорошо знакомы съ предметами, о которыхъ онъ разсуждаетъ, чтобы имѣть право свободно говорить даже съ такимъ человекомъ, который считаетъ себя столь много знающимъ.

Въ своемъ третьемъ отдѣлѣ г. В. Соловьевъ разсуждаетъ о *троицномъ началѣ* и о его *соціальномъ примѣненіи*.

Мы спрашиваемъ себя, какое же это можетъ имѣть отношеніе къ *Россіи* и къ ея положенію въ отношеніи къ *универсальной Церкви*? Безъ сомнѣнія, г. В. Соловьевъ имѣлъ свои сужденія о *троицномъ началѣ*, и онъ хотѣлъ этими сужденіями просвѣтить

своихъ читателей. Для него неважно было то, что все это надобно было говорить примѣнительно къ русской Церкви и къ Россіи; и такъ какъ онъ не могъ сказать ничего разумнаго ни противъ первой, ни противъ второй, то онъ дѣлаетъ видъ, будто нападаетъ на нихъ. Отсюда и возникло заглавіе его книги. Онъ хочетъ нападать на Россію и на православную Церковь,—такова его цѣль. А нападаетъ ли онъ на нихъ справедливо, или не справедливо, для него это не важно. И лишь только онъ задумаетъ нападать на нихъ, онъ уже чувствуетъ себя удовлетвореннымъ.

Начнемъ выпискою изъ начала первой главы третьяго отдѣла его книги. Можетъ быть наши читатели не поймутъ ея, но они, безъ сомнѣнія, будутъ удивлены:

«Истинная Церковь, говоритъ онъ,—храмъ, тѣло, таинственная невѣста Божія, есть единая, какъ единъ и Самъ Богъ. Но существуетъ различіе между единствами. Есть единство отрицательное, уединенное, бесплодное, которое сохраняется исключеніемъ всякой множественности. Это простое отрицаніе, которое логически предполагаетъ то, что оно отрицаетъ, и открывается какъ начинаніе, произвольно прекращаемое, неопредѣленнаго ряда чиселъ. Ибо ничто не препятствуетъ разуму признавать множество единствъ, простыхъ и абсолютно равныхъ между собою, и умножать ихъ затѣмъ до бесконечности. И если нѣмцы по справедливости называютъ этотъ *processus* (процессъ) «дурной бесконечностью» (*die schlechte Unendlichkeit*)¹⁾, то простое единство, которое служитъ для него началомъ, справедливо можетъ быть признано *дурнымъ единствомъ* (*mauvais unité*). Но есть истинное единство, которое не противопоставляется множественности, не исключаетъ его, но которое, при спокойномъ обладаніи своимъ собственнымъ превосходствомъ, побѣждаетъ свою противоположность и покоряетъ ее своимъ законамъ. Дурное единство есть пустота и

¹⁾ По нѣмецки *Schlecht*, дурной, и *Schlicht*, простой, въ сущности одинъ и тотъ же терминъ, который подалъ Гегелю поводъ къ каламбуру, имѣвшему такой успѣхъ въ нѣмецкой философіи. Впрочемъ, Аристотель выражалъ ту же идею, только безъ всякой игры словъ.

ничто; истинное же единство есть единое бытіе, которое содержитъ въ самомъ себѣ *все*. Это единство, положительное и плодотворное, пребывающее всегда тѣмъ, что оно есть, превыше всякой дѣйствительности, ограниченной и множественной, содержитъ въ себѣ, опредѣляетъ и открываетъ живыя силы, однообразныя основанія (*raisons uniformes*) и различныя свойства всего, что существуетъ. Исповѣданіемъ этого-то совершеннаго единства, совершающаго и объемлющаго все, начинается *Символъ вѣры* христіанъ: *вѣрую во единого Бога Отца вседержителя (credo in unum Deum Omnipotentem (пантократора))*.

Этотъ характеръ положительнаго единства (*единого-цѣлаго* или *единого-совокупнаго*) принадлежитъ всему, что есть или что должно быть безусловнымъ въ своемъ родѣ. Таковъ Самъ по Себѣ всемогущій Богъ, таковъ въ идеалѣ человѣческій разумъ, который можетъ постигнуть все, такова должна быть наконецъ истинная Церковь, существенно универсальная, т. е. объемлющая въ своемъ единствѣ живущее человѣчество и весь міръ.

Но довольно, неправда ли, любезный читатель? Послѣ этихъ высреннихъ разсужденій, нельзя удивляться тому, что г. В. Соловьевъ возымѣлъ столь высокое представленіе о себѣ самомъ.

Затѣмъ онъ заключаетъ, что «дѣйствительное единство Церкви представляется и охраняется церковной монархіей». Но вѣдь этой монархіи нѣтъ! Это однако нисколько не препятствуетъ г. В. Соловьеву признавать ее и называть ею *монархію Петра*. А это значитъ нѣсколько злоупотреблять именемъ того смиреннаго св. Петра, который по истинѣ и не подозрѣвалъ того высокаго могущества, которое усвоетъ ему г. В. Соловьевъ. Потомъ онъ опять возвращается къ своимъ общимъ идеямъ о троичномъ началѣ и *изясняетъ* Троицность съ такою ясностью, какую наши читатели замѣтили безъ сомнѣнія уже и въ томъ отрывкѣ, который мы только что привели.

Во второй главѣ онъ продолжаетъ разсуждать о томъ же предметѣ и *изясняетъ* три божественныя *Ипостаси*, ихъ подлинный смыслъ и ихъ наименованія.

Но довольно объ этомъ. Мы не хотимъ злоупотреблять терпѣніемъ нашихъ читателей.

Затѣмъ мы переходимъ къ третьему отдѣлу брошюры г. В. Соловьева, который озаглавленъ: *троическое начало и его социальное приложеніе*. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ онъ совершенно пренебрегаетъ говорить по вопросу о *Россіи и универсальной Церкви*; равнымъ образомъ онъ забываетъ говорить объ этомъ же и въ третьемъ отдѣлѣ. Очевидно лишь одно, что г. В. Соловьевъ хочетъ высказать свои сужденія по разнымъ религіознымъ вопросамъ; но онъ не знаетъ, какъ навязать ихъ своимъ читателямъ. Вотъ почему онъ и взялъ для своей брошюры такое заглавіе, которое казалось ему болѣе заманчивымъ. А отсюда и происходитъ, что въ этой брошюрѣ онъ разсуждаетъ обо всемъ, исключая того, о чемъ онъ долженъ былъ бы разсуждать, судя по заглавію.

Онъ стремится доказать въ своей третьей книгѣ, что божественная Троица можетъ быть выведена разумомъ изъ идеи бытія. Чтобы доказать это, онъ долженъ былъ знать Троицу и бытіе, а онъ не знаетъ ни того, ни другаго, потому что Троица есть христіанская тайна, которую принимаютъ по откровенію, но не понимаютъ ее; бытіе же есть тайна природы, и ее понимаютъ не болѣе, чѣмъ и тайну Троицы. Но г. В. Соловьевъ мнитъ себя пророкомъ и погружается въ такія созерцанія, которыхъ нѣсколько образчиковъ мы уже приводили.

Какимъ же образомъ его непостижимая философія можетъ доказывать его положеніе о *Россіи и универсальной Церкви*? Мы этого положительно не знаемъ.

То, что онъ говоритъ о трехъ божественныхъ Ипостасяхъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ отношенія къ вопросу, который онъ взялся рѣшать въ своей брошюрѣ. Онъ послѣдовательно выводитъ изъ своей мнимой философіи *происхожденіе Св. Духа, Отца и Сына*; но утверждать, будто можно доказать это ученіе разумомъ, это значитъ утверждать нелѣпость. Когда хотятъ разсуждать о подобныхъ вопросахъ, то должны держаться преданій Церкви, а эти преданія рѣшительно противоположны мнимой философіи г. В. Соловьева. Въ томъ, что онъ говоритъ о Троицѣ и о трехъ

Ипостасяхъ, можно было бы, съ богословской точки зрѣнія, открыть тягчайшія ереси. Но кто же станетъ заниматься разборомъ безчисленныхъ ересей нашего писателя, который ничего не знаетъ въ богословіи и который даже не догадывается, что большая часть его сочиненія противорѣчить ученію, принятому всѣми христіанскими Церквями. Въ римской Церкви ему прощается все, такъ какъ онъ провозглашаетъ папу главою міра и непогрѣшимымъ учителемъ. Но если у папы явится когда-нибудь фантазія прочесть брошюру г. В. Соловьева и придать ей значеніе, то онъ тутъ же, непосредственно включить ее въ индексъ, и священная кангрегація (*Sacrée-Congrégation*) не затруднится доказать, что въ этой брошюрѣ больше ересей, чѣмъ страницъ.

То, что онъ говоритъ о *божественной сущности и о ея трійственномъ обнаруженіи*, не только не имѣетъ никакого отношенія къ предмету, о которомъ онъ имѣлъ намѣреніе разсуждать въ своей брошюрѣ, но и все содержаніе этой главы вообще таково, что каждый можетъ найти въ ней все, чего хочетъ. Что же касается насъ, то мы нашли здѣсь одни лишь разсужденія, не имѣющія никакой цѣны, но выраженные такимъ высокопарнымъ и непонятнымъ слогомъ, котораго мы дали уже образчики нашимъ читателямъ и которые, вѣроятно, ихъ удовлетворили.

Что же мы можемъ сказать и о главѣ, гдѣ авторъ разбираетъ слѣдующее положеніе: «душа міра какъ начало творенія, пространства, времени и механической причинности». Мы снова спрашиваемъ, какимъ образомъ все это можетъ имѣть отношеніе къ *Россіи и универсальной Церкви*? Итакъ, мы не станемъ останавливаться на этомъ; потому что зачѣмъ же намъ собирать все эти эксцентричности, которыя позволяетъ себѣ г. В. Соловьевъ относительно всѣхъ этихъ предметовъ? Если бы мы издали даже объемистый томъ, превосходящій во сто разъ брошюру г. В. Соловьева, то и тогда мы не исчерпали бы еще всего предмета.

V глава носитъ такое заглавіе: *Высшій міръ, свобода чистыхъ духовъ*. Мы искали здѣсь чего-нибудь относящагося къ предмету, о которомъ авторъ долженъ былъ бы разсуждать, и не нашли ничего, исключая нѣсколькихъ еврейскихъ словъ, приведенныхъ съ

цѣлью объяснить твореніе міра, и нѣсколькихъ данныхъ о существованіи ангеловъ. Обо всемъ этомъ онъ говоритъ съ апломбомъ и какъ человѣкъ, убѣжденный, что онъ не можетъ ничего не знать. Что же о *Россіи* и объ *универсальной Церкви*? О нихъ нѣтъ рѣчи.

VI глава: *Три главныя ступени космогоническаго процесса.* Это продолженіе предмета о твореніи міра. Относительно же *Россіи* и *универсальной Церкви* ровно ничего. Поэтому переходимъ къ VII главѣ: *Тройственное воплощеніе божественной мудрости.* Это тройственное воплощеніе есть Христосъ, пренепорочная Дѣва и Церковь. Авторъ усволяетъ православной Церкви, равно какъ и римской Церкви свою милую теорію. Въ дѣйствительности же она принадлежитъ только ему одному. Если онъ православный, какъ онъ это утверждаетъ, хотя онъ совершенно не таковъ, то онъ долженъ былъ бы знать, что непорочность зачатія Приснодѣвы (immaculisme) никогда не была признаваема древними Церквами и что она была измышленіемъ только испанскихъ іезуитовъ, которые кончили тѣмъ, что навязали ее папѣ Пію IX, вопреки протесту Доминиканцевъ и большей части латинской Церкви. Онъ же ищетъ ученія объ этой непорочности нѣсколько раньше, хотя ученіе это относится только къ 1854 году. Г. В. Соловьевъ старается представить и Россію соучастницею своихъ заблужденій. Но онъ говоритъ по этому предмету только пустяки, которые, конечно, не одержать верха надъ ученіемъ положительнымъ и хорошо извѣстнымъ въ этой почтенной Церкви.

Глава VIII: *Человѣкъ Мессія. Человѣческій хаосъ. Первоначальные элементы тройственнаго общества.*

Эта глава и сама есть истинный хаосъ, гдѣ авторъ пишетъ обо всемъ, что только приходитъ ему въ голову, нисколько не заботясь о человѣческомъ смыслѣ.

О *Россіи*-же и *универсальной Церкви* ни слова.

Въ своей IX главѣ г. В. Соловьевъ занимается вопросомъ о *мессіанскомъ приготавленіи у Индусовъ, у Грековъ и у Евреевъ.*

И опять ничего ни о *Россіи*, ни объ *универсальной Церкви*.

Поэтому переходимъ къ X главѣ: *Абсолютное верховенство*

Христа. Соціальная Троичность. Священство и отцевское достоинство (paternité).

Здѣсь не бесполезно будетъ привести нѣсколько строкъ изъ этой главы и вмѣстѣ съ этимъ повончить съ несчастной брошюрой г. В. Соловьева. Онъ разсуждаетъ въ своей брошюрѣ обо всемъ, исключая того, о чемъ обѣщаетъ ея заглавіе. Онъ почти ничего не говоритъ о Россіи; что же касается универсальной Церкви, то онъ только доказываетъ, что имѣетъ о ней самое нелѣпое представленіе. Все, что можно находить наиболѣе положительнаго во всѣхъ этихъ странныхъ идеяхъ, излагаемыхъ имъ, такъ это то, что универсальная Церковь есть папа и что папа есть только истеченіе Троицы. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его брошюры въ доказательство того, что мы утверждаемъ:

«Какъ Богъ, говоритъ онъ, въ Троицѣ Своихъ Иностасей обладаетъ абсолютной полнотой Своей божественной субстанціальности, Своимъ небеснымъ тѣломъ, или Своимъ существеннымъ разумомъ, такъ точно и Человѣко-Богъ въ Троичности Своихъ мессіанскихъ правъ вполнѣ обладаетъ универсальною Церковью,—этимъ Своимъ божественно-человѣческимъ тѣломъ, вмѣстѣ небеснымъ и земнымъ,—совершенною невѣстою воплощеннаго Слова. «Дана Мнѣ всякая власть на небесахъ и на землѣ». Эта универсальная власть не есть божественное всемогущество, которое отъ вѣчности принадлежало Слову и которое поэтому не могло быть дано Ему. Здѣсь дѣло идетъ о мессіанской власти Человѣка-Бога, о власти, которая относится не къ внѣбожественному міру, какъ таковому, а къ міру, соединенному съ Богомъ, дѣйствующему вмѣстѣ съ Нимъ и воплощающему во времени Его божественную сущность. Если полнота этой власти принадлежитъ по праву Христу и только Ему одному—потому что одинъ Онъ могъ заслужить ее,—то проявленіе этой божественно-человѣческой власти требуетъ свободнаго подчиненія и живаго содѣйствія ей со стороны человѣчества. Такимъ образомъ дѣло Христа ограничено здѣсь прогрессивнымъ развитіемъ человѣчества, постепенно привлекаемаго въ божественно-человѣческую сферу, уподобляемаго мистическому тѣлу Христа, преобразуемаго въ универсальную Церковь.

«Если-бы Господь, или если-бы препрославленный Христосъ захотѣлъ преподавать людямъ Свою истину и Свою волю непосредственнымъ и чрезвычайнымъ образомъ: то Онъ могъ бы свободно это сдѣлать; такъ какъ еще предъ Своимъ прославленіемъ Онъ могъ испросить у Отца небеснаго послать легионъ ангеловъ, чтобы защитить Его противъ слугъ Каіафы и воиновъ Пилата. Исторія міра была бы тогда скоро закончена, но въ то же время она не достигла бы своей цѣли: не было бы тогда свободного взаимодѣйствія чловѣка съ Богомъ, не было бы тогда истиннаго единенія и совершеннаго союза между созданіемъ и Создателемъ, и само чловѣчество, потерявъ свою свободную волю, подчинилось бы физическому міру. Но не для распространенія или оправданія матеріализма воплотилось на землѣ божественное Слово. Этимъ воплощеніемъ чловѣческая свобода всегда охраняется, и универсальная Церковь имѣетъ исторію. Надобно было, чтобы Христосъ, вознесшійся на небо, управлялъ Церковью чрезъ посредничество чловѣческихъ нравителей, которыхъ Онъ уполномочилъ нравственною и юридическою полнотою тройной мессіанской власти, не еобщая имъ для этого однако непосредственнаго дѣйствія Своего всемогущества, которое связало бы свободу людей. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что, основывая Церковь, Христосъ сообщилъ ей Свою власть, и въ этомъ сообщеніи Онъ согласовался съ тѣмъ, что мы можемъ назвать *разумомъ Троицы*, — *ratio trinitatis*.

«Божественная Троица есть эволюція (развитіе) абсолютнаго единства, которое содержитъ въ себѣ полноту бытія, раскрывающагося въ трехъ Ипостасныхъ образахъ божественнаго существованія. Мы знаемъ, что въ Троицѣ абсолютное единство сохраняется: во 1-хъ, онтологическимъ первенствомъ первой Ипостаси, которая есть первоначальная причина, или начало двухъ другихъ, но не *наоборотъ*; во 2-хъ, единосущіемъ (*consubstantialité*) всѣхъ Ипостасей, которое производитъ то, что Ипостаси нераздѣльны въ отношеніи къ бытію; и въ 3-хъ, ихъ совершенною солидарностью, которая не позволяетъ Имъ дѣйствовать отдѣльно. Соціальная (общественная) же троица универсальной Церкви есть эволюція церковной монархіи, которая заключаетъ въ себѣ всю полноту

мессіанской власти, раскрывающейся въ трехъ формахъ христіанской верховной власти. Подобно тому, какъ и въ Божествѣ, единство въ универсальной Церкви охраняется: во 1-хъ, абсолютнымъ первенствомъ первой изъ этихъ трехъ властей—именно папской, которая есть единственная верховная власть, прямо и непосредственно установленная Богомъ и распредѣляющая, съ точки зрѣнія права, начало (la cause) и необходимое условіе двухъ другихъ; во 2-хъ, необходимою общностью этихъ трехъ властей, поскольку они содержатся въ томъ же тѣлѣ Христа, соучаствуютъ въ той же религіозной сущности, въ той же вѣрѣ, въ томъ же ученіи, въ тѣхъ же таинствахъ; въ 3-хъ, нравственною солидарностію или общностью цѣлей, которыя для всѣхъ трехъ должны состоять въ пришествіи царствія Божія, въ совершенномъ обнаруженіи универсальной Церкви.

«Религіозная общность и нравственная солидарность трехъ верховныхъ властей подъ абсолютнымъ первенствомъ универсальнаго папства,—вотъ высшій законъ, точный (définitif) идеаль Христіанскаго общества. Но если въ Богѣ форма троичнаго единства существуетъ въ дѣйствительности отъ вѣчности, то въ Церкви она осуществляется постепенно. Отсюда возникаетъ не только различіе, но даже и нѣкоторая противоположность между божественною Троицею и троицею соціальной. Первоначальное свойство (donnée) божественной сущности, это абсолютное единство, котораго Троица есть непосредственное, совершенное и потому вѣчное раскрытіе (déploiement). Первоначальное же свойство Церкви есть, напротивъ того, неопредѣленная множественность человечества естественнаго и падшаго. Въ бытіи божественной Троицы существуетъ форма, посредствомъ которой абсолютное и положительное единство распространяется и развертывается; въ соціальномъ же бытіи человѣческаго рода троица есть форма, посредствомъ которой неопредѣленная множественность частныхъ элементовъ возводится къ синтетическому единству. Такимъ образомъ развитіе Церкви есть процессъ *объединительный* (d'unification), въ соотношеніяхъ идеально установленныхъ, но въ дѣйствительности измѣняющихся, между единствомъ права и множествен-

ностью факта,—что предполагаетъ два главныхъ дѣйствованія: постепенную централизацию даннаго церковнаго тѣла и объединительное (unifiante) и синтетическое дѣйствіе централизованной Церкви, стремящееся къ воплощенію въ себѣ всего человѣчества. Ипостаси божественной Троицы абсолютно просты въ себѣ самихъ, и ихъ троичное отношеніе совершенно чисто и непосредственно. Верховныя же власти троичнаго общества, или универсальной Церкви, не суть просты ни сами по себѣ, ни по условіямъ, въ какихъ онѣ должны быть осуществляемы. Онѣ не суть просты сами по себѣ, потому что онѣ суть только относительные центры единаго постепенно составляемаго. Способъ ихъ реализировація сложенъ не только вслѣдствіе неопредѣленной множественности человѣческой среды, въ которой онѣ должны обнаруживаться, но равнымъ образомъ и вслѣдствіе того факта, что совершенное мессіанское откровеніе встрѣчаетъ въ естественномъ человѣчествѣ попытки, болѣе или менѣе удачныя, частнаго объединенія, къ которымъ должно привиться дѣло объединенія Церкви. Если это матеріально облегчаетъ божественно-человѣческое дѣйствованіе, то въ то же время это сообщаетъ ему менѣе чистый характеръ, менѣе правильный и гармоническій. Хаосъ, который только прикрытъ физическимъ твореніемъ, еще утверждаетъ свои права не только въ исторіи естественнаго человѣчества, но также и въ исторіи религіи и Церкви.

Этихъ выдержекъ, я полагаю, достаточно. Г. В. Соловьевъ доказалъ еще одинъ разъ, что онъ не знаетъ того, о чемъ пишетъ. Наконецъ, на сколько можно понять изъ приведенныхъ выдержекъ, универсальная Церковь, по нему, отъ вѣчности истекаетъ отъ Бога, да и папа есть истеченіе отъ Бога, чтобы быть представителемъ универсальной Церкви. Отсюда онъ выводитъ, что Россія, не будучи отождествленной съ папой, не принадлежитъ къ универсальной Церкви.

Но софизмы г. В. Соловьева не доказываютъ еще, что такъ это и есть. Его теоріи о Троицѣ просто смѣшны и неправославны, и онъ не можетъ извлечь изъ нихъ ничего, кромѣ выводовъ, не имѣющихъ ровно никакой цѣнности.

Очевидно нашъ теософъ не придаетъ рѣшительно никакого значенія началу, которое лежитъ въ основѣ христіанской вѣры и которое было признаваемо великими богословами, какъ западными, такъ и восточными. Согласно съ этимъ началомъ: христіанство есть откровенный фактъ, который долженъ быть признаваемъ, и все ученіе, составляющее его содержаніе, должно быть принято во всѣхъ церквахъ въ силу преданія, всегда сохраняемаго и всегда провозглашаемаго въ Церквахъ. Троица и другія тайны не поддаются фантастическимъ толкованіямъ, подобнымъ толкованіямъ г. В. Соловьева, и тѣ, которые позволяютъ себѣ это, доказываютъ, что у нихъ нѣтъ христіанскаго смысла. Можно, конечно, размышлять о тайнахъ. Боссюэтъ, напр., издалъ прекрасную книгу, подъ названіемъ: *Возвышеніе къ тайнамъ (Élévations sur les mystères)*; но этотъ, столь глубокомысленный богословъ, никогда не забывался до того, чтобы фабриковать по поводу тайнъ теоріи, подобныя теоріямъ г. В. Соловьева, и извлекать изъ нихъ слѣдствія, подобныя тѣмъ, какія извлекаетъ изъ нихъ нашъ несчастный теософъ. Чтобы дѣлать выводы изъ тайнъ, необходимо постигать ихъ. Но никто не постигаетъ ихъ, даже и самъ г. В. Соловьевъ, который представляетъ свои измышленія такъ, какъ будто эти тайны не содержатъ въ себѣ для него никакой неясности. Теорія универсальной Церкви, отождествленной съ папой, есть одинъ изъ безумнѣйшихъ выводовъ, который только можно извлечь изъ Троицы, и на этомъ то выводѣ нашъ теософъ основываетъ свою брошюру. Папа представляетъ Отца; онъ отецъ всѣхъ Церквей, и Христосъ отречея отъ нихъ въ его пользу.

Если бы г. В. Соловьевъ зналъ хоть немного исторію христіанской Церкви, онъ зналъ бы тогда и то, что этотъ отецъ, выведенный имъ изъ божественнаго отцевства, никогда не существовалъ. Онъ обращается съ фактами слишкомъ произвольно, и только поэтому составляетъ свои теоріи и извлекаетъ изъ нихъ свои выводы; но эти теоріи суть лишь чистыя фантазіи, и выводы, которые онъ извлекаетъ изъ нихъ, не болѣе основательны, какъ и самыя теоріи.

Г. В. Соловьевъ извлекаетъ всѣ выводы изъ своихъ теорій въ

послѣднихъ главахъ своей брошюры; онъ постоянно, до пресмыщенія возвращается къ духовной отцевской власти, которою облеченъ папа; къ этому онъ присоединяетъ еще и царскую отцевскую власть, которая дѣлаетъ такимъ образомъ папу всемогущимъ отцемъ народовъ и верховныхъ правителей. И вотъ все должно сгибаться и уничтожаться предъ его божественной властью.

Изъ своей теоріи о духовной и царской отцевской власти папъ, г. В. Соловьевъ извлекаетъ множество фразъ, въ которыхъ недостаетъ только одного: здраваго смысла. То, что онъ говоритъ о трехъ таинствахъ правъ человѣка и о четырехъ таинствахъ его обязанностей, столько же бѣдно по своей основательности, какъ богато безсвязными фразами, и не имѣетъ ровно никакого отношенія къ предмету, о которомъ онъ хотѣлъ разсуждать.

Если сдѣлать краткій выводъ изъ всего, что нашъ авторъ говоритъ по поводу своего предмета, то все это можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:—папа, по божественному праву, есть абсолютный и непогрѣшимый верховный владыка Церкви; онъ содержитъ въ себѣ (*résumé*) *универсальную Церковь*. Православная Церковь можетъ участвовать въ *универсальной Церкви* только тогда, когда безусловно подчинится папѣ.

Какія доказательства привелъ онъ въ подтвержденіе подобной теоріи? Никакихъ. Онъ для того именно и говорилъ такъ много о своей теоріи, чтобы ничего не сказать. Когда онъ коснулся догматовъ, то вдался въ смѣшныя фантазіи. А когда коснулся исторіи, то съ перваго же слова догадалъ, что не знаетъ ее.

Такова идея, которая сложилась у насъ о его брошюрѣ послѣ того, какъ мы имѣли терпѣніе прочесть ее до конца. И надобно сказать при этомъ, что жалкая брошюра г. В. Соловьева причинила нашему терпѣнію весьма жестока испытанія. Мы прочли во время нашей, уже столь продолжительной жизни, много скучныхъ и нелѣпыхъ сочиненій. Но сочиненіе г. В. Соловьева одно изъ тѣхъ, которое подвергло насъ наибольшей скукѣ.

Вотъ единственный комплиментъ, который мы можемъ сдѣлать автору.

НРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА)

Жизнь человѣческая слагается, между прочимъ, изъ множества самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ лежатъ различныя потребности, стремленія и, развивающіяся изъ нихъ, желанія. При этомъ человѣкъ не только совершаетъ дѣйствія подъ вліяніемъ естественныхъ мотивовъ -- удовольствія и страданія, пользы и вреда, отъ нихъ проистекающихъ, но еще оцѣниваетъ ихъ и до и послѣ совершенія, — независимо отъ пріятности или непріятности ихъ, полезности или вредности, — почитая одни дѣйствія хорошими -- добрыми, добродѣтелями, другія — дурными, злыми -- пороками, преступленіями. Вслѣдъ за такою оцѣнкою и различеніемъ потребностей, стремленій, цѣлей и дѣйствій своихъ собственныхъ и другихъ людей, у человѣка всегда является сознаніе необходимости, обязательности, какъ для него самого, такъ и для всѣхъ другихъ людей, — совершать дѣйствія добрыя и воздерживаться отъ злыхъ, и, такимъ образомъ, самая оцѣнка дѣйствій и ихъ раздѣленіе на добрыя и злыя становится могущественнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности. Мотивъ этотъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, называется мотивомъ долга, или нравственнымъ, также чувствомъ долга. Въ тѣсной связи съ сознаніемъ обязательности совершать добро и избѣгать зла, съ чувствомъ долга, въ прямой даже зависимости отъ него, — является у каждаго человѣка признаніе возможности, при отсутствіи прямого внѣшняго насилія, совершать добро и воздерживаться отъ зла, во всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни. Это всеобщее признаніе -- чувство возмож-

ности для человѣка всегда осуществлять въ своей жизни добро, признаніе, такъ хорошо выраженное Кантомъ въ его знаменитомъ *-debes, ergo potes,* — называется чувствомъ свободы, а объективный фактъ зависимости дѣйствій человѣка отъ него самого, отъ его воли, называется нравственною свободою, или свободою воли. Чувство свободы само-собою влечетъ признаніе человѣкомъ себя самого причиною своихъ дѣйствій, виновникомъ ихъ и отвѣтственнымъ за ихъ качество, заставляетъ его также считать и всѣхъ другихъ людей виновниками своихъ дѣйствій. Чувство виновности, въ свою очередь, служитъ источникомъ сложнаго волненія особаго рода, — пріятнаго при совершеніи добра и непріятнаго, мучительнаго при совершеніи зла, — волненія, извѣстнаго подъ именемъ одобренія и мученія совѣсти. Волненіе это возникаетъ съ особою опредѣленностію и силою по совершеніи такого или другаго дѣйствія самимъ человѣкомъ, но въ болѣе слабой формѣ является при простомъ его представленіи, особенно намѣренія совершить, также при видѣ совершенія или выраженнаго намѣренія совершить его другими. Наконецъ, удовольствіе и спокойствіе совѣсти по совершеніи добра и другія блага внутреннія и внѣшнія, связанныя съ нимъ, также мученія совѣсти, слѣдующія за совершеніемъ злаго дѣйствія, и другія страданія, порождаемыя имъ, вызываютъ въ человѣкѣ чувство одобренія такой связи добра съ удовольствіемъ и зла съ страданіемъ и чувство неодобренія противоположнаго этому отношенія. Это чувство, одобряющее награду за добро и наказаніе — страданіе за зло, называется чувствомъ справедливости. Рядъ тѣсно связанныхъ между собою внутреннихъ состояній, начинающійся оцѣнкою дѣйствій человѣческихъ и раздѣленіемъ ихъ на добрыя и злыя существуетъ, по свидѣтельству прямаго опыта и наблюденія, — у каждаго нормальнаго человѣка на всѣхъ ступеняхъ культурнаго его развитія и входитъ какъ одинъ изъ существенныхъ отличительныхъ признаковъ въ самое понятіе о человѣкѣ. Являясь въ различныхъ формахъ на разныхъ степеняхъ опредѣленности, отчетливости и силы, все это представляетъ собою цѣлую особую сторону человѣческаго бытія, человѣческой природы и называется нравственною стороною,

нравственною природою человѣка. Оцѣнка и различеніе дѣйствій дѣлаетъ человѣка существомъ нравственнымъ, нравственною личностію, даже въ томъ случаѣ, если онъ не имѣетъ возможности, напр. вслѣдствіе насилія—обнаруживать эту сторону своей природы въ дѣятельности. При этомъ оцѣнка всякаго даннаго дѣйствія, ей подлежащаго, чувство долга, свободы, одобренія или возмущенія совѣсти, чувство справедливости, возникаютъ въ душѣ, обыкновенно, съ такою быстротою, что сливаются въ сознаніи въ одно цѣлое, въ одну сплошную дѣятельность, которая кажется простою, неразложимою, моментально совершающеюся и носитъ разные названія,—называется совѣстію, нравственною способностію, нравственнымъ мотивомъ. Въ своемъ дѣйствіи эта, кажущаяся простою, но, въ сущности, весьма сложная, сила, или способность, открываетъ человѣку въ его собственной жизни и въ цѣлой вселенной новыя качества и отношенія, изъ коихъ слагается нравственный порядокъ вселенной, недоступный сознанію и воспріятію безъ участія этого дѣятеля. Потому-то нравственная сила или способность, по аналогіи съ другими способностями души, черезъ которыя открываются человѣку различныя другія стороны или области бытія и которыя всеми мѣтко называются чувствами,—тоже носитъ названіе чувства и, именно, чувства нравственнаго. Таковы, напримѣръ, чувство внѣшнее, открывающее человѣку внѣшній матеріальный міръ; чувство внутреннее, въ которомъ человѣку даетъ себя знать бытіе сверхчувственное, духовное, въ формѣ его собственной духовной личности; чувство эстетическое, чрезъ которое воспринимается человѣкомъ красота и гармонія міра; наконецъ, чувство религіозное, въ которомъ дается человѣку начало и основа по знанію бытія всесовершеннаго и абсолютнаго. Всѣ эти способности—чувства, какъ и чувство нравственное, являясь въ непосредственномъ сознаніи простыми, въ дѣятельности отличаются высокою степенію сложности по своему внутреннему составу ¹⁾).

1) Большая сложность внѣшняго чувства и воспріятія—фактъ теперь общеизвѣстный.

Описанный въ предыдущемъ фактъ существованія у чело-вѣка внутренней силы, дѣлающей его существомъ нравствен-нымъ, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, какъ фактъ непо-средственнаго опыта и наблюденія надъ чело-вѣкомъ въ пре-дѣлахъ исторiи. Противъ представленнаго опредѣленія пси-хическаго состава этой силы изъ четырехъ, тѣсно связанныхъ состоянiй душевныхъ, тоже не можетъ быть серьезныхъ воз-раженiй послѣ того, какъ доказано и научно установлено положенiе, что прямое свидѣтельство непосредственнаго со-знанiя о простотѣ, моментальности душевнаго акта какого-либо ничего еще не говоритъ въ пользу его простоты въ дѣйствительности и оказывается иллюзiею, легко объясняемою изъ законовъ соотношенiя и организации психологическихъ комплексовъ. Правда, большинство изслѣдователей нравствен-наго чувства отождествляютъ его съ актомъ различенiя и воспринятiя добра и зла въ дѣйствiяхъ, но при этомъ всѣ вытекающiя изъ него состоянiя подразумѣваются сами собою и иногда прямо указываются и объясняются такъ или иначе. Дѣло въ томъ, что всякiй серьезный изслѣдователь въ этой области не можетъ не видѣть сразу, что простое различенiе добраго и злаго само по себѣ не есть еще актъ нравствен-ной природы, какъ бы это различенiе ни происходило: его дѣлаютъ такимъ—сознанiе обязательности, возможности осу-ществлять доброе въ жизни, удовольствiя и страданiя и при-знанiе ихъ законности: нравственное необходимо заключаетъ въ себѣ эти состоянiя какъ свои составныя части и призна-ки. Въ свою очередь чувство долга не мыслимо безъ разли-ченiя добра и зла, безъ чувства свободы. То же самое и от-носительно другихъ составныхъ частей нравственнаго. Но все это только констатированiе факта бытiя нравственной силы и описанiе ея, хотя и это добыто съ большими усилiями и постепенно, какъ и самое выдѣленiе нравственной при-роды и силы. Наука не можетъ ограничиться этимъ описа-нiемъ; напротивъ, съ этого пункта и начинается дѣйстви-тельное изслѣдованiе и возникаетъ множество затрудненiй. Являются неизбежно вопросы: какимъ образомъ происходятъ оцѣнка и различенiе дѣйствiй на добрыя и злыя, какъ и изъ

чего образуются идеи добра и зла, какой ихъ составъ, какъ они развиваются? Откуда и какъ является чувство обязанности и долга; какъ является чувство свободы, и не есть-ли она простая иллюзія? Изъ чего составлены и какъ возникаютъ пріятные и мучительные приговоры совѣсти? На что опираются чувство справедливости и идеи награды и наказанія? Есть-ли, наконецъ, вся нравственная способность въ цѣломъ и составныхъ частяхъ нѣчто присущее человѣку изначала, неотдѣлимая и необходимая сторона его природы, или она цѣликомъ продуктъ внѣшнихъ вліяній и условій жизни? Вопросы эти настоятельно требуютъ отвѣта, т. е. разложенія нравственной силы на послѣдніе и основные ея элементы во всѣхъ ея моментахъ, объясненія ея образованія, устройства изъ этихъ элементовъ синтеза ихъ въ одно цѣлое въ его отношеніяхъ къ общему строю жизни духа человѣческаго. Словомъ, требуется, по возможности, подробная и опирающаяся на точныхъ данныхъ научная теорія чувства нравственнаго. Построеніе такой теоріи есть прямая задача психологіи и рано или поздно должна быть ею выполнена, чего въ настоящее время, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, и это одинъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ въ наукѣ о душѣ. Отъ этого недостатка зависитъ вообще смутность этическихъ понятій, господствующихъ въ современномъ обществѣ и невозможность строго научной обработки этики, которая опирается необходимо на психологическихъ данныхъ, или, точнѣе, на данныхъ психологическаго анализа нравственной способности въ созданіи идеала жизни человѣка и кодекса руководительныхъ нормативныхъ законовъ или правилъ нравственнаго поведенія.

Наблюденія и изслѣдованія нравственной природы и жизни человѣка зачались въ глубокой древности. Великія религіозныя и религіозно-философскія системы древняго востока уже содержатъ въ себѣ обширныя свѣдѣнія и глубоко продуманныя, переработанныя мысли, обобщенія, относительно добраго и злаго въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, относительно обязанностей человѣка, средствъ къ ихъ выполненію, значенія наградъ и наказаній. Таковы системы брамаизма, буд-

дизма и философскихъ построений, развившихся на ихъ почвѣ, системы Конфуція, парсизма и др. Откровенная ветхозавѣтная религія начинаетъ исторію сотвореннаго Богомъ человѣка съ факта, породившаго въ немъ въ первый разъ понятіе о добромъ и зломъ, объ обязанности, свободѣ, спокойствіи и мученіяхъ совѣсти, наградѣ и наказаніи и имѣетъ своею цѣлю нравственное просвѣщеніе, воспитаніе его и приготовленіе къ нравственному возрожденію. Новозавѣтная религія имѣетъ въ своей основѣ фактъ самаго возрожденія нравственнаго человѣка искупительною жертвою Сына Божія и всесторонне описываетъ внѣшнія—благодатныя и внутреннія условія этого возрожденія, дополняя и расширяя открытыя въ заповѣдяхъ синайскихъ понятія о добродѣтеляхъ и грѣхахъ, и устанавливая ихъ признаки, источники, и пр. На западѣ, сначала тѣсно связанная съ религіею, а потомъ отдѣлившаяся отъ нея, философія начинаетъ съ нѣкоторыхъ наблюденій и обобщеній относительно нравственной дѣятельности человѣка и затѣмъ въ лицѣ Сократа сосредоточивается главнымъ образомъ на изслѣдованіи нравственнаго въ человѣкѣ. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилось нѣсколько системъ нравственной философіи, въ которыхъ нравственная природа человѣка освѣщается съ разныхъ сторонъ и дается нѣсколько теорій относительно происхожденія идей добра и зла, чувства долга, свободы,—теорій, развитыхъ учениками Сократа, особенно Платономъ, затѣмъ Аристотелемъ и перипатетиками, стоиками и эпикурейцами. Подъ двойнымъ вліяніемъ—христіанства и греко-римской философіи—изслѣдованія нравственной природы человѣка продолжаютъ отцами церкви, затѣмъ философами схоластическаго періода и ложатся въ основу обширной и стройной системы нравственной теологіи, представляющей собою систематически обработанный сводъ всего, что открыто въ словѣ Божіемъ, относительно нравственнаго въ жизни и дѣятельности человѣка и что есть лучшаго у древнихъ философовъ. Развиваясь постепенно и обособившись въ особую отрасль богословской науки, нравственная теологія усваиваетъ постепенно и результаты новѣйшихъ изслѣдованій научныхъ въ этой области, асси-

милируя то, что есть въ нихъ лучшаго и вполне согласнаго съ откровенною истиною, представляя, такимъ образомъ, лучшее пособіе при изученіи нравственной природы человѣка и силы нравственной. Освободившаяся постепенно отъ давленія авторитета папской власти и созданнаго ею стѣсненія свободы изслѣдованія, научно философская мысль новаго времени вновь поставила самостоятельно и независимо отъ религіозной доктрины вопросъ о нравственной природѣ человѣка. Ею подвергнуты были критикѣ какъ древнія системы нравственнаго ученія, или ученія о нравственности, такъ и само христіанское ученіе, и созданъ рядъ новыхъ построеній съ разныхъ точекъ зрѣнія и разными общими задачами. Въ нихъ отчасти повторяются въ другой, и не всегда лучшей, формѣ ученія древнихъ, отчасти добывается нѣчто новое, чуждое древнимъ. Это новое, впрочемъ, имѣетъ своимъ источникомъ всегда христіанское нравственное ученіе, превосходство котораго сознается всѣми мыслителями новаго времени, за самыми незначительными исключеніями. Что есть здѣсь дѣйствительно новаго и цѣннаго, это уясненіе методовъ изслѣдованія и расширеніе наблюденій на всю исторію человѣчества. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Англіи и Шотландіи, гдѣ съ самаго начала XVII вѣка идетъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области нравственнаго, въ цѣломъ представляющихъ широкую и многостороннюю обработку общихъ и частныхъ вопросовъ морали, заканчивающихся знаменитою системою всеобщаго утилитаризма, которая, благодаря авторитету такихъ мыслителей, какъ Милль, Спенсеръ и др., получила обширное распространеніе и вліяніе во всемъ мірѣ. Въ Германіи изслѣдованіе нравственной сферы выдвинуто авторитетомъ Канта, построившаго одну изъ самыхъ грандіозныхъ системъ моральныхъ, и выразилось во множествѣ изслѣдованій и построеній, начиная съ критики пракческаго разума Канта и кончая этикою Вундта, въ которой выразилось, начавшееся уже у Канта, сближеніе изслѣдованій англійскихъ съ германскими.

Во всемъ этомъ данъ такой богатый матеріаль для рѣшенія всякихъ вопросовъ относительно нравственной жизни че-

ловѣка, что можно скорѣе говорить объ избыткѣ, а никакъ не о недостаткѣ въ пособіяхъ и руководствахъ. Въ частности, можно встрѣтить здѣсь по нѣскольку рѣшеній каждаго изъ поставленныхъ нами вопросовъ. Но эти рѣшенія болѣею частію сдѣланы мимоходомъ, по поводу рѣшенія другихъ задачъ, которыя сводятся къ опредѣленію цѣлей и правилъ жизни человѣческой и входятъ въ содержаніе этики, при томъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Теоретическая психологическая задача здѣсь не выдѣляется и поглощается всегда практической. Вслѣдствіе этого полной, всесторонне развитой теоріи нравственнаго чувства съ чисто психологической объяснительной точки зрѣнія доселѣ нѣтъ. Обращаясь къ спеціально психологической литературѣ, мы и здѣсь не находимъ ничего подобнаго. Хотя прямая задача психологіи объясненіе устройства душевныхъ силъ, данныхъ въ прямомъ наблюденіи, путемъ разложенія каждой изъ нихъ на послѣдніе, далѣе неразложимые, элементы, и опредѣленіе того значенія, какое имѣютъ они въ общемъ строѣ данной силы, и хотя психологія выполняетъ эту задачу въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ и подробностью относительно силы умственной и нѣкоторыхъ другихъ,—нравственное чувство въ ней не объясняется обыкновенно.

Въ виду того, что у взрослого нормальнаго человѣка на всѣхъ ступеняхъ его развитія различеніе добраго и злаго совершается какъ бы само собою, автоматически и безъ всякаго почти размышленія, и также само собою возникаетъ неотразимо сознаніе обязательности и долга, большинство мыслителей прежняго времени и многіе въ настоящее время признаютъ нравственное чувство результатомъ прирожденности идеи добра, готовности ея въ духѣ, или же считаютъ его своего рода инстинктомъ духовной природы, что, въ сущности, одно и то же, инстинктомъ, не подлежащимъ никакому разложенію и объясненію. Это пониманіе нравственнаго чувства выражается также въ ставшей азбучною фразѣ, что нравственный законъ вложенъ въ душу человѣческую Творцомъ. Но, не говоря уже о безсодержательности такого взгляда, прямо отрицающаго самую возможность научнаго изслѣдованія

нравственной силы, онъ, по своему существу, есть не что иное, какъ *ignorantio elenchi* и опирается на неточномъ, неправильномъ наблюденіи явленія въ его сложной формѣ, въ его конечныхъ результатахъ, а не въ процессѣ образованія. Это наблюденіе и обобщеніе—того типа, по которому земля, вода и воздухъ признавались простыми тѣлами—стихіями, воспріятіе зрительное—простымъ, неразложимымъ актомъ, дающимъ прямо готовый образъ предмета (со всѣми его отношеніями), знаніе—простымъ, неразложимымъ актомъ ума, созерцающаго сущность вещей и т. п.,—и необходимо должно приводить къ ложному выводу или, во всякомъ случаѣ, къ выводу логически несостоятельному, незаконному. Дѣло въ томъ, что кажущееся простымъ нельзя признавать такимъ, не произведши всевозможныхъ попытокъ разложенія. Но, съ точки зрѣнія разсматриваемой доктрины, самая возможность такихъ попытокъ устраняется, и въ недавнее еще время, подъ вліяніемъ религіозной, или, точнѣе, теологической сентенціи, доктрины прирожденности нравственной идеи и готовности въ духѣ чувства нравственнаго,—всякая попытка свести его на болѣе простые элементы и состоянія духа считалась чуть не ересью. Между тѣмъ, въ виду несомнѣнности въ настоящее время психологическаго закона, подтверждаемаго самымъ точнымъ анализомъ, что всѣ выснія способности духа обнаруживаются въ актахъ, самой высокой сложности (самосознаніе, умъ, воля) предположеніе простоты и неразложимости актовъ моральнаго чувства, и, слѣд., его самого, какъ живой силы, дѣятеля,—въ высшей степени невѣроятно. Это было бы удивительнымъ, непостижимымъ исключеніемъ изъ общаго закона, и исключеніе это касалось бы самой высшей силы духа, въ которой онъ является какъ бы творцомъ и производителемъ цѣлаго новаго міра идей и отношеній всего болѣе противоположныхъ и враждебныхъ чувственной природѣ. Наконецъ, теорія прирожденныхъ идей, формулированная съ особенною опредѣленностію Декартомъ и усвоенная въ этомъ видѣ многими философами и затѣмъ богословами, измѣненная существенно уже Лейбницемъ, испровергнута убійственною критикою Канта, также какъ и Лейбница, защитника при-

рожденности существеннаго содержанія духа, можно сказать уничтожена и лишена всякаго права на существованіе психологическими новѣйшими изслѣдованіями образованія всякаго рода идей. Изслѣдованія эти привели къ положенію, что всѣ знанія во всякой формѣ истинъ получаютъ самимъ человѣкомъ и исключительно путемъ опыта; только опытъ этотъ признается двойнымъ: одинъ направленъ на внѣшнее, или, точнѣе, на впечатлѣнія, и идея, получаемая отъ этого внѣшняго, и даетъ въ послѣднемъ результатѣ законъ отношенія вещей и явленій; другой состоитъ въ наблюденіи и воспріятіи внутренняго строя жизни духа и ведетъ, между прочимъ, къ тѣмъ идеямъ, которыя Декартъ съ его послѣдователями признавали готовыми и изначала данными Творцомъ. Въ гармоническомъ сліяніи истинъ того и другаго порядка и состоитъ истинное знаніе, которое есть существенно организованный опытъ и не одного человѣка, а всего человѣчества.

Въ противоположность описанному взгляду,—цѣлый рядъ мыслителей выходятъ въ ученіи о нравственномъ чувствѣ прямо изъ отрицанія даже прирожденной и первоначальной способности различать добро и зло. Исходный пунктъ—*homo hominī lupus* и *bellum omnium contra omnes*. Нравственное чувство затѣмъ представляется ими не только сложнымъ, но и производнымъ изъ состояній другаго порядка, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нравственности,—именно, изъ волненія удовольствія и неудовольствія, симпатіи и идей пользы и вреда. Образуется оно путемъ ассоціаціи по типу такъ называемаго психическаго химизма, въ силу котораго ассоціированныя душевныя состоянія образуютъ изъ себя новыя, нисколько на нихъ непохожія. Человѣкъ оцѣниваетъ свои дѣйствія по тѣмъ удовольствіямъ и пользѣ или страданіямъ и вреду, которые они доставляютъ ему; по закону симпатіи и условій общественной жизни, въ силу которыхъ дѣйствія другихъ людей являются для всякаго индивидуума причиною удовольствій и выгоды или страданій и вреда,—идеи удовольствія и пользы, страданія и вреда осложняются и расширяются въ своемъ содержаніи, обнимая постепенно удовольствія и пользу или благо возможно большаго количества или даже

всѣхъ людей. Въ этомъ видѣ сложное чувство постепенно и неразрывно ассоціируется со всякимъ дѣйствіемъ, этимъ самымъ превращается въ ихъ оцѣнку, которая, вслѣдствіе постоянного повторенія, становится привычной, едва сознаваемою и кажется потому непосредственною, простою и неразложимою. Основаніе этой теоріи положено еще въ древности, Аристотелемъ, который считаетъ нравственное чувство не особенною способностію, а навыкомъ (*ἔξικ ἦθος*), но дѣйствительное ея построеніе, развитіе началось съ Локка, отвергшаго всякія прирожденныя способности, продолжено Юмомъ, Дж. Миллемъ и завершено Бэномъ и Спенсеромъ, связавшимъ ее съ теоріею эволюціонизма и признававшимъ за нравственною способностію родъ прирожденности—въ смыслѣ прирожденнаго, развивающагося въ рядѣ поколѣній людей и даже животныхъ навыка. Основною теоріею служить, повидимому, весьма точное психологическое наблюденіе и обобщеніе,—именно, что всюду, гдѣ является идея цѣнности, оцѣнка человѣкомъ чего-бы то ни-было, въ ея основѣ непременно лежитъ прямо или косвенно волненіе, чувство, и большею частію—удовольствія или страданія. Безъ чувства самая идея цѣны предмета, явленія или дѣйствія—абсолютно невозможна и не мыслима. Значитъ, въ оцѣнкѣ дѣйствій нравственныхъ, чувство должно участвовать, не можетъ не участвовать. Затѣмъ, какъ научная основа взгляда, является положеніе, что всякое знаніе исходитъ изъ опыта и наблюденія, притомъ наблюденія чувственнаго, путемъ постепенныхъ обобщеній, и эти обобщенія изъ опыта, индуктивныя такъ называемыя, служатъ затѣмъ исходнымъ пунктомъ дедукціи, находя въ этомъ обратномъ процессѣ свое оправданіе, провѣрку и получая, такимъ образомъ, характеръ болѣе или менѣе непреложныхъ и обязательныхъ истинъ. Этимъ единственно законнымъ путемъ человѣкъ узнаетъ постепенно, какія дѣйствія его и другихъ людей—лучшія и, сообразно съ индивидуальнымъ и общимъ благомъ людей,—доставляютъ большую сумму счастья—совершенство для большаго количества или даже для всѣхъ людей. Самая идея блага, счастья, совершенства—такого же опытнаго происхожденія. До-

казательствомъ вѣрности теоріи съ этой стороны служить вся исторія моральнаго развитія человѣчества.

Оставляя теперь въ сторонѣ невѣрность этой теоріи и неспособность ея объяснить самое существенное и главное въ сферѣ моральнаго чувства, нельзя не видѣть, что она, также какъ и предыдущая, неправильна логически, и есть, опять, огромная методологическая ошибка — паралогизмъ. Прежде всего, изъ того, что всякое чувство цѣнности имѣетъ въ своей основѣ волненіе удовольствія или неудовольствія, прямо или косвенно, въ формѣ пользы и вреда или какой-либо другой, — вовсе не слѣдуетъ, что нравственная оцѣнка можетъ быть сведена къ этимъ дѣтелямъ. Можно сдѣлать только одно правильное заключеніе, что чувства эти участвуютъ въ образованіи идей о нравственной цѣнности. Но нравственная оцѣнка во всякомъ случаѣ до того своеобразна и не похожа на оцѣнку другихъ родовъ, что изслѣдователь обязанъ предполагать и искать другихъ еще дѣтелей, при помощи или силою которыхъ изъ просто пріятнаго и полезнаго возникаетъ нравственное. Не исполнивши этого, изслѣдователь допускаетъ ошибку, — правда, весьма частую въ изслѣдованіяхъ сложныхъ явленій духа, гдѣ научный методъ больше рекомендуется, чѣмъ прилагается со всею строгостію къ дѣлу, — но почти невозможную, напр., для естествоиспытателя. Если первая — нативистическая — теорія напоминаетъ собою, напр., старое ученіе о горѣніи, какъ пожираніи веществъ особою силою — стихією — огнемъ; то теорія ассоціализма весьма похожа на то, если бы горѣніе признавалось соединеніемъ кислорода съ углеродомъ только и опускалась совершенно изъ вида главная сила его производящая — теплота и т. п. Есть еще какая-то сила и въ сферѣ моральнаго, сила, которая превращаетъ пріятное и полезное въ доброе, нравственное и дѣлаетъ его обязательнымъ. Привычка, ассоціація ровно ничего не объясняютъ, пока не указана почва, среда сліянія душевныхъ состояній, резонъ образованія навыка и т. п. Ошибку и недосмотръ составляетъ также и общее основаніе, которымъ изслѣдователь уполномочивается будто бы искать источника нравственныхъ понятій и обобщеній только

въ сферѣ наблюденія фактовъ дѣйствованія и обобщеній изъ опыта. Какъ извѣстно, это требованіе есть основное положеніе, такъ называемой, индуктивной логики, ведущей свое начало отъ Бэна. И въ очень еще недавнее время оно считалось большинствомъ мыслителей чуть не аксіомою, недопускающею сомнѣнія и возраженія. Но болѣе глубокія и точныя изслѣдованія устройства познавательнаго процесса, условій доказательства и самой исторіи знанія, въ послѣднее время сильно поколебали это основоположеніе эмпиризма. Оказывается, что хотя матеріаль знанія получается изъ опыта и наблюденія явленій міра внѣшняго и внутренняго, путемъ наведенія; но его переработка, установленіе достовѣрности опытно полученныхъ истинъ зависитъ отъ устройства и законовъ мысли, опирается на обобщеніе, или, точнѣе, на общія истины, непосредственно данныя, необходимыя и имѣющія сами по себѣ абсолютную принудительность; эти истины и служатъ основою всякой достовѣрности и дѣлаютъ установленіе всякой опытной истины существенно дедуктивнымъ. Такъ, оцѣнка знанія, напр., и открытіе его совершенства всецѣло и исключительно опирается на законъ противорѣчія. Установленіе причинной зависимости опирается на аксіомахъ, критеріумомъ которыхъ является простая немыслимость противоположнаго, и самая достовѣрность обобщенія, устанавлиющаго всегдашнее необходимое возникновеніе чего-либо при опредѣленныхъ условіяхъ, опирается на законъ причинной связи, имѣющемъ интуитивную природу и независящемъ въ своей достовѣрности и происхожденіи отъ опыта и наведенія. Самый ростъ знанія, съ начала его возникновенія и доселѣ, идетъ существенно дедуктивнымъ путемъ, при помощи гипотезъ и предположеній, и вовсе не по схемамъ, искусственно установленнымъ индуктивною логикою. Изъ всего этого возникаетъ утвержденіе, что всякое знаніе индуктивно и дедуктивно въ одно и тоже время, что безъ дедукцій индукція даже не возможна и что, во всякомъ случаѣ, истина получаетъ научный характеръ и всю силу достовѣрности и принудительности, когда оно не есть простое обобщеніе частностей, а опирается на высшій самоочевидный принципъ.

Прилагая эти соображенія къ процессу образованія моральныхъ идей—знаній и обобщенія, необходимо и здѣсь признать его двойственнымъ, интуитивно-дедуктивнымъ и индуктивнымъ въ одно и то же время, и потому обязательно искать интуицій моральныхъ и ихъ источниковъ. Въ противномъ случаѣ — представленіе всего процесса моральнаго развитія будетъ всегда одностороннимъ, а потому невѣрнымъ и логически неправильнымъ.

Пробѣлъ, допускаемый въ изслѣдованіи моральнаго чувства изслѣдователями эмпирическаго направленія, связаннаго съ утилитарною моралью, восполняется теоріею интуитивистовъ. По этой теоріи оцѣнка дѣйствій совершается человекомъ прежде, чѣмъ онъ узнаетъ и оцѣнить ихъ послѣдствія и вліяніе на его жизнь, на основаніи идеала, возникающаго изъ внутренняго созерцанія своей природы духовной и ея силъ, — идеала совершенства. Мало опредѣленный и несознаваемый въ началѣ развитія человека, онъ постепенно затѣмъ уясняется подъ вліяніемъ расширенія жизненнаго опыта и наблюденій надъ свойствами человѣческихъ дѣйствій, — ихъ пригодности или непригодности быть средствами для осуществленія идеала. При этомъ получается тотъ возвышенный кодексъ моральный, который открытъ христіанствомъ и понятъ, какъ совершеннѣйшій современною наукою и философіею. Изъ него объясняютъ всѣ остальные внутреннія явленія моральной жизни — чувство долга, виновности, справедливости, свободы, одобренія и мученія совѣсти и т. п.

Но и эта теорія — вѣрная въ своей основѣ и приѣмахъ изслѣдованія, страдаетъ многими недостатками, дѣлающими ее далекою отъ осуществленія научной теоріи нравственнаго чувства. Она не уясняетъ со всею подробностію и отчетливостію происхожденіе идеала, способъ его вліянія при оцѣнкѣ дѣйствій и въ этомъ случаѣ часто совпадаетъ съ теоріею нативистовъ, впадая въ голословныя и плохо обоснованныя обобщенія. Она не слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ идеала и совпаденіемъ его съ данными опыта, а ограничивается, опять, голословнымъ указаніемъ участія опыта и наблюденія въ образованіи и расширеніи сферы и содержанія мо-

рального чувства, возникающаго изъ идеала. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, она или вовсе игнорируетъ религіозную санкцію моральныхъ заповѣдей, а если и принимаетъ во вниманіе, то почти въ смыслѣ эмпирической теоріи, какъ слѣдствіе усвоенія такой или другой религіозной системы, — даетъ, такимъ образомъ, вліянію религіи значеніе чисто внѣшней, принудительной силы, аналогичной съ силою гражданскихъ законовъ. Внутренней живой связи между религіею и моралью, такимъ образомъ, не устанавливается, и самая необходимость религіозной санкціи является не какъ требованіе природы человѣческаго духа, неотразимое и само собою являющееся, а какъ результатъ слабости человѣческой воли и т. п.

Не трудно видѣть, что три главные пріема изслѣдованія нравственнаго чувства, связанные съ тремя великими системами философской этики, каждый имѣетъ основаніе въ фактахъ нравственнаго развитія человѣческой жизни и каждый заключаетъ въ себѣ долю истины. Но ни одинъ изъ нихъ, взятый изолированно отъ остальныхъ, не представляетъ истины, или, по крайней мѣрѣ, всесторонне не обнимаетъ дѣла. Этому требованію удовлетворяетъ ихъ гармоническое сліяніе и примиреніе, путемъ переработки матеріала, даваемого каждою изъ нихъ и его, освѣщеннаго одною связывающею идеею, синтеза. Самое лучшее для этого съ подробностію изложить теорію эмпирически утилитарную въ томъ, что есть въ ней лучшаго и безспорнаго, показать ея недостатки и дополнить теоріею интуитивистовъ, развить ее, полнѣе и подробнѣе. Третья теорія, въ сущности, утверждающая только прирожденность нравственной способности духу человѣческому, получится какъ выводъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія. Такого рода синкретизмъ, сводящій въ одно труды великихъ мыслителей и отдающій *summi cuique*, есть теперь настоящая потребность во всѣхъ наукахъ, касающихся духовной природы человѣка и его жизни, какъ и при рѣшеніи всѣхъ частныхъ вопросовъ изъ этой области. Онъ наглядно показываетъ, что сдѣлано въ данной сферѣ научнаго цѣннаго, что нужно сдѣлать, и въ какую сторону направить изслѣдо-

ваніе. Въ противномъ случаѣ выходъ изъ хаоса разныхъ направлений, составляющихъ теперь все дѣйствительное содержаніе этихъ наукъ, рѣшительно не возможенъ, не возможенъ и прогрессъ въ нихъ.

I.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что содержаніе понятій о добромъ и зломъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ не дано прямо и готовымъ, какъ всѣ другія понятія; оно возникаетъ собственно дѣятельностію человѣка сначала въ простѣйшихъ и грубыхъ формахъ; затѣмъ постепенно развивается, совершенствуется и по своему объему и по качеству, достигая того относительнаго совершенства и сложности, какія имѣетъ въ настоящее время у высокоразвитой нравственной личности. Съ развитіемъ этого основнаго начала нравственности, видоизмѣняются и развиваются соотвѣтственно въ своемъ содержаніи и направленіи и другія составныя части нравственнаго сознанія и нравственнаго чувства—чувство долга, справедливости, сознаніе свободы, голосъ совѣсти, одобряющей и карающей. Если исходнымъ пунктомъ нравственной жизни человечества и было кратковременное состояніе совершенства, т. е. ясное пониманіе добра и зла, всестороннее и полное сознаніе требованій нравственнаго закона во всей широтѣ и глубинѣ его, чистое и ничѣмъ невозмущенное чувство его абсолютной обязательности, чистое наслажденіе добромъ и спокойствіе совѣсти, въ связи съ отчетливымъ чувствомъ своей независимости, могущества надъ собою или свободы; то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ быстро и такъ глубоко палъ изъ этого состоянія, что отъ него остались едва слабые слѣды и зачатки, коренящіеся въ самой природѣ и строѣ жизни духа, и долженъ былъ въ потѣ лица начать возстановленіе потеряннаго своими силами и средствами, начать съ самаго начала, съ того низшаго момента, низшей формы, въ которой онъ едва отличается отъ животнаго, по природѣ лишеннаго самыхъ зачатковъ моральнаго. И прошло много вѣковъ, прежде, чѣмъ въ лучшей части своей человѣческой родъ постепенно созрѣлъ до способности воспринимать и осуществлять

въ своей жизни начала синайскаго законодательства и вообще закона Моисеева, въ которомъ требованія нравственнаго закона являются внѣшними категорическими повелѣніями, опирающимися на чувство страха предъ страданіями, бѣдствіями, вообще невыгодами временными и на ожиданіи удовольствій, благъ, вообще выгодъ. Только опять черезъ много затѣмъ вѣковъ явилась для человѣка возможность дополненія, или, точнѣе, исполненія, завершенія этой низшей формы нравственнаго сознанія въ христіанскомъ нравственномъ законѣ, составляющемъ исходный пунктъ и основу жизни новаго міра, источникъ всего, что есть лучшаго и совершеннѣйшаго въ жизни современнаго человѣчества. Эти двѣ фазы развитія нравственнаго сознанія человѣка, нравственнаго мотива, какъ бы онѣ ни толковались съ богословской, философской и какой угодно точекъ зрѣнія, составляютъ несомнѣнный, хорошо обслѣдованный во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, историческій фактъ. Съ очевидностію подтверждая подчиненіе моральнаго сознанія закону развитія, онѣ въ крупныхъ чертахъ и фактахъ представляютъ средину и конецъ, высшую ступень развитія и внутренняго состава идей добра и зла, нравственнаго закона и вообще всего того явленія, которое намъ предстоитъ изслѣдовать и объяснить. Имѣя въ своемъ распоряженіи эти два момента всего процесса нравственнаго развитія, наука владѣетъ главными средствами опредѣлить и возстановить въ построеніи, не рискуя впасть въ грубыя ошибки и произвольныя гаданія, остальной, третій моментъ, недоступный прямому, непосредственному наблюденію, т. е. ту низшую форму нравственнаго сознанія, съ которой начинается все нравственное развитіе. Она можетъ возстановить ту низшую, элементарную форму нравственнаго сознанія, въ какой оно находится у такъ называемаго нынѣ «первобытнаго», доисторическаго человѣка и открыть, такимъ образомъ, самое зарожденіе нравственнаго чувства. Пособіемъ при этомъ являются факты изъ жизни современныхъ дикарей и дѣтей, а главнымъ образомъ извѣстные общіе законы развитія человѣческаго духа и особенно развитія знанія. Развитіе это, какъ было объяснено, совершается въ двухъ направленіяхъ, которыя встрѣчаются между собою

постоянно и восполняютъ другъ друга: одно опирается на внѣшнее наблюденіе и опытъ внѣшній, другое коренится во внутреннемъ опытѣ и интуиціи. Разсмотримъ сначала первый процессъ, процессъ индуктивный нравственнаго чувства совѣсти, заимствуя все лучшее и безспорное у моралистовъ утилитарно-евдемоническаго направленія и искусственно изолируя его изъ общаго хода развитія.

На основаніи этого закона развитія, должно предположить такое состояніе человѣка, когда нравственное сознаніе его только что возникаетъ и начинаетъ слагаться и неизбѣжно отличается простотою и несложностью, едва напоминая собою то сложное и прочно организованное явленіе, какимъ мы встрѣчаемъ нравственный мотивъ у людей, стоящихъ на самой высокой ступени развитія. На основаніи общихъ законовъ душевнаго и особенно интеллектуальнаго развитія, мы уже въ этомъ зародышѣ должны встрѣтить двѣ стороны, два процесса: а) наблюденіе человѣкомъ своихъ собственныхъ дѣйствій и дѣйствій другихъ людей, съ точки зрѣнія ихъ значенія и вліянія на жизнь и благосостояніе, обобщеніе этихъ наблюденій, вообще то, что нѣкоторые изслѣдователи называютъ индуктивнымъ процессомъ совѣсти, понимая подъ совѣстью нравственный мотивъ или нравственное сознаніе во всемъ его объемѣ; б) приведеніе моральныхъ обобщеній изъ опыта къ нѣкоторымъ общимъ самоочевиднымъ началамъ, коренящимся въ самой природѣ и устройствѣ человѣческаго духа и его дѣйствій и превращеніе ихъ этимъ путемъ въ несомнѣнныя истины, т. е. въ истины, признаніе коихъ имѣетъ для ума принудительную, неотразимую силу, а въ данномъ случаѣ обязательную силу осуществлять ихъ въ жизни и въ дѣятельности. Этотъ процессъ напоминаетъ собою дедукцію въ области мышленія и знанія и потому нѣкоторые изслѣдователи называютъ его дедуктивнымъ процессомъ совѣсти. Являясь въ зародышевой формѣ при самомъ зарожденіи нравственнаго сознанія, эти два фактора его постепеннаго образованія сами постепенно развиваются и совершенствуются. На высшихъ степеняхъ развитія они открываются сознанію въ органическомъ едва доступномъ разложенію и анализу единствѣ.

Для того, чтобы удобнѣе и яснѣе различить всѣ части и моменты процесса моральнаго развитія и опредѣлить, по возможности, точно долю участія и значенія каждаго изъ этихъ двухъ факторовъ, ихъ необходимо отдѣлить въ отвлеченіи и разсматривать каждый особо, какъ обыкновенно это дѣлается при анализѣ познавательной дѣятельности. Это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что существуютъ двѣ теоріи, изъ коихъ каждая одна изъ указанныхъ факторовъ считаетъ единственнымъ и во всякомъ случаѣ основнымъ, исключая, потому, другой или едва упоминая о немъ. Синтезъ ихъ произвести будетъ легко; тогда окажется, что нравственный мотивъ можетъ быть только результатомъ ихъ совмѣстной дѣятельности.

Человѣкъ, у котораго нравственное сознание только что начинается возникать, вмѣстѣ съ возникновеніемъ знанія и религіи, искусства, общества и т. п., долженъ необходимо, еще прежде всякой идеи о добромъ и зломъ въ дѣйствіяхъ, — дойти, между прочимъ, путемъ опыта, — додуматься, что его собственные дѣйствія и дѣйствія другихъ представляютъ собою силы, вліяющія на его жизнь и имѣющія въ ней значеніе, какъ предметы и силы внѣшней природы. Это сознание по самому существу дѣла получается очень быстро и легко, хотя не съ такою опредѣленностью и отчетливостью, какъ у человека развитаго. При низкомъ общемъ развитіи умственной силы, при отсутствіи общихъ идей, прочно установившихся, при бѣдности и неустойчивости языка, недостаткѣ навыка къ отвлеченію и т. п., у такого человека можетъ быть только одна, повидимому, точка зрѣнія на свои дѣйствія и дѣйствія другихъ людей, одинъ способъ ихъ оцѣнки, который онъ прилагаетъ къ предметамъ и силамъ внѣшнимъ. Во внѣшнемъ мірѣ для него хорошо — добро только то, что пріятно ему лично, и дурно — зло то, что непріятно, причиняетъ страданіе. Отсюда, затѣмъ, развивается идея полезности и вредности, возникающія постепенно, хотя, опять, очень быстро. Этотъ критеріумъ, оцѣнку человекъ естественно и прямо прилагаетъ къ своимъ дѣйствіямъ и вообще къ человѣческимъ дѣйствіямъ. Одобреніе пріятнаго и непріятнаго, какъ и сознание чувства пріятности и непріятности, пользы и вреда есть необходимое естественное

послѣдствіе стремленія къ самосохраненію и раскрытію полноты индивидуальнаго бытія — вообще къ счастью. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ развитія содержаніе идей добра и зла могло состоять только изъ сознанія пріятности и полезности, непріятности и вредности дѣйствій: добро то, что въ данный моментъ пріятно и полезно, зло то, что непріятно и вредно. Здѣсь, очевидно, еще нѣтъ почти вовсе въ строгомъ смыслѣ моральнаго элемента, нѣтъ идеи нравственнаго добра и нравственнаго зла. Объ обязательности искать пріятнаго и полезнаго и избѣгать непріятнаго и вреднаго, конечно, не можетъ быть и рѣчи, точно также, какъ напр., объ обязательности спать, когда овладѣваетъ сонъ, ѣсть, когда чувствуется голодъ. Это не обязательно, а естественно, т. е. необходимо. Слѣдовательно, на самой первой ступени развитія нравственнаго мотива путемъ опыта нѣтъ и чувства долга и другихъ составныхъ частей. Наблюдать эту зародышевую форму идей добра и зла у людей взрослыхъ, даже самыхъ дикихъ нѣтъ возможности: это чисто идеальное, гипотетическое построеніе. Въ настоящее время она встрѣчается только у дѣтей — и не въ силу ограниченности ихъ опыта и знанія, а вслѣдствіе отсутствія еще нѣкоторыхъ способностей, напр., самонаблюденія, которыя у взрослога человѣка необходимо существуютъ, на какой бы низкой ступени развитія онъ ни стоялъ. Факты изъ жизни дѣтей, потому, не могутъ имѣть здѣсь значенія, подтверждающаго гипотезу опыта, — того, что называется *experimentum crucis*. Гораздо большую цѣнность здѣсь имѣютъ остатки этого воображаемаго состоянія, слѣды его у дикарей, обнаруживающіеся въ смутности и неопредѣленности ихъ понятія о добромъ и зломъ, въ относительности и неустойчивости ихъ критеріума.

За описаннымъ моментомъ быстро наступаетъ другой, составляющій также необходимое послѣдствіе присущихъ чело-вѣку свойствъ и стремленій — моментъ осложненія чисто эгоистическаго содержанія идей добра и зла чувствами и идеями альтруистическими, или, точнѣе, эго-альтруистическими, по терминологіи Спенсера. Естественная пріятность симпатическихъ, благожелательныхъ дѣйствій и очевидная польза ихъ личная

для дѣйствующаго постепенно производить включеніе ихъ въ идею добра, которая, такимъ образомъ, становится шире и содержательнѣе. Пріятность и очевидность пользы, при заражающихся простыхъ общественныхъ отношеніяхъ, помощи другимъ, участія въ общихъ дѣлахъ и интересахъ, также постепенно заставляеть признать ихъ хорошими, добрыми. Пріятность тѣхъ и другихъ дѣйствій увеличивается очень сильнымъ у неразвитаго человѣка удовольствіемъ похвалы и одобренія, полезность—разнаго рода выгодами, очевидно, проистекающими изъ общаго одобренія. Съ явленіемъ идей пріятности и полезности взаимной помощи и участія въ общихъ дѣлахъ и интересахъ, естественно, наступаетъ группировка и раздѣленіе ихъ, обнимающія сходныя дѣйствія въ различныхъ обстоятельствахъ. Уже въ силу такъ называемаго закона противорѣчія, дѣйствія противоположнаго характера должны, повидимому, считаться злыми, нехорошими. Но опытъ самъ по себѣ не даетъ, при самомъ началѣ своемъ, очевидности этого, а строгаго логически отвлеченнаго вывода человѣкъ еще сдѣлать не въ состояніи на этой ступени развитія. Дѣйствительно, въ опытѣ—зложелательныя, враждебныя дѣйствія, вражда, месть и т. п., вообще, причиненіе страданій другимъ оказываются также, если еще не болѣе пріятными, чѣмъ благожелательныя; непосредственная польза ихъ также во многихъ случаяхъ очевидна. Дѣйствительно также, что даже сравнительно на очень высокой ступени развитія человѣкъ, облегчая инстинктивно страданія другихъ и считая это дѣло хорошимъ, пріятнымъ и полезнымъ, не въ состояніи испытывать чувства состраданія и стремленія прекратить ихъ, когда онъ самъ причиняетъ эти страданія подъ вліяніемъ гнѣва, обиды и т. п. Въ этомъ случаѣ страданія другаго доставляетъ ему величайшее удовольствіе, и онъ старается усилить ихъ всѣми способами. Непосредственная польза отъ ослабленія врага, уничтоженія его физическаго или моральнаго, польза отъ непосильнаго труда, голоданія другихъ, бѣдности и лишеній, уничтоженія и т. п., даже доселѣ нагляднѣе, чѣмъ польза противоположнаго. Въ силу этого самая крайняя жестокость, угнетеніе другихъ людей, болѣе слабыхъ, почему нибудь, особенно

женщинъ, долгое время не считались предосудительными, а месть, преслѣдованіе врага считаются дѣломъ положительно хорошимъ, добродѣтелью. Вообще сознание доброкачественности воздержанія отъ причиненія страданія и зла другимъ, въ силу непосредственной непріятности этого состоянія развивается несравненно медленнѣе, чѣмъ подобное же сознание относительно прямо благожелательныхъ, облегчающихъ страданія другихъ людей—дѣйствій. Только при сравнительно высокой общественной организаціи, путемъ сложныхъ и продолжительныхъ опытовъ, можетъ явиться и укрѣпиться, подѣ влияніемъ идеи общественной пользы, такое сознание. Этимъ объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что, съ явленіемъ ясно выраженныхъ и формулированныхъ обобщеній относительно добра и зла въ человѣческихъ дѣйствіяхъ въ формѣ заповѣдей,—эти заповѣди получаютъ сначала видъ запрещеній извѣстнаго рода дѣйствій по отношенію къ другимъ людямъ (не убій, не укради). Тѣмъ же путемъ опыта и наблюденія разлагаются на добрыя и злыя дѣйствія человѣка, объектомъ которыхъ служитъ онъ самъ и въ которыхъ другіе люди не затрогиваются прямо. Принципъ раздѣленія опять тотъ же самый. Храбрость, мужество, терпѣніе, настойчивость, очевидно, полезны и часто пріятны. Дѣйствія, ихъ обнаруживающія, потому, являются, естественно, добрыми, хорошими. Противоположныя имъ непріятны, вредны—злы. Неумѣренность въ употребленіи пищи и въ удовлетвореніи другихъ потребностей въ жизни часто сопровождается, очевидно, вредомъ и страданіями,—потому зло; противоположное—добро. Праздность и лѣнь влекутъ вредныя и непріятныя послѣдствія, трудолюбіе полезно и т. п. Процессъ обобщенія совершается такъ же, какъ и относительно дѣйствій первой категоріи. Но и здѣсь, вслѣдствіе непосредственной пріятности и по отсутствію прямой очевидности вреда трусости, неумѣренности, праздности и лѣнности, и наоборотъ, прямой непріятности, воздержности терпѣнія и т. п., процессъ обобщенія и распредѣленія дѣйствій на добрыя и злыя совершается медленно. Скорѣе всего сознается, какъ доброе, храбрость и мужество, а трусость—какъ зло, потому что дѣйствія мужества и храбрости, особенно въ связи

съ гнѣвнымъ волненіемъ и сами по себѣ пріятны, а трусость, связанная съ непріятнымъ чувствомъ страха, и сама по себѣ не пріятна. Неумѣренность же, праздность долгое время считаются даже добродѣтелью, и превращаются въ пороки въ сознаніи людей только на очень высокой ступени развитія. Накопляясь дѣятельностію многихъ отдѣльныхъ людей и многихъ поколѣній опыты пріятности и полезности однихъ, непріятности и вредности другихъ дѣйствій, превращаются постепенно въ обобщенія, общія истины и правила и въ этомъ переработанномъ видѣ передаются отъ одного поколѣнія къ другому. Такимъ образомъ, они становятся привычными, обычными—обычаями.

Какъ образовавшійся постепенно и живущій въ цѣломъ обществѣ,—обычай есть нѣчто внѣшнее для каждаго члена общества, потому, именно, что не есть результатъ его личнаго опыта и соображенія. Какъ внѣшнее, онъ заключаетъ въ себѣ привудительную силу для личности,—силу, которой онъ долженъ повиноваться, подъ опасеніемъ заслужить неудовольствіе общества со всѣми непріятными послѣдствіями этого. Чувство такого внѣшняго принужденія, лежащаго въ обычаѣ, состоящее изъ чувства уваженія къ тому, что давно и всѣми признано за доброе, и изъ опасенія непріятности подвергнуться порицанію общества за совершеніе того, что признано зломъ,—это чувство есть начало и зародышъ того, что называется чувствомъ долга, долгомъ. Путемъ опыта и наблюденія внѣшняго полезности и пріятности дѣйствій, дѣйствительно, можетъ получиться только эта низшая форма чувства долга, въ которой онъ есть простое чувство внѣшняго принужденія. Дальнѣйшее осложненіе получается образованіемъ вѣрованія въ то, что требованія обычаевъ суть предписанія божества, которому пріятны извѣстныя дѣйствія и непріятны другія. Подъ вліяніемъ этого вѣрованія, являющагося необходимо въ каждомъ человѣческомъ обществѣ на извѣстной ступени его развитія, выработанныя жизненной практикой и ставшія обычаями правила поведенія получаютъ религіозную санкцію и становятся потому абсолютными: привудительная сила ихъ увеличивается, и чувство долга, необходимости слѣ-

довать имъ становится опредѣленнѣе и напряженнѣе. Правила поведенія постоянно превращаются въ заповѣди божества, типомъ которыхъ можетъ служить десятословіе, при чемъ появляются новыя добродѣтели и пороки, — религиозно-обрядовыя (посты, омовенія, богослуж. дѣйствія). На этой ступени развитія нравственный законъ представляетъ смѣсь собственно нравственнаго закона, опредѣляющаго отношенія человѣка къ другимъ людямъ, къ себѣ самому и къ окружающей природѣ, и законовъ обрядово-религиозныхъ и гражданскихъ. Все это мыслится какъ воля божества, обязательная для всѣхъ членовъ даннаго общества, и различается въ подробностяхъ у каждаго общества или націи; за нарушеніе этой воли устанавливаются наказанія со стороны общественной власти, оно преслѣдуется угрозами наказаній со стороны божества здѣсь и въ загробной жизни, наконецъ, сопровождается неодобреніемъ всего общества, лишеніемъ добраго имени, уваженія и т. п. Исполненіе поощряется наградами и одобреніемъ со стороны божества, власти гражданской и общества.

Развитіе сношеній между народами, смѣшеніе обычаевъ, религиозныхъ вѣрованій и общественныхъ учрежденій, обмѣнъ идеями и знаніями, образованіе, сначала греческой, а потомъ римской всемірной монархіи, — все это расширило опытъ каждаго народа и необходимо должно было отразиться на обычаяхъ, вѣрованіяхъ и законахъ. Явилась идея родства, равенства всѣхъ людей по природѣ, общности интересовъ: рядомъ съ этимъ получила особенную силу идея того, что и Божество, произведшее природу и людей, одно у всѣхъ, не смотря на разность формъ и названій, что одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, — всѣ люди — его твореніе, его дѣти и равны передъ Нимъ, не смотря на разность ихъ общественныхъ положеній, обычаевъ, гражданскихъ законовъ, языковъ и т. п. Но всѣ эти идеи, подготовленныя исторіею, посившіяся, какъ говорится, въ воздухъ, были смутны и неопредѣленны и приводили къ созданію частныхъ правилъ, къ незамѣтному измѣненію отношеній между людьми. Съ ясностью и опредѣленностью онѣ обобщены и формулированы были въ христіанствѣ; онѣ получили здѣсь, кромѣ того, особенную силу и наглядность,

доступность для самаго неразвитаго человѣка въ возвѣщенномъ и основанномъ христіанствомъ, вселенскомъ обществѣ, которое, оставляя неизмѣнными всѣ политическія учрежденія, и племенные и соціальныя разницы, обнимаетъ всѣхъ людей, все человѣчество, включаетъ въ себя всякаго человѣка, какъ человѣка, какъ личность, имѣющую одинаковое со всѣми другими право на участіе въ вѣчныхъ благахъ, предназначенныхъ ему по природѣ. Прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ идеи единаго Бога всѣхъ людей и равенства ихъ передъ Нимъ, также идеи и факта одного вселенскаго Божія царства — церкви было уничтоженіе ограниченія въ правилахъ поведенія людей, обязательности ихъ только въ извѣстныхъ условіяхъ и предѣлахъ по отношенію къ членамъ одной націи, племени, общественному положенію и т. п. и превращеніе ихъ во всеобщія, распространяющіяся на всѣхъ людей — и въ этомъ смыслѣ — абсолютныя, безусловныя требованія. Другимъ необходимымъ послѣдствіемъ было довольно рѣзкое выдѣленіе этихъ требованій изъ законовъ политическихъ и гражданскихъ и превращеніе ихъ въ сознаніи людей въ особый всеобщій для всѣхъ обязательный законъ. Теперь только являлся и могъ явиться, какъ результатъ продолжительнаго и сложнаго процесса развитія въ собственномъ смыслѣ нравственный законъ, опредѣляющій однообразное добро и зло и одинаково обязательный для всѣхъ. Принципъ раздѣленія дѣйствій человѣческихъ на добрыя и злыя остался тотъ же самый, лежащій въ самомъ строѣ человѣческой природы и человѣческаго общества, т. е. симпатія и движеніе къ личности и правамъ другаго, общее благо и общая польза. Все это выражается въ законѣ о любви; только симпатія здѣсь не ограничивается лишь тѣснымъ кругомъ близкихъ людей, а должна обнимать всѣхъ людей, даже враговъ, и основаніемъ для этой симпатіи и уваженія являются не случайныя связи и выгоды, а общія свойства человѣческой природы, одинаковость и равноправность всѣхъ людей. Въ самомъ началѣ христіанства и отчасти до настоящаго еще времени выдѣленный и обоснованный такимъ образомъ нравственный законъ, усвоенный европейскимъ человѣчествомъ, поставленъ въ тѣсную связь съ нѣкоторыми религіозными до-

гматами и обрядовыми предписаніями, — религіозными добродѣтелями и (пороками) преступленіями, подвергался и подвергается отчасти доселѣ многимъ ограниченіямъ. Также точно его вліяніе усилено угрозами религіозныхъ наказаній и обѣщаніемъ награды, и порицаніемъ или одобреніемъ общества. Но фактъ его образованія и выдѣленія совершился и усваивается нечувствительно, входитъ въ содержаніе духовной жизни всякаго человѣка, причастнаго такъ или иначе христіанской цивилизаціи...

Исслѣдованія основъ добра и зла, нравственнаго закона и долга, начавшіяся съ XVII вѣка, привели въ настоящее время къ убѣжденію, что законъ нравственный, выработанный жизненнымъ опытомъ, вытекаетъ, въ сущности, изъ бессознательнаго стремленія къ сохраненію и совершенствованію рода, что это есть сложное выраженіе родоваго инстинкта. Добромъ считается, очевидно, то, что способствуетъ благу цѣлаго рода, общества въ широкомъ смыслѣ слова. Зло-то, что вредитъ ему, хотя бы косвеннымъ и отдаленнымъ способомъ. Поэтому такъ и одобряются обществомъ всѣ проявленія самоотверженія, пожертвованія личными интересами для блага общаго. Христіанствомъ этотъ инстинктъ введенъ въ общее сознаніе, какъ требованіе разума и Божества, и имъ дано ему особое толкованіе, которое обуславливалось состояніемъ знанія и направленіемъ мышленія въ періодъ явленія христіанства и въ послѣдующее затѣмъ время.

Такое пониманіе основъ и природы нравственнаго закона заключаетъ въ себѣ долю истины. Добро есть, между прочимъ, дѣйствительно, нѣчто такое, что полезно для общества, рода и — косвенно — для всякаго индивидуума, благосостояніе котораго, очевидно, всегда, въ общемъ ходѣ, обуславливается благосостояніемъ цѣлаго рода. Зло — наоборотъ. Но въ такомъ случаѣ обязательная сила нравственныхъ требованій и чувство долга въ отдѣльной личности есть иллюзія, обманъ. Слѣпой инстинктъ, «бессознательная воля» заставляютъ человѣка единичнаго, для котораго его личность, его личные интересы и счастье въ теченіе короткой жизни дороже и важнѣе всего остальнаго міра, заставляютъ портить свою жизнь, страдать

ради такихъ благъ, въ которыхъ онъ никогда не можетъ принять участія и которыми будутъ пользоваться другіе люди, а до этихъ другихъ ему, конечно, нѣтъ никакого дѣла. Конечно, тѣ условія жизни, тотъ строй ея, среди котораго онъ является и живетъ, произошелъ и образовался благодаря тому, что люди слѣдовали этому слѣпому инстинкту; его личная жизнь отъ этого лучше, полнѣе и богаче содержаніемъ. Слѣдованіе этому инстинкту съ его стороны будетъ также способствовать поддержанію такого строя, усовершенствованію его и увеличенію счастья послѣдующихъ людей. Но ему, очевидно, нѣтъ до этого никакого дѣла, если дѣйствія, вопреки понятному имъ слѣпому принужденію, обману природы, дають ему личное счастье.

Въ полномъ согласіи съ этою теоріею стоитъ описаніе происхожденія и развитія идей добра и зла, нравственнаго закона и чувства долга у отдѣльныхъ личностей, особенно при существующихъ условіяхъ. Здѣсь представляются дѣйствующими тѣ же факторы, только въ другомъ порядкѣ. Первыя свѣдѣнія о добромъ и зломъ мы получаемъ въ дѣтствѣ отъ родителей и воспитателей въ формѣ приказаній, что должно дѣлать то-то, и не дѣлать того-то. За исполненіе насъ хвалятъ и награждаютъ, за неисполненіе бранятъ и наказываютъ. Такъ образуется самая простая ассоціація приказанія, принужденія съ извѣстными родами дѣйствія. Это чувство принужденія, необходимости дѣйствовать такъ, а не иначе—въ одномъ случаѣ усиливается удовольствіемъ одобренія и награды, въ другомъ—представленіемъ порицанія и наказанія. На помощь этой ассоціаціи приходятъ еще другія сильныя вліянія: мы замѣчаемъ, что не только наши родители, но и всѣ другіе поступаютъ такъ же и т. п. «Ассоціація, такимъ образомъ, говоря словами Милля, становится неразрывною, общою и всеобъемлющею». Къ этой первоначальной основѣ чувства долга присоединяются другія и видоизмѣняютъ у многихъ пріобрѣтенное сознаніе, необходимость и расположеніе дѣлать то, что приказываютъ, за что хвалятъ и награждаютъ и не дѣлать противнаго,—новыми элементами, усиливая его. Это—желаніе

доставить удовольствіе и страхъ опечалить людей, которыхъ мы любимъ и уважаемъ. Еще новый мотивъ является, когда мы начинаемъ понимать разумность и вообще смыслъ требованій и понимать, почему одинъ поступокъ хорошъ, другой дуренъ. Въ большинствѣ случаевъ присоединяется религіозное чувство—боязнь оскорбить Божество. Такимъ образомъ, основою чувства долга служитъ признаніе внѣшняго авторитета въ связи съ стремленіемъ испытывать удовольствіе, проистекающее изъ послушанія и избѣгать неудовольствія, возникающаго изъ неповиновенія. У многихъ людей чувство долга остается на этой ступени. Но у многихъ также получается высшая форма, при чемъ чувство зависимости отъ внѣшняго авторитета исчезаетъ,—является преобладаніе сознанія зависимости отъ себя—самого. Самыя правила, усвоаемыя въ дѣтствѣ и авторитетъ ихъ, подвергаются критикѣ и т. п. Въмѣсто нихъ являются, естественно, другія, болѣе разумныя, а затѣмъ къ этимъ послѣднимъ устанавливается привычное отношеніе, т. е. на нихъ переносится уваженіе, получаемое первоначально изъ внѣшняго авторитета. У многихъ, наконецъ, развивается еще болѣе сложная и высшая форма. Всякое сознаніе внѣшняго принужденія, предписанія исчезаетъ, исчезаетъ сознаніе удовольствія или неудовольствія, связаннаго съ исполненіемъ должнаго, даже сознаніе разумности или неразумности требованія. Остается одна отвлеченная идея долга. Признанное должнымъ исполняется во имя долга и ради его выполненія. Въ этомъ случаѣ первоначальная основа и процессъ всего развитія остаются тѣ же, только всѣ чувства переносятся на отвлеченную идею и съ нею ассоціируются безъ всякаго посредства. Происходитъ здѣсь то же самое, что бываетъ при образованіи любви къ деньгамъ и къ пріобрѣтенію и т. п. Въ концѣ концовъ удовольствіе и неудовольствіе, польза и вредъ, внѣшній авторитетъ, необходимость и привычка повиноваться ему—составляютъ все содержаніе чувства долга.

Такое представленіе сущности и процесса образованія долга открыто для тѣхъ же возраженій, какъ и общая теорія. И здѣсь нравственный законъ, долгъ etc. основываются на ил-

люзіи и, съ устраненіемъ ея, теряютъ смыслъ, лишаясь всякой опоры. Но въ процессѣ образованія нравственнаго закона и долга въ человѣчествѣ и отдѣльномъ человѣкѣ есть еще другая сторона, дающая всегда опору и силу требованіямъ его, независимо отъ внѣшнихъ вліяній.

Веніаминъ Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕЧТЫ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Предъ нами вышедшій на дняхъ русскій переводъ сочиненія извѣстнаго астронома К. Фламмаріона *Uranie*, озаглавленный переводчикомъ: *Въ небесахъ*. По формѣ эта книжка имѣетъ видъ «астрономическаго романа». Но, въ сущности, это вовсе не романъ, а изложеніе цѣлой системы воззрѣній на жизнь и природу, проведенныхъ въ массѣ предшествовавшихъ сочиненій того же автора (*Astronomie populaire, Исторія Неба, Небесныя Свѣтила, Обитаемые міры* и пр.). Такая форма изложенія вопросовъ, по существу отвлеченныхъ, уже неоднократно примѣнялась и ранѣе въ области не только естествознанія, но и соціологіи, когда авторы желали изложить свои мысли не для немногихъ, а для массы публики. Фламмаріонъ дѣлаетъ попытку въ романической формѣ популяризовать цѣлое философское міросозерцаніе, и эта попытка его интересна въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, его астрономическій романъ—популярный, при чемъ надъ читающими будетъ тяготѣть крупное научное имя автора. Съ этимъ нельзя не считаться, такъ какъ совершенно ошибочно мнѣніе, будто значеніе авторитета нынѣ менѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Пожалуй, скорѣе наоборотъ; авторитетовъ нынѣ по числу даже гораздо больше.

Во-вторыхъ, эта попытка составляетъ весьма характерный симптомъ того поворота, который переживаетъ современное естествознаніе.

Еще такъ недавно естественныя науки весьма сильно тяготѣли къ чистому матеріализму. Правда, для крѣпкихъ и раз-

витыхъ умовъ доводы матеріалистовъ не были убѣдительны, а иногда просто наивны. Достаточно прочесть «знаменитое» сочиненіе Бюхнера *Stoff und Kraft* (*Матерія и Сила*), чтобы убѣдиться въ легковѣсности грубаго матеріализма, когда онъ беретъ философовъ. Однако масса полуобразованной интеллигенціи понять этого не могла, такъ какъ и Бюхнеръ былъ возведенъ въ авторитеты, и сколько бѣдъ натворило это непониманіе! Но нѣтъ худа безъ добра, и «приступъ матеріализма» не остался также и безъ полезныхъ послѣдствій.

Съ одной стороны, чистые метафизики все болѣе сознаютъ необходимость болѣе или менѣе основательнаго ознакомленія съ естественными науками. Такъ напр., извѣстно, что высокопреосвященный Никаноръ, покойный архіепископъ Одесскій, основательно зналъ многія отрасли естествознанія.

Съ другой стороны, представители естественныхъ наукъ все болѣе убѣждаются въ необходимости для нихъ ознакомленія съ тою самою «метафизикой», которую еще такъ недавно они же презирали, какъ вымыселъ досужей фантазіи. «Метафизики» и «естественники» теперь собираются подать другъ другу руки и вмѣстѣ идти къ общей цѣли — познанію истины. Этимъ мы вовсе не желаемъ сказать, что умозрительный и опытный пути изслѣдованія природы должны слиться, или сольются въ одно. Мы желаемъ лишь того, чтобы они шли параллельно и близко другъ къ другу, по одному направленію, какъ два рельса желѣзнодорожнаго пути. По этой причинѣ слитіе даже прямо вредно, если не сказать, — невозможно.

Вотъ почему послѣдняя книжка Фламмаріона представляетъ особый интересъ; вотъ почему и мы считаемъ не излишнимъ изложеніе его міровоззрѣнія. Хотя всюду онъ выступаетъ какъ астрономъ, но на самомъ дѣлѣ онъ является представителемъ не астрономовъ, а цѣлаго лагеря «естественниковъ», такъ какъ астрономія въ этой системѣ занимаетъ не болѣе видное мѣсто, чѣмъ и другія естественныя науки. Въ данномъ случаѣ, Фламмаріонъ является выразителемъ воззрѣній, начинающихъ преобладать въ мірѣ естественниковъ. Они отдѣлились отъ «метафизиковъ», работали отдѣльно и, весьма часто, враждебно. Къ чему же они пришли?

Прежде всего нельзя скрыть, что многие изъ тѣхъ «фило-софскихъ» выводовъ, до коихъ естествознаніе «собственнымъ умомъ дошло», не новы и даже наивны въ глазахъ опытныхъ «метафизиковъ».

— Что такое видимый міръ?

— Комплексъ находящихся въ непрерывномъ движеніи, невидимыхъ и неосязаемыхъ атомовъ, которые сами по себѣ инертны, — отвѣчаетъ Фламмаріонъ.

Является вопросъ: что-же такое эти атомы и въ чемъ причина ихъ непрерывнаго движенія?

Фламмаріонъ отвѣчаетъ:

Чтобы изъ этихъ атомовъ могли образоваться тѣла и организованныя существа, необходимо присутствіе управляющихъ ими силъ, представляющихъ собою нѣкоторую не матеріальную сущность.

«То, что мы называемъ матеріей, есть дѣйствіе, производимое на наши чувства движеніемъ атомовъ, иначе сказать, — это непрерывная возможность ощущеній. Отсюда слѣдуетъ, что матерія, какъ проявленіе энергіи, есть ничто иное, какъ извѣстный родъ движенія. Если-бы это движеніе прекратилось, если-бы сила могла уничтожиться, то и матерія перестала бы существовать. Видимая вселенная составлена изъ невидимыхъ тѣлъ. Все, что мы видимъ, составлено изъ того, что невидимо. Опора всей вселенной — въ силѣ, въ «нѣкоторомъ динамическомъ элементѣ».

Здѣсь нельзя не замѣтить, во-первыхъ, сходства съ Аристотелемъ. Во-вторыхъ, не трудно усмотрѣть, что все это составляетъ повтореніе извѣстнаго метафизическаго опредѣленія сущности бытія: *existentia est operatio virium, manifestatio existentiae* (бытіе есть дѣйствованіе силъ, проявленіе сущности).

Въ другомъ мѣстѣ Фламмаріонъ рѣшительно заявляетъ: «было бы менѣе смѣлымъ думать, что матеріи *вообще нѣтъ*, что все и всюду одинъ динамизмъ, чѣмъ утверждать, что во вселенной нѣтъ ничего, кромѣ матеріи».

И опять это является повтореніемъ стараго ученія, по которому все въ мірѣ или только *явленія* (*phoenomena*), или сокровенныя *силы* (*substantiae, οὐδὲ μὲν* — не въ строго спеці-

альномъ смыслѣ какой-либо философской системы, напр., Платона). Становясь на эту точку зрѣнія, Фламмаріонъ, очевидно, противорѣчитъ самъ себѣ, утверждая, что атомы, т. е. матерія, существуютъ отъ *вѣчности* и *неуничтожаемы*, такъ какъ, если матерія составляетъ только проявленія, феноменъ силы, то сама по себѣ ни вѣчною, ни неуничтожаемою она быть не можетъ.

Для уясненія понятія о безконечномъ и вѣчномъ, положенная въ основу астрономія, точно также недостаточна. Такъ, напр., Фламмаріонъ объясняетъ прошедшее, настоящее и будущее астральною теоріей. Свѣтовые лучи посылаютъ въ небо со всякой точки пространства фотографію всего, что тамъ дѣлается; но такъ какъ міръ безконеченъ, то всегда въ немъ есть пунктъ, гдѣ безконечно прошлое является настоящимъ. При томъ, такъ какъ міръ представляетъ собою одно цѣлое, то Фламмаріонъ заявляетъ:

«Исторія всѣхъ міровъ и теперь еще носится въ пространствѣ и будетъ жить въ немъ всегда: прошедшее вѣчно остается настоящимъ». Но очевидно, что фотографіи *будущаго* и въ небѣ быть не можетъ, а потому увѣреніе, будто между настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ нѣтъ никакой разницы предъ вѣчностью,—съ этой точки зрѣнія не достаточно обосновано, по крайней мѣрѣ, не вполне ясно.

Вообще, сужденія Фламмаріона о вселенной, какъ единомъ цѣломъ, не выдерживаютъ строгой критики; но они уже близки къ выводамъ, сдѣланнымъ чисто метафизическимъ путемъ. Какъ представитель, и весьма талантливый, лагеря «естественниковъ», Фламмаріонъ отправлялся изъ другой исходной точки, и для насъ важно то, что даже при этомъ условіи получились сходные выводы. Это хорошій признакъ, обѣщающій многое, если и философы, и естествоиспытатели, переставъ враждовать, будутъ работать дружно.

Теперь перейдемъ, такъ-сказать, къ *анекдотической* части міросозерцанія, проповѣдуемаго Фламмаріономъ. Эта часть касается значенія человѣка въ природѣ. Прежде всего Фламмаріонъ рѣшительно признаетъ *индивидуальность* и *неуничтожаемость* человѣческой души, т. е. подтверждаетъ то, что гово-

рится и во всякой религіи, и въ философскихъ ученіяхъ. Затѣмъ онъ разсуждаетъ такъ: если душа не уничтожается, то что же дѣлается съ нею послѣ смерти тѣла? гдѣ и какъ она живетъ? Здѣсь Фламмаріонъ вооружается всѣмъ арсеналомъ современной науки и—еще въ большей степени—собственною фантазіей, и даетъ цѣлую картину, цѣлую систему. Тутъ есть и спиритизмъ, и буддизмъ—браманизмъ съ его поглощеніемъ личности нирваной (иногда-же и съ метемпсихозомъ), и старая болѣе грубая теорія метемпсихоза, переселенія душъ, основанная, въ сущности, на буддизмѣ-же. Мы не будемъ вдаваться въ критику того, что говоритъ Фламмаріонъ,—это было бы и слишкомъ длинно, и пожалуй, даже бесполезно, такъ какъ читателямъ и безъ того ясно, что чуть ли не главную роль тутъ играетъ фантазія. Тѣмъ не менѣе, и эта теорія не лишена интереса, такъ какъ вся эта фантазія пущена въ ходъ лишь потому, что нѣтъ положительныхъ данныхъ, добытыхъ опытнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не безынтересно знать, какой отвѣтъ естественныя науки, безъ помощи Откровенія и философіи, даютъ на вопросы:

Въ чемъ состоитъ существо человѣка?

Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,

Что тамъ вверху, надъ звѣздами, живетъ?

Вотъ разсказъ Сперо, духъ коего явился автору съ планеты Марсъ. Необходимо прежде добавить, что Сперо былъ ближайшимъ другомъ автора и погибъ при воздушномъ путешествіи на аэростатѣ, для наблюденія надъ сѣверными сіяніями.

Черезъ нѣсколько времени послѣ несчастнаго происшествія на Тирефіордскомъ озерѣ (гдѣ погибъ Сперо), онъ почувствовалъ, будто пробуждается послѣ долгаго и тяжелаго сна. Онъ былъ совершенно одинъ среди ночной темноты на берегу озера и чувствовалъ, что онъ живъ, но не могъ ни видѣть, ни оцупать себя. Воздуха онъ не ощущалъ и не имѣлъ ни малѣйшаго вѣса. Что оставалось въ немъ отъ прежняго,—одна способность мыслить.

Когда онъ припомнилъ все случившееся, то первая его мысль была та, что онъ проснулся теперь послѣ паденія на берегу Норвежскаго озера. Но когда наступилъ день, онъ замѣтилъ,

что находится въ совершенно другомъ мірѣ. Быстро двигавшіяся по небу, въ противоположномъ другъ другу направленіи, двѣ луны привели его къ мысли, что онъ находится на сосѣдней съ нами планетѣ Марсѣ.

Нѣкоторое время онъ жилъ здѣсь въ видѣ духа и узналъ, что на этой планетѣ обитаютъ весьма изящныя человѣкоподобныя существа, причемъ первенствующее значеніе принадлежитъ женщинамъ. Организмы этихъ существъ чрезвычайно легки и нѣжны; плотность ихъ чрезвычайно мала, а вѣсъ и того меньше. Въ этомъ мірѣ первенствующее значеніе имѣеть «тонкость ощущеній», а мускульная сила стоитъ на второмъ планѣ.

«Сильное желаніе узнать эту новую жизнь» побудило Сперо возродиться въ человѣкообразномъ видѣ, и именно въ видѣ женщины. Между душами земножителей, носившимися въ атмосферѣ Марса, онъ вскорѣ встрѣтилъ и душу Иклеи (его любимой жены, погибшей вмѣстѣ съ нимъ), слѣдовавшую за нимъ какъ-бы въ силу какого-то притяженія. Она, въ свою очередь, чувствовала склонность къ воплощенію въ образѣ мужчины, такъ какъ душа не имѣеть пола.

Такимъ образомъ, оба они оказались «сосѣдними» жителями, имъ суждено было снова встрѣтиться въ жизни, раздѣлить одни и тѣ же чувства, мысли, занятія.

Вообще, Фламмаріонъ проповѣдуетъ, что душа безконечное число разъ послѣ смерти тѣла, въ коемъ она воплотилась, перевоплощается все въ новыя тѣла, и при томъ на разныхъ планетахъ и въ разныхъ мірахъ, смотря по тому, какой степени совершенства она достигла. Далѣе этого вопроса мы еще коснемся, а пока разъясимъ, какъ онъ понимаетъ и представляетъ новыя тѣлесныя образы въ иныхъ мірахъ.

Богиня астрономіи, Уранія, несетъ автора по міровому пространству. Вотъ они пролетаютъ чрезъ «солнечный міръ Гаммы въ созвѣздіи Андромеды».

«По мѣрѣ того, какъ мы проникали въ атмосферу этого міра, я почувствовалъ, что его воздухъ былъ наполненъ чудными звуками восхитительной музыки, носившейся въ немъ, подобно благоуханію цвѣтовъ, подобно лучезарнымъ мечтамъ на-

шихъ сновидѣній... Это было какое-то ангельски мелодическое пѣніе, очаровывавшее съ перваго же мгновенія, само собою наполнявшее душу восторженно-страстнымъ чувствомъ... Уранія протянула руку по направленію къ озеру и указала мнѣ пальцемъ на группу крылатыхъ существъ, которыя цѣлымъ роемъ вились надъ голубою водою. Они не имѣли земного человѣческаго образа, такъ какъ ихъ организація была, очевидно, приспособлена къ жизни въ воздухѣ. Казалось, они были сотканы изъ одного только свѣта. Издали я принялъ ихъ сначала за *стрекозъ* (!!), потому что имѣли видъ именно этихъ изящныхъ и легкихъ насекомыхъ; они обладали широкими крыльями и напоминали ихъ своею живостью и подвижностью. Всмотриваясь въ нихъ внимательнѣе, я замѣтилъ, что ихъ ростъ былъ не менѣе нашего; по выраженію же ихъ глазъ я заключилъ, что это вовсе не животныя. Ихъ головы также походили на головы стрекозъ и, какъ у этихъ воздушныхъ существъ, у нихъ также не было ногъ. Восхитительная музыка, наполнявшая воздухъ, была ни что иное, какъ шумъ отъ ихъ полета».

Дальнѣйшія подробности относительно жизни этихъ существъ, Уранія излагаетъ такъ:

«Ихъ глаза совершеннѣе лучшихъ вашихъ телескоповъ; ихъ нервная система приходитъ въ колебательное движеніе, напр., при прохожденіи чрезъ ихъ міръ кометы и, электрическимъ путемъ, знакомитъ ихъ съ такими явленіями, которыхъ вы, земножители, никогда не узнаете. Особые органы, которые ты видишь подъ ихъ крыльями, служатъ имъ руками, гораздо болѣе искусными, чѣмъ ваши. вмѣсто книгопечатанія, они пользуются непосредственнымъ фотографированіемъ событій и фонетическимъ воспроизведеніемъ подлинныхъ словъ и рѣчей. Ихъ занятія состоятъ по преимуществу въ научныхъ изслѣдованіяхъ, т. е. въ изученіи природы. Три страсти, поглощающія наибольшую часть человѣческой жизни--жажда обогащенія, политическое честолюбіе и любовь ¹⁾ --имъ совершенно

¹⁾ Хотя Фламарионъ и не дѣлаетъ оговорки, но ясно, что онъ имѣетъ въ виду лишь грубую плотскую страсть, а не любовь въ смыслѣ Іоанна Богослова («Богъ есть любовь»).

неизвѣстны. Это потому, что они не нуждаются въ средствахъ для жизни, потому, что здѣсь нѣтъ правительства, кромѣ *распорядительнаго совѣта* (!?); наконецъ, потому, что эти существа андрогинны (мужежены).

Въ другихъ мѣстахъ книги, Фламмаріонъ излагаетъ свои фантазіи объ обитателяхъ другихъ міровъ, внѣ солнечной системы. Уранія несетъ его по міровому пространству, гдѣ онъ видитъ множество обитаемыхъ міровъ. Вотъ какъ описываются обитатели одного изъ нихъ.

«Человѣческія существа этого міра одарены способностью ощущать физико-химическія явленія, происходящія внутри тѣла. Наша земная организація такова, что мы не чувствуемъ, не сознаемъ, какъ, напр., усвояются принятыя нами внутрь вещества. какимъ образомъ возобновляется наша кровь, какъ совершается питаніе тѣла, или костей. Всѣ эти отправленія не зависятъ отъ нашей воли и совершаются инстинктивно, причемъ наше сознаніе объ этомъ не знаетъ ничего. Такимъ образомъ мы подвергаемся множеству болѣзней, возникновеніе коихъ намъ совершенно неизвѣстно, и мы часто никакъ не можемъ отыскать ихъ причину. Напротивъ, здѣсь разумныя существа чувствуютъ всѣ явленія, происходящія въ ихъ организмѣ, подобно тому, какъ мы чувствуемъ удовольствіе или боль. У нихъ отъ каждой частички тѣла идетъ, такъ сказать, особый нервъ, передающій мозгу всѣ тѣ ощущенія, какія онъ получаетъ».

«На другой планетѣ этого міра, возлѣ которой мы пролетали, жили разумныя существа, обладавшія самосвѣтящимися глазами; изъ ихъ глазъ, какъ изъ какихъ-то фокусовъ, лился фосфорическій свѣтъ, освѣщавшій пространство вокругъ нихъ. Среди ночной темноты, многочисленныя собранія этихъ чудныхъ существъ представляли по-истинѣ фантастическое зрѣлище, особенно потому, что цвѣтъ и блескъ ихъ глазъ измѣнялся въ соотвѣтствіи съ чувствами и страстями, подъ вліяніемъ которыхъ они находились. Сила взгляда этихъ существъ такова, что вызываетъ электрическія, или магнитныя явленія, различныя по своему напряженію, а въ извѣстныхъ случаяхъ эти глаза могутъ метать молніи, мгновенно убивая того, на комъ сосредоточена вся сила воли раздраженнаго существа».

Въ третьемъ мірѣ души обладаютъ способностью переходить изъ одного тѣла въ другое, не нуждаясь для этого въ посредствѣ смерти. «Здѣсь ученый, посвятившій всю жизнь на благо человѣчества, замѣчая, что его дни приближаются къ концу, можетъ помѣняться тѣломъ съ какимъ-нибудь юношей и такимъ образомъ начать новую жизнь, еще болѣе полезную, чѣмъ первая. Для этого нужно только согласіе молодого человѣка и нѣкоторая магнетическая операція знающаго свое дѣло медика». Нерѣдки случаи, что мужъ и жена, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, мѣняются другъ съ другомъ тѣлами. Наконецъ, иные живутъ втрое болѣе нормальной жизни, «погружаясь въ своего рода искусственную спячку».

Въ слѣдующей системѣ жители обладаютъ *шестымъ* чувствомъ — «автографическимъ», такъ что двое переговаривающихся не нуждаются въ языкѣ, а прямо читаютъ мысли собесѣдника «на особомъ органѣ, занимающемъ, приблизительно, мѣсто нашего лба».

Допустивъ одно лишнее чувство, въ другомъ мѣстѣ Фламмаріонъ говоритъ уже о существахъ съ двѣнадцатью чувствами, хотя, съ этой точки зрѣнія, мы не видимъ, почему бы не увеличить ихъ числа до 60, до 100 и т. д.

А вотъ міръ «фосфора», гдѣ всѣ пылаютъ не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. «Представители грубаго пола горятъ краснымъ, болѣе или менѣе яркимъ, пламенемъ, между тѣмъ какъ лица прекраснаго пола сіяютъ свѣтло-голубымъ, блѣднымъ, вообще слабымъ и нѣжнымъ свѣтомъ».

Наконецъ Фламмаріонъ описываетъ міръ, гдѣ человѣческія существа обладаютъ способностью насекомыхъ, т. е. имѣютъ три фазиса жизни. Стоящіе на низшей ступени «ничего такъ не желаютъ, какъ смерти, чтобы воскреснуть потомъ чудесно преображенными». «Каждый годъ въ этомъ мірѣ составляетъ почти двѣсти земныхъ лѣтъ. Двѣ трети этого года существа проводятъ въ низшемъ состояніи своей организаціи, а одну треть, зимнюю, — въ состояніи какъ бы куколки, подобно безжизненнымъ трупамъ, вися на деревьяхъ; на слѣдующую же весну эти висящіе полутрупы мало-по-малу начинаютъ чувствовать возвращеніе жизни въ ихъ преображенное тѣло; они

начинають шевелиться, пробуждаются, покидаютъ свои брѣнные оболочки на деревѣхъ и, въ видѣ чудесныхъ крылатыхъ существъ, улетаютъ въ воздушное пространство, посреди котораго живутъ еще одинъ вѣкъ феникса, т. е. двѣсти нашихъ быстротечныхъ годовъ».

Конечно, все это,—какъ ясно для всякаго,—есть не болѣе, какъ плоды фантазіи, такъ-сказать *иллюстрація* чисто теоретическихъ выводовъ, и мы понимаемъ эти картины именно въ смыслѣ иллюстраціи общей мысли, которую самъ же Фламмаріонъ въ концѣ книги резюмируетъ въ такихъ положеніяхъ:

«Человѣческое существо имѣетъ основнымъ своимъ началомъ душу. Тѣло представляетъ лишь переходящую, измѣнчивую видимость. Душа человѣческая неуничтожаема и индивидуальна. Земля лишь одна изъ областей нашего вѣчнаго отечества — неба».

Само собою разумѣется, что если душа бессмертна и индивидуальна, то и послѣ смерти тѣла она должна какъ-нибудь существовать. Это неоспоримо: но въ дальнѣйшемъ доводы Фламмаріона не совсѣмъ убѣдительны. Мы просто говоримъ, что *не знаемъ* того, что будетъ съ нами послѣ смерти. Фламмаріонъ строитъ теорію и увѣряетъ, что она *вѣроятна*. Мы уже видѣли, что онъ считаетъ возможнымъ переселеніе душъ въ другіе міры, а равно и перевоплощеніе ихъ въ одномъ и томъ же мірѣ. Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Прежде всего Фламмаріонъ различаетъ души, сознающія свою индивидуальность и еще не сознающія. «По самой своей природѣ и тѣ и другія находятся внѣ условій пространства и времени и не занимаютъ никакого мѣста». «Лишь однѣ освободившіяся отъ узъ матеріи души могутъ сознавать свое внѣ-тѣлесное существованіе и бессмертіе». «Назначеніе души состоитъ во все большемъ и большемъ освобожденіи себя отъ узъ матеріальнаго міра, съ цѣлью постепенно возвыситься до высшей *уранической жизни*; тогда духъ начинаетъ торжествовать надъ матеріей и перестаетъ уже страдать. Конечное назначеніе существъ есть непрерывное приближеніе къ абсолютному совершенству и божественному счастью». Затѣмъ, сущность теоріи сводится, вкратцѣ, къ слѣдующему:

Тѣлесная жизнь есть, такъ-сказать, экзаменъ для духа; въ теченіе этого періода каждый индивидуальный духъ можетъ или падать, или совершенствоваться. Въ случаѣ паденія затѣмъ онъ перевоплощается уже въ существа низшаго разряда; въ случаѣ совершенствованія,—въ существа все болѣе высшаго порядка. Такъ какъ на землѣ нашей таковыхъ не имѣется, то усовершенствованныя души переселяются въ иные міры, разбросанные по вселенной. Въ конечной же стадіи духъ получаетъ возможность совершенно освободиться отъ матеріи и начать жизнь *ураническую* ¹⁾.

При этомъ Фламмаріонъ добавляетъ, что сознательная психическая сила начала проявляться въ высшихъ представителяхъ земного человѣческа «только тридцать, или сорокъ вѣковъ тому назадъ».

На послѣднюю дату можно бы было возразить, указавъ на примѣръ Индіи или Китая, но это не важно. Вопросъ въ томъ: какимъ образомъ могли совершенствоваться души *безсознательныя*? При отсутствіи сознанія, очевидно, не могло быть и свободы воли, а безъ послѣдней не могло быть и совершенствованія, за которое такія безсознательныя души могли бы быть повышены въ чинъ сознательныхъ. Допустимъ совершенствованіе для единицъ сознательныхъ, свободныхъ и, слѣдовательно, отвѣтственныхъ; но сознательное никогда не можетъ развиться изъ чисто безсознательнаго, ибо послѣднее не въ силахъ производить, или совершенствовать то, чего въ немъ нѣтъ, а потому само по себѣ сознанія и свободы получить не можетъ. Для этого, очевидно, необходима причина *внѣшняя, разумная*. Какая же? Фламмаріонъ всюду тщательно избѣгаетъ слова Богъ, хотя изрѣдка и употребляетъ эпитетъ «божественный». Но, въ сущности, это почти одно и то же. Допустивъ, что все вѣчно совершенствуется, или падаетъ ниже, Фламмаріонъ уже допускаетъ возможность, что и нынѣ есть существа, живущія *ураническою* жизнью. Но, вѣдь, и они совершен-

¹⁾ Здѣсь нельзя не замѣтить сходства съ католическимъ ученіемъ о *чистилицѣ* (purgatorium). Приведенная теорія, въ самомъ дѣлѣ, является какъ-бы «иллюстраціей» этого ученія.

ствуются, а такъ какъ міръ, по его же теоріи, вѣченъ, то очевидно, что, уже въ силу неизбежныхъ причинъ, необходимо допустить бытіе живущаго «уранической», т. е. чисто духовною, жизнью существа, которое совершенствовалось *вѣчно*, безконечное время, т. е. существа безконечно совершеннаго и, какъ ясно видно, разумнаго, свободнаго, индивидуальнаго, духовнаго. Отъ христіанскаго понятія о Богѣ приведенное отличается лишь *генетически*; но даже допустивъ, что это существо образовалось путемъ совершенствованія, нельзя отрицать его бытія, какъ факта. Почему же избѣгать его названія? Почему же не предположить, что души бессознательныя получили сознание именно отъ этого существа и благодаря Ему, если иначе ни коимъ образомъ это невозможно?

Не трудно видѣть, что эти выводы хотя и не высказываются прямо, но собственно говоря, составляютъ неизбежный итогъ всей теоріи, отъ котораго нельзя уклониться, не впадая въ логическія противорѣчія. Тотъ же логическій путь неизбежно приведетъ и къ другимъ выводамъ, необходимо вытекающимъ изъ теоріи Фламмаріона, хотя, быть можетъ, и могущимъ оказаться неожиданными для самого автора.

Первый выводъ уже сдѣланъ: переходъ изъ бытія бессознательнаго въ сознательное и свободное могъ совершиться только благодаря внѣшней причинѣ, безконечно совершенной, разумной, свободной и индивидуальной.

Попробуемъ, не пригодится ли та же теорія и для другихъ, болѣе частныхъ, выводовъ, отъ которыхъ нынѣ многіе изъ сторонниковъ же Фламмаріона сторонятся.

Цѣлая глава посвящена вопросу о *телепатіи* (отъ греческихъ словъ *τῆλε* — далеко, *πάθος* — чувствованіе, ощущеніе), т. е. возможности сносятся на всякихъ разстояніяхъ. Сущность этого способа сообщенія легко понять изъ слѣдующаго сравненія. Если туго натянуть проволоку между двумя пунктами, удаленными, напр., на версту, и дернуть за одинъ конецъ, то другой придетъ въ движеніе *миновенно* при допущеніи, что такая проволока абсолютно *нерастяжима*, т. е. *неупруга*. Такая передача силы будетъ быстрѣе и свѣта, и электрическаго тока, ибо она будетъ мгновенною на всякія раз-

стоянія. Такою мысленною проволокой, связующею весь міръ въ одно цѣлое, служить всемірное тяготѣніе, конечно, лишь въ смыслѣ *примѣра* возможности столь быстрого общенія.

«Пространство, пишетъ Фламмаріонъ, не только не представляетъ собою бездны пустоты между мірами, но скорѣе является связью, связующимъ звеномъ между ними. Если сила тяготѣнія устанавливаетъ дѣйствительное, постоянное, не подлежащее никакому сомнѣнію, доказываемое всею точностью астрономическихъ наблюдений,—общеніе земли съ другими родственными ей тѣлами въ пространствѣ, то мы вовсе не видимъ, по какому праву можно утверждать, что невозможно никакое сообщеніе между двумя болѣе или менѣе удаленными другъ отъ друга существами -- на землѣ ли, или на двухъ различныхъ мірахъ. Два мозга, вибрирующіе однообразно, въ одинъ тонъ, развѣ не могутъ и на большемъ разстояніи приводиться въ движеніе одною и тою же психическою силою? Возбужденіе извѣстной части мозга развѣ не можетъ, подобно тяготѣнію, перенестись черезъ эфиръ и передаться другому мозгу, какъ звукъ, извлеченный въ одномъ концѣ комнаты, заставляетъ дрожать струны рояля или скрипки въ другомъ ея концѣ? Да и для чего говорить о мозгѣ? Мысль, воля, вообще психическая сила одного существа, *въ чемъ бы ни состояла ея сущность*, не могутъ развѣ дѣйствовать чрезъ разстоянія на другое существо, связанное съ первымъ симпатически и нерасторжимыми узами интеллектуальнаго родства?»

Все это въ другомъ мѣстѣ Фламмаріонъ иллюстрируетъ бесѣдой своей съ духомъ Сперд, явившимся къ нему на Парижскую обсерваторію съ Марса, причемъ Сперд поясняетъ, что онъ дѣйствуетъ «на то, что въ тебѣ мыслить».

Итакъ, Фламмаріонъ признаетъ возможность существъ болѣе совершенныхъ, т. е., по христіанскому ученію, праведныхъ, а также и существа Всесовершеннаго, а равно и возможность общенія съ ними. Въ такомъ случаѣ, почему же не допустить возможности, что это Всесовершенное Существо могло сообщить намъ что-либо, превосходящее наше разумѣніе, т. е. не допустить возможность *Откровенія*?

Затѣмъ, допуская для всѣхъ перевоплощеніе, почему же не

допустить возможность воплощенія на землѣ и духа совершеннаго?

Допуская возможность совершенствованія до степени духовной, *уранической* жизни, очевидно, что необходимо допустить и противоположное, т. е. существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ и, по предыдущему, возможность ихъ сношеній съ людьми.

Иночество, аскетизмъ, съ этой точки зрѣнія, дѣлаются явленіемъ не только не нелѣпымъ, но вполне разумнымъ и необходимымъ.

Самыя чудеса, по этой же теоріи, являются не только возможными, но и необходимыми, такъ какъ «матерія безпрекословно повинуется силѣ» (стр. 174), а «всѣ міры, какъ и атомы, покоятся на невидимомъ, на невещественной силѣ». Фламмаріонъ заявляетъ даже, будто усиліемъ своей воли «можно отклонить луну съ ея орбиты» (стр. 204), такъ какъ онъ видитъ опору вселенной, сущность всѣхъ формъ въ нѣкоторомъ динамическомъ элементѣ.

Во-первыхъ, сомнительно, чтобы и Фламмаріону лишь усиліемъ его воли удалось исполнить свою угрозу на счетъ луны. Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить въ его словахъ поразительнаго сходства со словами Спасителя: «если имѣете *вѣру*, скажите горѣ сей» и т. д. Кроме того, здѣсь очевидно вліяніе библейскаго разсказа объ остановкѣ солнца и луны подъ Гаваономъ (кн. Ис. Навина, гл. X, ст. 12—14), а также о возвращеніи солнечной тѣни на десять ступеней при Іудейскомъ царѣ Езекии и пророкѣ Исаи (кн. 4 Царствъ, гл. XX, ст. 9—11).

Все дѣло въ томъ, что у нашего автора не говорится о *вѣрѣ*, хотя необходимость ея истекаетъ изъ его теоріи сама собою. Духъ Спердъ заявляетъ ему, что земножителю невозможно понять, какимъ образомъ Спердъ живетъ на Марсѣ, какъ онъ можетъ въ то же время имѣть сношенія съ нимъ. Всему этому, по словамъ Фламмаріона, необходимо *вѣрити*, ибо понять этого мы не можемъ, по условіямъ земнаго существованія.

Такимъ образомъ, въ существенныхъ чертахъ все это лишь

подтверждаетъ то, что намъ извѣстно изъ Откровенія и къ чему приводитъ насъ путь чисто умозрительный.

Повторяемъ, эти выводы важны не сами по себѣ, а потому, что они составляютъ резюме итоговъ, къ какимъ приходитъ современное естествознаніе. Все это добыто на основаніи изученія *опытныхъ* наукъ, особенно же: астрономіи, физики, химіи, физиологіи.

Припомнимъ, что въ числѣ открытыхъ спиритовъ есть извѣстнѣйшіе ученые; кромѣ самого Фламмаріона, очевидно, вполнѣ стоящаго на точкѣ зрѣнія спиритизма, и за-границей, и у насъ въ Россіи на сторонѣ спиритовъ есть и были весьма извѣстныя имена. Изъ русскихъ, какъ извѣстно, покойный А. М. Бутлеровъ былъ рѣшительный спиритъ; точно также къ ихъ числу можетъ быть присоединенъ и проф. Н. П. Вагнеръ, а равно и издатель *Psychische Studien* А. Н. Аксаковъ.

Теперь интересно прослѣдить тотъ путь, коимъ спириты—естествоиспытатели дошли до выше приведенныхъ выводовъ.

Относительно безсмертія и индивидуальности человѣческой души доводы Фламмаріона почти чисто теоретическіе, хотя и основаны на химіи и физикѣ. Человѣкъ умеръ. Составные элементы его тѣла вновь возвращены природѣ.

«Что же? восклицаетъ онъ, — ужели вы думаете, что въ этомъ заключается все, что осталось отъ человѣчества? Ужели вы думаете, что отъ него не осталось ничего болѣе благороднаго, болѣе высокаго, болѣе духовнаго? Ужели каждый изъ насъ, испуская послѣдній вздохъ, возвращаетъ природѣ только эти шестьдесятъ, или восемьдесятъ килограммовъ мяса и костей, которые сейчасъ же разложатся и обратятся въ элементы?»

На эти вопросы отвѣчаетъ самъ же задавшій ихъ такъ: «Безусловно неоспоримъ слѣдующій историческій и *научный* фактъ. Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, подъ самыми разнообразными религіозными формами, непоколебимо оставалась въ глубинѣ сознанія идея о безсмертіи. Воспитаніе дало ей тысячи разнообразныхъ формъ, *но не оно изобрѣло ее* ¹⁾. Эта не-

¹⁾ Другими словами, Фламмаріонъ признаетъ теорію *прирожденности идей*.

искоренимая идея существуетъ сама по себѣ. Всякое чело-вѣческое существо, являясь въ міръ, приноситъ съ собою въ болѣе или менѣе смутной формѣ это внутреннее ощущеніе, это желаніе, эту надежду».

Итакъ человѣкъ, со смертію тѣла, не умираетъ «весь». Есть ли у естествознанія способъ узнать, что дѣлается съ тѣмъ, что остается отъ смерти?

Прямого экспериментальнаго способа нѣтъ, и вотъ почему пришлось прибѣгать къ такъ называемой «экспериментальной психологіи», т. е. къ спиритизму, телепатіи и т. д., другими словами, -- къ *фантази*, коею хотятъ восполнить отсутствіе вѣры, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить ужасную душевную пустоту, которую не могутъ не чувствовать высшіе предста-вители науки, когда эта же наука дѣлается не средствомъ, а цѣлью, когда она становится *идоломъ*, не давъ идеала. да и не будучи въ состояніи дать его.

Впрочемъ, мы опять-таки не знаемъ, на сколько все это достовѣрно. Съ одной стороны, многіе извѣстные авторитеты утверждаютъ, что они видѣли и слышали нѣчто необычайное, что они входили въ общеніе съ міромъ «четвертаго измѣренія». Съ другой стороны, мы, простые смертные, въ общеніи съ этимъ міромъ не находимся, а практика жизни сообщаетъ намъ о многихъ случаяхъ прямого мошенничества на счетъ спиритизма. Въ виду этого, мы вправѣ отнестись просто критически.

Фламмаріонъ прежде всего ссылается на извѣстный раз-сказъ Цицерона о двухъ пріятеляхъ въ Мегарѣ, а затѣмъ на сообщенія *Megazine Pittoresque*, гдѣ приводятся и Жанъ Бестъ, и король Іаковъ, и Катерина Медичи, и Сведенборгъ, и т. д. Фламмаріонъ допускаетъ и души въ одеждѣ изъ воздуха, т. е. по спиритически—въ *периспри*; словомъ, онъ является спи-ритомъ, но онъ же подводитъ и итогъ своимъ спиритическимъ мечтаніямъ.

«Существуетъ очень много такого, пишетъ онъ, — что мы вынуждены допустить, *хотя не видимъ никакой возможности объяснить это*. Отрицать же все то, чего нельзя объяснить, было бы чистѣйшимъ безуміемъ. Развѣ существовало объясне-

ніе системы міра тысячу лѣтъ тому назадъ? Да и въ настоящее время развѣ мы можемъ объяснить сущность тяготѣнія? Развѣ мы уже знаемъ всѣ способности, всѣ дарованія человѣческія?»

Въ томъ то и дѣло, что не знаемъ, и ближайшій примѣръ, приводимый Фламмаріономъ, вполне удаченъ: это сила электричества, менѣе ста лѣтъ назадъ бывшая намъ совершенно неизвѣстною.

Итакъ, къ чему же мы пришли? Къ тому, что въ мірѣ, изучаемомъ даже только опытнымъ путемъ, есть вѣчто такое, чего мы не только не понимаемъ, но и не можемъ понять. На основаніи химіи, физики, астрономіи и т. д. мы убѣдились, что мы существа болѣе, чѣмъ конечныя.

Отъ нѣсколькихъ лицъ намъ пришлось слышать сожалѣніе,—какъ это такъ у насъ возможно бываетъ печатаніе сочиненій, въ родѣ фламмаріоновскихъ, или явно спиритическихъ. Это опасно-де, подрываетъ-де религіозныя основы.

Мы держимся иного мнѣнія. Нѣтъ! Именно такія-то сочиненія менѣе всего *опасны*. Это знаменіе времени, знаменіе того, что матеріализмъ *опытнымъ* путемъ дошелъ до необходимости склонить голову предъ спиритуализмомъ. Это не опасно. Дастъ Богъ, онъ съ послѣднимъ и помирится.

Др. М. Глубоковскій.

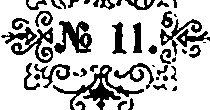
№ 11

1891 г.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Юня № 11. 1891 года

Содержаніе. ВЪСОЧАЙШІЯ награды.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЪСОЧАЙШІЯ награды по Харьковской епархіи.

Государь Императоръ, согласно удостоенію кавалерской думы, въ 3 день февраля 1891 г., Высочайше соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи орденомъ *свѣтлыя Анны 3 степеня*, по статуту сего ордена:

— За двѣнадцати-лѣтнее сряду прохожденіе должностей членовъ консисторій, правленій, семинарій и духовныхъ училищъ, епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія и благотворительныхъ: Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Бѣловодска, протоіерея Григорія *Максимова*; гор. Харькова, Всѣхсвятской церкви, священника Николая *Гутникова*.

— За труды по народному образованію: Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Черниговки, протоіерея Николая *Матюшова*; Зміевскаго уѣзда, церкви села Береки, протоіерея, Василія *Гарановскаго*; Волчанскаго уѣзда, церкви слободы Олховатки, священника Іоанна *Склябинскаго*; того же уѣзда, церкви слободы Волчанскихъ Хуторовъ, священника Игнатія *Феденкова*; Сумскаго уѣзда, церкви села Вирей, священника Александра *Сергиевскаго*.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Съ 25-го мая по 10-е іюня 1891 года въ Правленіе Семинаріи поступили слѣдующія пожертвованія на устройство зданія для общежитія при Семинаріи: 1) доставленныя благочиннымъ 2-го Изюмскаго округа протоіереемъ Θεодоромъ Любарскимъ: отъ прот. Троицкой церкви г. Славянска Θεодора Любарскаго 10 руб., отъ свящ. той же церкви Іоанна Дмитріева 10 руб., свящ. с. Маякъ, Покровской церкви, Александра Рубинскаго 3 руб., свящ. с. Студенка, Введенской церкви, Іоанна Бѣлоусова 3 р., свящ. с. Рѣдкодубы, Покровской церкви, Θεодора Оружинскаго 2 р., отъ причта и церковнаго старосты с. Шендрыголовой 5 р., свящ. с. Новоселовки, Григорьевской церкви, Бориса Дикарева 2 р., отъ причта и церковнаго старосты с. Дробышей, Николаевской церкви 10 р., свящ. с. Щуровой Рождество-Богородицкой церкви, Іоанна Твердохлѣбова 1 р., свящ. с. Лимана, Петро-Павловской церкви, Θεодора Бородаева 1 р., свящ. той же церкви, Алексѣя Доброславскаго 1 р., отъ причта и церковн. старосты с. Поповки, Георгіевской церкви 4 р., отъ причта с. Ямполя, Николаевской церкви 4 р. 40 коп., отъ причта с. Кривой Луки, Троицкой церкви 3 р. 50 коп., отъ причта и церковн. старосты с. Селимовки, Покровской церкви 5 р., отъ причта и церковнаго старосты, с. Нибифоровки, Вознесенской церкви 1 р. 20 к., свящ. с. Рай-Александровки, Александро-Невской церкви, Александра Дикарева 1 р., отъ причта и церковн. старосты с. Николаевки, Николаевской ц. 1 р. 50 к., отъ свящ. г. Славянска, Воскресенской церкви, Николая Доброславскаго 2 руб., г. Славянска, Всѣхсвятской церкви, свящ. Павла Полтавцева 1 р., свящ. с. Бѣлинькой, Покровской церкви, Севастіана Рудинскаго 2 р., свящ. сл. Райгородка, Архангело-Михайловской церкви, Василя Спѣсивцева 1 р. Итого 74 р. 60 коп.

2) Доставленныя благочиннымъ 3-го Изюмскаго округа протоіереемъ Александромъ Литвиновымъ: отъ прот. Александра Литвинова 3 р., отъ Александро-Невской церкви 5 руб., свящ. Іоанна Базилевича 1 р., Архангело-Гавриловской церкви, с. Гавриловки, 1 р., свящ. Николая Кремповскаго 1 р., Митрофаніевской церкви, с. Даниловки 1 р., свящ. Іоанна Смирнскаго 2 р., Александромученической церкви, с. Ново-Александровки 3 р., свящ. Іакова Лукашева 1 р., Рождество-Богородицкой церкви, с. Княгинина Лимана 1 р., свящ. Сергѣя Перцева 1 р., Іосифо-Обручицкой цер-

ьви, сл. Мечебиловой 1 р., свящ. Григорія Понировскаго 1 р., Покровской церкви, с. Дмитровки 2 р., діакона Парамона Чернявскаго 50 к., псаломщ. Василя Сулимы 25 коп., свящ. Гаврііла Якубовича 1 р., псаломщ. А. Лазаревскаго 50 к., Митрофаніевской церкви, с. Валвенкина 1 р., свящ. Петра Щербини 1 р., псаломщ. Феофилакта Павловскаго 50 к., отъ Екатерининской церкви, сл. Протопоповки 2 р., отъ причта и церковнаго старосты сл. Веревиной 1 р., Преображенской церкви, сл. Петровской 3 р., Рождество-Богородицкой церкви и причта сл. Петровокой 3 р., Іоанно-Богословской церкви, сл. Великой Комышевахи 3 р., Георгіевской церкви, сл. Варвенковой и причта 10 р., свящ. Александра Церковницкаго 3 р., Успенской церкви сл. Барвенковой 5 руб., Воскресенской церкви и причта сл. Надеждовки 2 р., Царице-Александровской церкви сл. Богодаровой и причта 2 р., Николаевской церкви, сл. Грушевахи и причта 4 р. Итого 66 р. 75 к.

3) Отъ Крестовоздвиженской церкви с. Новаго и отъ причта сей церкви 20 р.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

Отъ Харьковскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества.

Въ Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества въ теченіе мая мѣсяца поступило: отъ игуменіи Старобѣльскаго монастыря сбора въ недѣлю православія—10 р. 32 к.; того же сбора отъ благочинныхъ: 1-го Богодуховскаго окр. 53 р. 48 к.; 3-го Харьковскаго окр. 26 р. 75 к.; 2-го Зміевскаго окр. 48 р.; 4-го Харьковскаго окр. 40 р. 60 к.; 2-го Валковскаго окр. 38 р. 80 коп.; 2-го Изюмскаго окр. 36 руб. 10 к.; 4-го Зміевскаго окр. 70 р. 98 к.; 1-го Купянскаго окр. 31 р.; 1-го Ахтырскаго окр. за 1890 г. 63 р.; 2-го Старобѣльскаго окр. за 1890 г. 38 р. 22 к.; 2-го Волчанскаго окр. 45 р. 50 коп.; сбора въ нед. православія отъ благочинныхъ 2-го Сумскаго окр. 82 р.; 2-го Ахтырскаго окр. 35 р. 20 к.; 3-го Ахтырскаго окр. 28 р. 91 к.; 3-го Старобѣльскаго окр. 41 р. 83 к.; настоятелемъ Ряснянскаго монастыря представлено того же сбора 4 руб.; отъ крестьянина Никѳора Бѣлухи 1 р.; отъ прихожанъ Троицкой цер., села Алексѣевки, Зміевскаго уѣзда 45 к. Итого 696 р. 9 к.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Архангело-Михаиловской церкви слоб. Козинки, Волчанскаго уѣзда, Павелъ *Булгаковъ*, и священникъ Николаевской цер. слоб. Николаевки 1-й, того же уѣзда, Ѳеодоръ *Платоновъ*, допущены къ исправленію должностей: Булгаковъ — благочиннаго въ 3 округѣ Волчанскаго уѣзда, а Платоновъ — помощника благочиннаго въ томъ же округѣ.

— Діаконъ Николай *Стеллеужій*, состоящій на псаломщицкой вакансіи при Варваровской церкви села Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда, согласно его прошенію, уволенъ отъ псаломщицкой должности.

— Сынъ діакона Тихонъ *Калишниковъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Варваровской церкви села Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Іосифъ *Ѳеодоровскій* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Архангело-Михаиловской церкви с. Козинки, Волчанскаго уѣзда.

— Утвержденъ въ должности церков. старосты церкви сл. Ново-Александровки, того же уѣзда, крестьянинъ Димитрій *Мостовой*.

— Уволенъ отъ должности церковнаго старосты Архангело-Гавриіловской церкви сл. Гавриловки, того же уѣзда, статскій совѣтникъ Сергій *Равскій*, согласно его прошенію.

Вакантныя мѣста:

— Священническія: Христорождественской ц. сл. Гавриловки, Харьковск. уѣзда; Покровской ц. сл. Глазуновки, Зміевского уѣзда; Покровской цер. сл. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда.

— Діаконскія: Троицкой ц. г. Лебедина; Покровской ц. г. Богодухова; Успенской церкви зашт. г. Краснокутска.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Международный научный конгрессъ католиковъ.—Католическая пропаганда на востокъ и новыя ея планы.—Обращеніе несторіанъ въ католичество.—Налаженіе на христіанъ въ Китаѣ.—Результаты запрещенія въ Далмаціи совершенія литургіи на славянскомъ языкѣ.—Мусульманская община, образовавшаяся изъ англичанъ.—О современномъ экономическомъ, политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Запада и Россіи, о пробужденіи самосознанія среди славянъ и о славянофильскихъ идеалахъ.—Новое подтвержденіе достовѣрности библейскихъ событій.—Три чуда въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ.—Высвобожденіе православной святыни изъ лютеранскихъ рукъ.—Работы по сооруженію храма въ Спасовомъ скитѣ.—Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.—Новый скитъ въ Орловской губерніи.—Всероссійское миссіонерское братство.—Присоединеніе 300 раскольниковъ къ православію.—Замѣчательный случай обращенія мусульманина.—«Средники».—Открытіе народныхъ читаленъ.—Отношеніе народа къ печатному слову.—Церковно-приходская и другіе виды благотворительности.—Пожертвованіе въ ознаменованіе событія 29 апрѣля 1891 г.—Страхованіе движимости въ Харьковскомъ земствѣ.—Проектъ учрежденія института повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ.—Мѣры къ уменьшенію смертности между дѣтьми.—Некрологъ.

Въ Парижѣ состоялся (2—6 апрѣля н. ст.) «второй международный научный конгрессъ католиковъ» (первый былъ въ 1883 году). Предсѣдателемъ конгресса былъ извѣстный анжерскій епископъ Фрепнель, который сказалъ блистательную рѣчь «о правахъ и обязанностяхъ науки». Въ ней онъ старался показать, что римская церковь нисколько не боится науки, а, напротивъ, всячески содѣйствуетъ ей, что и доказывалъ цѣлымъ рядомъ указаній на папъ—меценатовъ науки. Если исключить изъ этой рѣчи нѣкоторыя ультрамонтанскія передержки, то рѣчь эта можетъ служить добрымъ показателемъ теперешнихъ воззрѣній въ римскомъ католицизмѣ на отношенія между религіей и наукой, воззрѣній, къ сожалѣнію, не всѣми католиками раздѣляемыхъ. Конгрессъ раздѣлялся на секціи, обнимавшія собою всевозможные отдѣлы научнаго знанія—отъ религіи и философіи до антропологіи, филологіи, археологіи.

— Въ послѣднее десятилѣтіе особенное вниманіе папы Льва XIII и его совѣтниковъ, какъ сообщено въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, обращено на востокъ. Большая часть іезуитовъ, потерявшихъ свои мѣста во Франціи, вслѣдствіе распоряженія французскаго правительства въ 1880 году, отправлены «Коллегіей расиространенія вѣры» въ турецкую и персидскую Арменію съ цѣлію вытѣсненія оттуда англійскихъ миссіонеровъ, возможнаго ослабленія власти армяно-грегоріанскаго Эчміадзинскаго патріарха (въ русской Арменіи) и подчиненія Армянъ папѣ. Они же управляютъ открытымъ ими въ Бейрутѣ (въ Сиріи) университетомъ, въ которомъ находится нынѣ 521 слушатель, и семинаріей для приготовленія

священниковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, въ которой обучается до 60 учениковъ; въ Бейрутѣ же у нихъ имѣется своя типографія и издается еженедѣльный журналъ. Недавно открыты новыя іезуитскія миссіи въ верхнемъ Египтѣ для распространенія латинства между Коптами и Абиссинцами. Въ прошломъ году одна Ліонская провинція іезуитовъ отправила на востокъ 50 миссіонеровъ. Кардиналь Лавижери открылъ въ Іерусалимѣ семинарію для приготовленія духовенства греческаго обряда. Римско-католическимъ миссіонерамъ предписано не стремиться болѣе къ латинизированію Грековъ, но относиться съ уваженіемъ къ ихъ языку, богослуженію. Грекамъ, которые за послѣднія тридцать лѣтъ приняли обрядъ, разрѣшено вернуться къ своему прежнему богослуженію. Въ открываемыхъ же миссіонерами школахъ, гдѣ обучается греческая молодежь, положено проводить идею о необходимости возстановленіе уніи греческой церкви съ латинскою подъ главенствомъ папы. Этотъ новый планъ римско-католической пропаганды развитъ въ недавно вышедшемъ номерѣ издаваемаго въ Зальцбургѣ іезуитскаго журнала: *Katholische Kirchenzeitung* (отъ 17 апрѣля 1891 г., № 30).

— Римско-католическія газеты сообщаютъ, что всѣ населяющіе теперешнюю Халдею несторіане, въ числѣ 200 тысячъ душъ, вмѣстѣ съ своимъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ отрѣшились отъ заблужденія Несторія, котораго они держались съ VI вѣка, и присоединились къ римской церкви. «Церк. Вѣст.»

— Въ европейскихъ газетахъ появилось извѣстіе изъ Китая, которое передаетъ, что въ весьма важномъ въ торговомъ отношеніи городѣ Вучу, расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки Янтсе-кіанга произошли серіозные беспорядки, направленные противъ иностранцевъ. Толпа напала на римско-католическую миссію и подожгла ее. Къ счастью, всѣ находившіеся въ миссіи имѣли возможность убѣжать и скрыться отъ разъяренной толпы, которая продолжала свое дѣло разрушенія и грабежа въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Никто не погибъ во время этихъ беспорядковъ, такъ какъ Европейцы укрылись на судахъ, находившихся на рѣкѣ. Послѣ разрушенія миссіи толпа напала на таможенныхъ чиновниковъ и затѣмъ бросилась къ зданію британскаго консульства и разграбила его совершенно. Консулу съ женой удалось спастись перереженными въ Китайцевъ. Однако въ послѣдствіи консулъ былъ раненъ Китайцами. По свѣдѣніямъ лондонской газеты «*Standard*», отъ 9-го іюня, французскій и американскій посланники въ Пекинѣ потребовали отъ китайскаго прави-

тельства дѣйствительной охраны для проживающихъ въ Шанхаѣ и другихъ городахъ французскихъ и американскихъ подданныхъ. Отказъ Китая можетъ повлечь за собою непріязненные дѣйствія. По извѣстіямъ лондонскихъ газетъ, французскій посланникъ предупредилъ китайское правительство, что французская эскадра бомбардируетъ Нанкинъ, если пострадавшимъ не будутъ уплачены убытки. Въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣдѣній о происшедшихъ въ Китаѣ беспорядкахъ, «*Journ. des Débats*», отъ 9-го іюня, между прочимъ, заявляетъ, что должно опасаться за дальнѣйшую судьбу проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ, такъ какъ нищета тамъ достигла ужасающихъ размѣровъ, и умы въ сильной степени возбуждены, особенно въ округѣ Янь-Тзе-Кіанга, гдѣ мѣстное населеніе въ конецъ разорено опустошительными наводненіями. Спасаясь отъ голодной смерти, поселяне толпами покидаютъ свои обнищавшія деревни и направляются внизъ по Янь-Тзе-Кіангу, разграбляя миссіи и поселенія, встрѣчающіяся на ихъ пути. Мандарины бессильны противъ подобныхъ движеній, а тайныя общества въ Китаѣ, питающія въ своей душѣ непримиримую ненависть къ европейцамъ, не преминули воспользоваться повсемѣстнымъ голодомъ и нищетою для возбужденія черни противъ иностранцевъ.

— Въ Далмаціи запрещеніе Сплитскимъ епископомъ Никичемъ совершенія литургіи на славянскомъ языкѣ вызвало сильное волненіе въ народѣ и низшемъ клирѣ. Въ настоящее время означенный епископъ отправился въ Римъ хлопотать о папскомъ распоряженіи запрещающемъ старо-славянское Богослуженіе, но клиръ и народъ предупредили его: они уже отправили въ Римъ меморіаль, въ которомъ рѣшительно требуютъ разрѣшенія для югославянскаго духовенства совершать литургію на славянскомъ языкѣ. Если папа приметъ сторону Сплитскаго епископа въ этомъ вопросѣ, то, по словамъ Церк. Вѣст., возможно ожидать отдѣленія многихъ изъ нихъ отъ римско-католической церкви.

— Въ Ливерпулѣ, въ Англіи, по сообщенію Церк. Вѣст., образовалась магометанская община, которая представляетъ ту поразительную особенность, что она составилась изъ чистокровныхъ англичанъ! Основатель ея—адвокатъ Квильямъ, ревностный поборникъ трезвости. Во время своего недавняго путешествія въ Марокко, онъ пораженъ былъ трезвостью мѣстнаго мусульманскаго населенія и отсюда пришелъ къ заключенію, что исламъ выше христіанства. По прибытіи въ Англію, онъ занялся изученіемъ корана, объявилъ себя послѣдователемъ лжепророка и сталъ ревностно распространять исламъ.

И, удивительно, что онъ нашелъ себѣ до пятидесяти послѣдователей, которые и составили мусульманскую общину въ христіанской странѣ. Турецкій султанъ, услышавъ о такомъ неожиданномъ распространеніи ислама въ Англіи, прислалъ новообращенцамъ въ даръ библиотеку, состоящую изъ избранныхъ религіозно-мусульманскихъ сочиненій. У новообращенцевъ имѣется своя маленькая мечеть, въ которой 18 апрѣля н. ст. состоялось вѣнчаніе по магометанскому обряду. На какія только сумасбродства не способны «культурные» люди нашего вѣка!

Въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, въ день чествованія памяти свв. Кирилла и Меодія, была произнесена генераломъ А. А. Кирѣевымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ по славянскому и богословско-религіознымъ вопросамъ, небольшая объемомъ, но глубокая по содержанию рѣчь, въ которой онъ, выясняя принципы и идеалы такъ-называемой «славянофильской школы», вмѣстѣ съ тѣмъ рисуется картину положенія дѣлъ на Западѣ и въ Россіи и указываетъ на пробужденіе самосознанія среди славянъ. Вотъ эта рѣчь въ сокращеніи: «Одна изъ главныхъ задачъ нашего Общества состоитъ въ изученіи славянскаго міра и въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ между нами Русскими и остальными Славянами можетъ произойти давно ожидаемое сближеніе, можетъ быть установлено единство стремленій и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію положительныхъ, общихъ цѣлей. Но во имя чего будемъ мы дѣйствовать, работать? Какіе наши принципы? Въ чемъ состоятъ тѣ идеалы, передъ которыми, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ нашимъ, мы преклоняемся, которымъ мы служимъ?... На этихъ идеалахъ я позволю себѣ остановить ваше вниманіе, ограничивая нашу сегодняшнюю бесѣду собственно ихъ опредѣленіемъ, указаніемъ на ихъ истинность и указаніемъ на неосновательность и несправедливость нѣкоторыхъ, направленныхъ противъ насъ, нареканій... Мы, члены Славянскаго Благотворительнаго Общества, твердо вѣримъ въ наши идеалы и крѣпко держимся ученія нашей школы. При этомъ мы, конечно, не можемъ не желать, чтобы наши идеалы и взгляды на ихъ осуществленіе были приняты и другими Славянскими народами, но мы отнюдь не желаемъ, чтобы они были имъ навязаны насильно... Конечно, мы вѣримъ, что истинность нашихъ идеаловъ «правда» нашего исповѣданія будутъ когда нибудь признаны и всѣми остальными Славянами, но мы надѣемся, что это признаніе будетъ совершенно добровольное. Мы, конечно, желаемъ

духовнаго соединенія съ остальными Славянами, но лишь соединенія совершенно свободнаго, ибо знаемъ, что насиліе, не говоря уже о его безнравственности, никогда не можетъ имѣть благихъ результатовъ... Что же мы видимъ? Что представляетъ намъ жизнь? Для человѣка, который не закрываетъ намѣренно глаза, который не старается не видѣть того, что около него происходитъ, очевидны два факта: на Западѣ Европы совершается многознаменательный переворотъ, который едва ли не важнѣе пережитаго Европой въ концѣ минувшаго столѣтія: глубочайшія основы западнаго общества, и политическія, и общественныя, и нравственныя, поколеблены и распадаются, этика христіанства и этика спиритуалистической филозофіи замѣняются этикой невѣрія и матеріализма. Современная конституціонная монархія, эта мнимая панацея противу всѣхъ золъ,—еле жива; она износилась, почва уходитъ изъ подъ ея ногъ, и она нехотя уступаетъ мѣсто новому порядку вещей, при которомъ властвовать будетъ уже не «сытый буржуа», а «голодающій рабочій» —представитель четвертаго сословія. Какой будетъ этотъ порядокъ или безпорядокъ..., какимъ образомъ дойдутъ до этого новаго порядка, путемъ ли крови и насилій со стороны четвертаго сословія, или путемъ добровольной уступки со стороны третьяго—въ особенности, какимъ законамъ будетъ тогда подчинена собственность—сказать трудно; но что самый фактъ страшнаго переворота и соціальнаго и экономическаго неминуемъ—это яснѣе дня: переворотъ этотъ уже въ ходу... Отъ насъ, отъ Россіи, экономическія затрудненія, въ виду нашей громадной территоріи, еще очень далеки, и мы можемъ на досугѣ подумать о средствахъ борьбы съ ними. Кризисъ нравственный, переживаемый Западомъ, менѣе замѣтный для поверхностнаго наблюдателя, въ сущности еще гораздо опаснѣе кризиса экономическаго. Онъ состоитъ въ томъ, какъ я уже замѣтилъ, что старая христіанская этика, которой руководствовалося и жило западное общество до послѣдняго времени, замѣняется новой, псевдо-этикой матеріализма... Вѣрующіе христіане, и между лютеранами и католиками, стараются бороться противъ усиливающагося на Западѣ зла, но побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону безвѣрія. Одна изъ главныхъ причинъ такого положенія дѣлъ—разъединеніе, окончательный разрывъ между государствомъ и церковью, когда то соединенными. Правда, западное общество двигается еще, по инерціи, по той дорогѣ, на которую оно было поставлено церковью, но разладъ уже наступилъ полный. Въ прогрессѣ разрушенія религіозныхъ

идеаловъ бываютъ, правда, пріостановки; мужественные, убѣжденные голоса раздаются еще въ защиту вѣры, но они не могутъ удержать натиска разрушительныхъ теорій. Таково положеніе дѣлъ на Западѣ. Благодаря Богу, и эта болѣе опасная гроза намъ не страшна. У насъ нѣтъ не только вражды, но нѣтъ пока и разлада между государствомъ и Церковью. Наше государство и наша Церковь соединены между собою органически, неразрывно, будемъ надѣяться—вѣчно. Каждый изъ насъ чувствуетъ себя не только сыномъ своего отечества, но еще, и даже «первѣе», сыномъ своей Церкви; ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и борьбы между Церковью и государствомъ, вѣдь это была бы борьба съ самимъ собою, т. е. бессмыслица, и пока эта связь между ними останется неприкосновенною, крѣпкою, намъ нечего опасаться тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ западному обществу. Итакъ, мм. гг., то, что происходитъ на западѣ, насъ не касается, или касается лишь очень посредственно, но не таково наше отношеніе къ другому важному явленію, тоже происходящему у насъ передъ глазами, разумѣю—вступленіе славянскаго вопроса въ его окончательный фазисъ; онъ на очереди, онъ требуетъ рѣшенія. Какая же можетъ быть при этомъ наша роль, роль нашего общества, не призваннаго заниматься политикою? Всмотримся поближе въ то, что происходитъ въ славянскомъ мірѣ, за нашими границами. Не проходитъ дня, чтобы мы не получали свѣдѣній о томъ, что міръ этотъ пробуждается, что онъ приходитъ къ самосознанію! Оживаютъ, послѣ вѣковой дремоты, послѣ тяжелаго вѣковаго сна, даже и самые темные, тихіе его закоулки. Пробуждается и Чехъ, и Сербъ, и Хорватъ, и Словакъ и Червоно-Руссъ; но пробуждается не только какъ Чехъ, Сербъ или Русскій, а еще и какъ Славянинъ, какъ членъ великой славянской семьи! Вотъ, что особенно важно, особенно характерно въ этомъ движеніи! Да оно и понятно: только въ ясномъ сознаніи своей принадлежности къ этой великой семьѣ, ко всеславянству, и можетъ каждый изъ ея членовъ найти и нравственные, и матеріальныя силы для охраненія и развитія своей индивидуальности! Но мыслимо-ли, чтобы всѣ эти отдѣльныя части Славянства достигли своихъ цѣлей внѣ нравственной связи съ Россією, внѣ ея нравственной поддержки, въ особенности преслѣдуя различныя съ нею цѣли, преклоняясь передъ иными идеалами, враждебными нашимъ? Конечно, нѣтъ! и чувство этой солидарности, этой необходимости тождественныхъ идеаловъ постепенно крѣпнеть, постепенно выясняется и сознается даже тѣми, ко-

торые когда-то относились къ нему съ недоувѣріемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ усиливается это чувство солидарности Славянскихъ племенъ, растутъ и ненависть къ нему, увеличиваются и преслѣдованія и гоненія со стороны общихъ нашихъ враговъ! И отовсюду, и отъ друзей нашихъ, и отъ враговъ устремляются взоры на стоящаго въ раздумьѣ могучаго сѣвернаго брата, взоры любви и надежды, или страха и ненависти. Мм. гг.! всмотритесь въ эту картину, и скажите: можемъ-ли мы, согласно-ли съ нашимъ достоинствомъ, съ нашими нравственными обязанностями оставаться безучастными ко всему, происходящему передъ нашими глазами! Итакъ, еще разъ, «что же намъ дѣлать», намъ, членамъ скромнаго благотворительнаго ученаго общества? Въ чемъ, въ настоящее время, должна состоять наша дѣятельность? Она должна главнѣйше состоять въ выясненіи, въ защитѣ нашихъ идеаловъ. Такая дѣятельность можетъ казаться нѣкоторымъ еще юнымъ или неопытнымъ людямъ слишкомъ незначительною, слишкомъ безцвѣтною. Это невѣрно, господа: ясное сознаніе своихъ идеаловъ—великая сила! Не они-ли служатъ основаніемъ всякой плодотворной дѣятельности, не они-ли служатъ ей и исходною точкой и указателями ея пути? Не идеалами-ли держался и двигался весь міръ?! Держимся и двигаемся ими и мы! Тѣмъ-то, мм. гг., мы, Русскіе, и сильны, что мы еще вѣруемъ въ идеалы, что мы не ограничиваемъ нашихъ стремленій одною «пользою», что мы еще знаемъ и памятуемъ, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!» .. Одни изъ нашихъ критиковъ говорятъ, что мы отвергаемъ всякій прогрессъ, что мы, какъ фарисеи, застыли, замерзли въ созерцаніи своихъ собственныхъ мнимыхъ достоинствъ и отсутствующихъ добродѣтелей, что мы не хотимъ никого ни знать, ни слушать; что мы не думаемъ о томъ, чтобы сдѣлаться лучшими, что у насъ не идеалы, а идолаы, что мы сами именно и сдѣлались для себя этими идолами и на всѣ доводы о необходимости дальнѣйшаго развитія самодовольно отвѣчаемъ— «не нужно! мы и такъ хороши, мы и такъ лучше всѣхъ» ... Изъ всѣхъ народовъ именно смиренный русскій народъ менѣе всѣхъ можетъ быть обвиненъ въ такомъ самовозношеніи, а въ средѣ русскаго народа менѣе всего заслуживаемъ это обвиненіе именно мы, славянофилы! Никогда не говорили мы, что «мы и такъ хороши, что мы и такъ лучше всѣхъ»; мы говорили совсѣмъ не то, а именно, что наши идеалы лучше всѣхъ другихъ идеаловъ, это вѣрно, это мы знаемъ, и въ это вѣриво вѣруемъ. Это мы говорили всегда, и говоримъ, и думаемъ; а сами мы со-

всѣмъ не такъ хороши, какъ должны быть, и знаемъ, что именно для того, чтобы стать «лучше всѣхъ», чтобы стать въ уровень съ собственными нашими идеалами, намъ предстоитъ еще много, много поработать надъ самими собою, многому поучиться у другихъ народовъ, прошедшихъ тысячелѣтную строгую школу, поучиться хотя-бы и у нашихъ враговъ. Наконецъ, мы никогда, и во снѣ не думали отказываться отъ пріобрѣтенія всечеловѣческой культуры и умѣемъ уважать ее не хуже кого бы то ни было! Гдѣ же тутъ самовосхваленіе?! Правда, мы при этомъ не забываемъ, что у насъ есть свое культурное начало—православіе, что духовныя пріобрѣтенія другихъ народовъ не должны быть принимаемы нами безъ критики, и—такъ сказать—механически, какъ перенимаютъ обезьяны, но развѣ мы въ этомъ не правы? и гдѣ же тутъ самовосхваленіе? гдѣ же тутъ — «мы и такъ хороши! мы и такъ лучше всѣхъ!» Но, не слѣдуетъ тоже и унижать настоящія свои достоинства, достоинства своего народа. Въ одномъ мы дѣйствительно «и такъ хороши», и дай Богъ, чтобы мы, въ этомъ отношеніи, таковыми и остались, именно въ томъ, что въ насъ еще крѣпка вѣра, на столько крѣпка, что мы еще способны на крестовые походы! Да, мм. гг., не далѣе какъ послѣдняя наша война—была для народа нашего именно крестовымъ походомъ,—а на это ни одинъ изъ современнѣхъ европейскихъ народовъ не способенъ. До такой степени не способенъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ даже понять, не можетъ повѣрить, что изъ-за одного желанія спасти единовѣрцевъ и послужить Христу, въ концѣ XIX столѣтія, можетъ двинуться въ бой стомилліонный народъ, не можетъ повѣрить, что мы, что вся Россія готова стать крѣпкой стѣною и нести тяжелыя жертвы за дѣло, по мнѣнію Запада, столь бесполезное и столь фантастическое! Да! въ этомъ отношеніи мы и такъ хороши! Пускай надъ нами смѣются разумные эгоисты Запада, растерявшіе всѣ свои «бесполезные» идеалы и повлונяющіеся теперь лишь своему собственному Я!... Религіозныя и политическія основанія, идеалы, которыхъ мы придерживаемся, совершенно тождественны: они выражаются тремя словами: «православіе», «самодержавіе», «народность»... Идеалы наши: православіе, заключающее въ себѣ наши этические взгляды, самодержавіе, выражающее наши взгляды политическіе, и то и другое неразрывно связанное съ русскою народностью, которая служить имъ сферою дѣйствія, и которымъ они служатъ высочайшимъ выраженіемъ. Такова неизмѣнная, исконная формула славянофиль-

скаго ученія. Она живетъ, хотя въ неясныхъ очертаніяхъ, какъ скрытая великая сила, какъ «vis latens» въ сердцѣ русскаго народа, по крайней мѣрѣ въ сердцѣ всѣхъ тѣхъ, которые не порвали нравственной связи съ своей родиной, не позабыли ея исторіи и остались вѣрными ея священнымъ преданіямъ; однимъ словомъ, для тѣхъ, для которыхъ Россія—все еще «Святая Русь»,—а такіе составляютъ, слава Богу, громаднѣйшее, подавляющее среди нашего народа. Осуществленія этой формулы русскій народъ ожидаетъ отъ своего Державнаго Вождя; по этому пути онъ готовъ слѣдовать за Нимъ на край свѣта; для достиженія цѣлей, намѣченныхъ этой формулой, онъ готовъ радостно жертвовать Царю своему и своею кровью и своимъ достоинствомъ... Разсуждая объ этой рѣчи, Варш. Дневникъ говоритъ, что если прежде славянофильство и его взгляды представлялись ученіемъ извѣстной группы людей, воодушевленныхъ строго національными идеалами, то теперь основныя начала этой школы стали принципомъ общепризнаннымъ, ибо выяснилось, что то, о чемъ говорили славянофилы, представляетъ въ сущности основныя черты русской жизни, основныя мысли, сокрытыя во всемъ прошедшемъ какъ Русскаго государства, такъ и всего народа. Кто теперь, напримѣръ, станетъ отрицать или хотя бы сомнѣваться въ томъ, что Россія есть государство Русскаго народа, что она Славянская держава, что Россія есть православное государство и иною быть не можетъ, что Россія есть самодержавное государство и опять-таки иною быть не можетъ? Самая роль Россіи въ Славянскомъ мірѣ болѣе и болѣе выясняется. Но чѣмъ болѣе выясняется это ея значеніе, тѣмъ страшнѣе становится она для своихъ недруговъ, кто-бъ они ни были и гдѣ-бъ они ни были. Католическій западъ боится православія и его силы. Народы слабые и лишенные силы создать сильное государство боятся крѣпости таваго государства, какъ Россія, опирающаяся на 80-ти милліонную однородную массу Русскаго народа. Государства, въ которыхъ расшатаны устои, дававшіе крѣпость государственной жизни, боятся такого государства, какъ Россія, въ которой крѣпость основной принципъ самодержавія, выработанный ея исторіей. Желая подорвать значеніе этого принципа русской государственной жизни, враждебная и враждующая Европа старается смѣшать его съ понятіемъ о деспотизмѣ, но и тамъ, на западѣ Европы, уже слышны голоса съ выраженіемъ пониманія этихъ основныхъ чертъ русской государственной и народной жизни. Западное славянство, за исключеніемъ, быть можетъ, только по-

ляковъ, относится уже скептически къ римскому католицизму, и стремящійся къ религіознымъ идеаламъ духъ находитъ свое удовлетвореніе въ православной Церкви, не убивающей народности. Въ утомленной переворотами республиканской Франціи обращаютъ взоры на строй русской государственной жизни и начинаютъ понимать принципы русскаго Самодержавія. То тамъ, то тутъ, на всемъ просторѣ славянскаго міра раздаются голоса о возможности сохранить свою національную жизнь только при сочувствіи и поддержкѣ православной и самодержавной Россіи. Объ этомъ слышно уже изъ далекой Горицы у предѣловъ Италіи, и изъ Истріи, и изъ Далматіи, изъ Любляны, Загреба и Праги, ибо тамъ поняли и почувствовали, что всѣ конституціонныя «свободы», предоставляемыя народностямъ австрійскимъ государственнымъ управленіемъ, ведутъ только къ разрушенію національной жизни... Уже многое сдѣлано для практическаго осуществленія славянскаго вопроса вопреки всѣмъ препятствіямъ, недовѣрію и даже преслѣдованію. Стоитъ только обратить вниманіе на тотъ ростъ, который оказалъ въ своемъ значеніи въ послѣднее десятилѣтіе русскій языкъ у Славянъ, несмотря на всѣ препятствія, проистекающія какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ причинъ. Въ виду этого и напоминаніе о тѣхъ идеалахъ и принципахъ, которые кладутся въ основу истиннаго славянскаго направленія, сдѣланное ген. А. А. Кирѣевымъ, столь много содѣйствовавшимъ разъясненію какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ идеаловъ славянскаго міра, заслуживаетъ въ настоящее время особеннаго вниманія. Чѣмъ яснѣе становятся славянская мысль и точнѣе пониманіе взаимныхъ отношеній народностей и идей, тѣмъ отчетливѣе мы видимъ путь, по которому слѣдуетъ идти.

— Открытія въ Египтѣ, слѣдующія одно за другимъ съ замѣчательной быстротой, все болѣе и болѣе раскрываютъ предъ нами внутренній міръ страны, нѣкогда имѣвшей великое значеніе въ исторіи народа Божія. Недавно извѣстный египтологъ Бругшъ нашелъ близъ Луксора въ Египтѣ каменные плиты, на которыхъ древне-египетскими письменами рассказывается, что нѣкогда въ теченіе семи лѣтъ Ниль не выходилъ изъ своихъ береговъ и поэтому земледѣліе оказывалось бесплоднымъ, такъ что наступилъ ужаснѣйшій голодъ. По нѣкоторымъ даннымъ Бругшъ относитъ происхожденіе этой надписи за 1900 лѣтъ до Р. Хр., что приблизительно совпадаетъ со временемъ управленія Іосифа въ Египтѣ и переселенія туда дома Іакова. Такого яснаго подтвержденія

достоверности библейско-историческихъ событій трудно и представить.

— Въ «Гражданинѣ» напечатанъ актъ о проявленіи Божіей милости. Вотъ этотъ актъ, засвидѣтельствованный многими частными и начальствующими лицами. «1891 года, мая 20 дня. Въ Ново-Аѳонскомъ Симоно-Кананитскомъ монастырѣ, въ Богородицкомъ Покровскомъ храмѣ, при большомъ собраніи молящихся, во время св. богослуженій предъ св. иконою Божіей Матери, именуемой «Избавительница», совершились слѣдующія три чудесныя исцѣленія: Изъ числа богомольцевъ, прибывшихъ въ монастырь 16 числа мая на пароходѣ русскаго общества «Юнона», крестьянинъ Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, Дѣдловской волости, Луговой слободы, Михайлъ Ивановъ Медынцевъ, 48 лѣтъ отъ роду, имѣлъ опухшія ноги и нижнюю часть брюшной полости; онъ двигался медленно, съ помощью костыля и палки. По его словамъ, онъ заболѣлъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года; отъ этой болѣзни Медынцевъ часто подвергался жестокимъ и невыносимымъ страданіямъ. 19 мая во время утренняго богослуженія; послѣ великаго словесія, когда по монастырскому обычаю прикладываются къ святымъ мощамъ Іосифа Обручника, великомученика Пантелеимона и россійскихъ святителей Митрофана и Тихона, а также и чудотворному образу Божіей Матери, Медынцевъ послѣ монаховъ и послушниковъ придвинулся къ этой иконѣ и лишь только коснулся устами къ св. рукѣ Ея, какъ въ тотъ-же моментъ почувствовалъ во всемъ своемъ организмѣ перемѣну и совершенную твердость въ своихъ ногахъ, и, положивъ на полъ свой костыль и палку, безпрепятственно положилъ земной поклонъ и бодро всталъ, взявъ въ руки вспомогательныя орудія, вынесъ изъ церкви и бросилъ ихъ. Всѣ окружающія лица видѣли это чудо и прославили Царицу Небесную. Въ тотъ-же день, другой богомольецъ, Екатеринославской губерніи, житель луганскаго литейнаго завода, проживающій въ Ростовѣ-на-Дону, мѣщанинъ Косьма Яковлевъ Соколовскій, 57 лѣтъ, страдалъ ревматизмомъ лѣвой ноги отъ ступени до тазобедроваго сочлененія включительно. По словамъ его, онъ получилъ эту болѣзнь за 20 лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ онъ ходилъ съ большимъ трудомъ на двухъ костыляхъ; по временамъ припадки болѣзни его были такъ остры и тяжки, что онъ кричалъ отъ жестокой боли; много истратилъ денегъ на лѣченіе и не получилъ ни малѣйшей пользы; во время вечерни и Соколовскій подошелъ къ той-же св. иконѣ, и лишь коснулся устами къ ней, какъ мгно-

венно получилъ исцѣленіе и также бросилъ свои костыли въ виду окружающихъ лицъ. На слѣдующій день исцѣленъ былъ отставной казакъ Войска Донского, Калитвинской станицы, Степанъ Варламовъ Калининъ, 52-хъ лѣтъ; страдалъ ревматизмомъ правой руки до плеча 27 лѣтъ и совершенно не могъ владѣть ею, а также нерѣдко подвергался жестокимъ болѣзненнымъ припадкамъ, по нѣскольکو ночей сряду не спалъ, кричалъ отъ остроты страданій и доходилъ до совершеннаго изнеможенія; во время Божественной литургіи съ вѣрою и сердечною молитвою приблизился къ той-же чудотворной иконѣ и, приложившись къ ней, получилъ моментально совершенное исцѣленіе.

— Газета «Колыванъ», въ послѣднемъ номерѣ, даетъ описаніе посѣщенія отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ Св. Богородицкой горы, въ Пюхтицѣ, и при этомъ сообщаетъ извѣстіе, которое должно въ высочайшей степени порадовать всѣхъ русскихъ людей. Пюхтица вмѣстѣ со святою горой находилась до послѣдняго времени въ рукахъ землевладѣльцевъ-лютеранъ, которые старались причинять всевозможныя затрудненія православнымъ, являвшимся на святую гору для поклоненія. Извѣстна прошлогодняя исторія двухъ Эстонцевъ, которые за то, что приняли православіе, были изгнаны владѣльцемъ имѣнія, г. Дикгофомъ, съ арендованныхъ ими участковъ. Въ послѣднее время, при содѣйствіи отдѣленія Прибалтійскаго православнаго братства въ городѣ Іеввѣ, ближайшемъ къ Пюхтицѣ, удалось устроить у подножія св. горы небольшую женскую общину, состоящую изъ трехъ монахинь и 9 сестеръ-послушницъ, плодотворная дѣятельность которыхъ хорошо извѣстна окрестному населенію отъ Іевве до Везенберга, Сыренца, Нарвы, Ямбурга и Гдова. Тѣмъ не менѣе эта мѣстность, имѣющая значеніе православной русской святыни, ибо она съ незапамятныхъ временъ почитается таковою не только окрестнымъ населеніемъ, но и богомольцами изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ Россіи, притекающими ежегодно въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ 15 августа въ этотъ уголокъ Финскаго поморья для поклоненія, — тѣмъ не менѣе эта мѣстность до послѣдняго времени находилась во владѣніи лютеранъ, которые, дабы заглушить въ народѣ память о православіи, рѣшили построить на св. горѣ лютеранскій храмъ. Постройка была пріостановлена только вслѣдствіе приказа изъ Петербурга. Теперь «Колыванъ» сообщаетъ, что «недавно состоялось Высочайшее повелѣніе объ отчужденіи этой горы, въ количествѣ 36 десятинъ, и приобрѣтеніи ея покупкой изъ рукъ ея ны-

нѣшнихъ иновѣрныхъ владѣльцевъ, не могшихъ, вопреки своимъ вѣковымъ усиліямъ, угасить свѣточъ вѣры народной въ этомъ мѣстѣ, такъ очевидно избранномъ Владычицей въ свой удѣлъ. 21 января сего года Святѣйшій Синодъ единодушно призналъ Богородицкую гору въ Эстляндской губерніи русскою святыней, 1 апрѣля докладъ объ отчужденіи ея прошелъ единогласно въ Государственномъ Совѣтѣ, а 29 апрѣля состоялся Высочайшій Указъ. Неисповѣдимы пути Господни, преклонимся предъ сильною десницею Всевышняго, указующаго и день и часъ для дѣлъ своихъ и посылающаго избранныхъ своихъ». Такимъ образомъ святая гора, какъ и вся окружающая мѣстность, усѣянная малыми срубамъ—часовенками съ иконами святыхъ: Святителя Николая Чудотворца, Георгія Побѣдоносца и другихъ, сдѣлается русскою, и тысячамъ русскихъ богомольцевъ, притекающихъ 15 августа къ цѣлебному источнику, когда сюда изъ большаго русскаго села на Пейпусъ-Сыренцѣ приносится чудотворная икона Успенія Божіей Матери, иновѣрцы не будутъ уже болѣе чинить тѣхъ притѣсненій, которыя они чинили имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. («М. В.»).

— Въ настоящее время работы по сооруженію храма на мѣстѣ катастрофы 17 октября 1888 г. въ полномъ ходу: фундаментъ вырытъ и часть его уже сложена; пилоны выводятся; кладка производится вездѣ цементная; заканчивается также устройство подъѣзднаго пути, крайне необходимаго для подвозки строительныхъ матеріаловъ, и производится буреніе абиссинскаго колодца. Пожертвованія на сооруженіе храма въ настоящее время особенно желательны; направляемы они могутъ быть на имя предсѣдателя комитета, г. харьковскаго губернатора т. с. А. И. Петрова и непосредственно въ комитетъ по сооруженію храма (Садово-Куликовская, № 17), гдѣ они и принимаются ежедневно отъ 10 ч. до 2. Средства, которыми располагаетъ въ настоящее время комитетъ, достигаютъ 210 тысячъ рублей: изъ нихъ 135 т. имѣются въ наличности, 40 т. числятся за Харьковскимъ губернскимъ земствомъ, 30 т. за городомъ Харьковомъ и по долговой книгѣ за разными лицами и учрежденіями состоитъ около 5 т. р. («Х. В.»).

— «День» сообщаетъ, что освященіе строящагося въ Кіевѣ собора св. Владиміра, сооруженіе котораго близится уже къ концу, предполагается совершить въ іюль будущаго 1892 года. Художественныя работы въ соборѣ въ настоящее время тоже уже заканчиваются. На внутреннихъ стѣнахъ храма выдающимися художественными произведеніями являются картины художниковъ гг. Свѣлом-

скаго и Васнецова. Изъ оконченныхъ священныхъ картинъ особенное вниманіе обращаютъ на себя: «Тайнство Евхаристіи», «Ликъ Господа Вседержителя» — изображеніе, находящееся въ главномъ куполѣ и отличающееся замѣчательныхъ художественнымъ исполненіемъ, «Изображеніе Богоматери», «Судъ Пилата», «Воскрешеніе Лазаря», «Входъ Господень во Іерусалимъ» и «Голгоѳа».

— Миссіонеръ іеромонахъ Арсеній соорудилъ на средства жертвователей скитъ въ Орловской губерніи; здѣсь о. Арсеній намѣренъ начать борьбу со старообрядцами и другими сектантами и вести свои популярныя духовно-нравственныя бесѣды. Мѣсто, гдѣ построенъ скитъ, принадлежитъ къ архіерейской дачѣ и находится въ мѣсу; около скита сооружена Голгоѳа, съ водруженнымъ на ней крестомъ. (С. О.).

— По газетнымъ свѣдѣніямъ, на разсмотрѣніе Св. Синода поступилъ проектъ устава миссіонерскаго практическаго всероссійскаго братства, имѣющаго цѣлью во всемъ и всюду поддерживать миссіонеровъ православной Церкви.

— Изъ Аткарска въ «Саратовскій Дневникъ» пишутъ, что въ село Салтыково недавно епархіальнымъ начальствомъ былъ командированъ миссіонеръ, священникъ Павелъ Шалкинскій, для бесѣдъ съ мѣстными старообрядцами. 15 мая миссіонеръ служилъ молебенъ и совершилъ крестный ходъ на воду. Старообрядцы какъ на бесѣдахъ, такъ и на молебнѣ собирались массами, а на молебнѣ даже участвовали въ пѣніи. Бесѣды и молебенъ такъ подѣйствовали на старообрядцевъ, что на предложеніе отца миссіонера принять православіе на правахъ единовѣрія, старообрядцы отозвались благосклонно и подписалось сразу 21 семейство въ количествѣ 93 человекъ; затѣмъ словесно заявило миссіонеру желаніе присоединиться множество семействъ, такъ что цифра всѣхъ желающихъ достигаетъ 300 душъ. Преосвященный Авраамій сочувствуетъ этому дѣлу и даетъ полный ходъ. Въ скоромъ времени въ Салтыковѣ откроется единовѣрческій приходъ.

— Недавно былъ случай крещенія татарина, дважды видѣвшаго надъ собою чудеса сверхъестественной благодати Божіей. Онъ всѣмъ сердцемъ предался христіанской вѣрѣ и возненавидѣлъ магометанство, такъ что даже жаждетъ и способенъ обличать живость послѣдняго и убѣждать другихъ къ принятію христіанства. Онъ былъ посланъ богачемъ отцомъ въ бухарское высшее училище и тамъ кончилъ курсъ на званіе ахуна, пишетъ и читаетъ на 5 восточныхъ языкахъ: татарскомъ, бухарскомъ, арабскомъ, лез-

гинскомъ и персидскомъ, знаетъ также говорить хорошо, а писать отчасти, и по-киргизски. Его хотѣли сдѣлать ахуномъ, но онъ, познавъ ложь магометанства при изученіи корана по арабскимъ письменамъ, гдѣ не скрыты, кабы въ татарскомъ, всѣ противорѣчія и явныя несообразности, по его словамъ, очевидныя, не захотѣлъ лицемѣрить, а предался торговлѣ, бывалъ не разъ маклеромъ (частнымъ) у бухарскихъ, персидскихъ и другихъ купцовъ на ярмаркахъ: нижегородской, ирбитской, мензелинской, былъ 2 раза въ Константинополѣ, жила въ Кавказѣ, въ нашемъ западномъ краѣ, въ Сибирь ѣздилъ вплоть до Камчатки включительно, наконецъ, въ послѣднее время (1888 г.) торговалъ въ Астрахани, гдѣ и взыскалъ его Господь Богъ, посѣтивъ тяжкою болѣзнію—тифомъ, отъ котораго онъ ослѣпъ и пробылъ такимъ 6 мѣсяцевъ, безъ надежды на исцѣленіе, по приговору всѣхъ докторовъ. Наконецъ, фельдшеръ ему подалъ мысль креститься, чтобы получить благодать исцѣленія. Онъ, хотя и некрещенымъ былъ въ Кіевѣ, но посѣщалъ кіевскія пещеры, видѣлъ св. мощи и потому скоро принялъ въ сердцу этотъ совѣтъ и далъ обѣщаніе креститься, если исцѣлѣеть,—и что-же? Черезъ 2 недѣли опухоль глазъ прошла и зрѣніе возвратилось. Онъ выписался изъ больницы и хотѣлъ хлопотать о крещеніи; но тутъ явилось искушеніе, котораго онъ не превозмогъ. Отецъ его, получивъ его увѣдомленіе о выздоровленіи, прислалъ ему по почтѣ 1,000 р. на торговлю вновь, и онъ возобновилъ ее, имѣя и кредитъ, и много товарищей изъ татаръ, и увлекся до того, что забылъ о своемъ обѣщаніи. Но Господь возлюбилъ его и не оставилъ: чрезъ 4 мѣсяца его опять поразилъ такой же тифъ и на этотъ разъ отнялись у него ноги, такъ что онъ не могъ не только ходить, но и двигать ими. Такъ продолжалось опять 6 мѣсяцевъ, въ той же самой больницѣ. Доктора опять ничего не помогли. Тогда-то онъ понялъ, что обѣщаніе надо исполнить, и далъ клятву не смотрѣть ни на какія препятствія.

Снова чрезъ 2 недѣли онъ сталъ здоровъ, и на этотъ разъ, хотя искушеніе явилось въ еще сильнѣйшей формѣ: отецъ увѣдомилъ, что сосваталъ ему хорошую и богатую невѣсту, его двоюродную сестру, дочь брата, корсунскаго купца, но онъ отказался отъ такого земного счастья и рѣшился бороться. Когда же отецъ, заманивъ его, наконецъ, домой телеграммой, будто онъ при смерти боленъ, сталъ грозить и настаивать, то Хисаметдинъ, нынѣшній Александръ Васильевъ, объявилъ о своемъ намѣреніи креститься и былъ готовъ принять хотя смерть. Тутъ отецъ и двое его братьевъ

принялись истязать его, били до полусмерти, такъ что кровь текла и изъ ушей даже, и только волостной старшина (русскій), подошвъ на крикъ, успѣлъ отнять его чуть живого и препроводить въ Корсунь, гдѣ его охраняла уже полиція. Но какъ деревня его отца (Уразовка) отстоитъ недалеко, то и въ городъ приѣзжали братья, пща случая убить его. Поэтому наставлявшій его 6 недѣль протоіерей присовѣтовалъ ему идти креститься въ Симбирскъ. Теперь новокрещенный уже обвиняетъ на крестьянской дѣвушкѣ и желаетъ зарабатывать свой хлѣбъ насущный съ женою трудомъ своимъ.

— Изъ с. Селитьбы, Саратовской губ. Хвалинскаго уѣзда, пишутъ, что тамъ недавно образовалось новая секта, послѣдователей которой, пока еще весьма немногихъ, назвали «средниками». По толкованію этой секты обычное празднованіе воскреснаго дня должно быть не въ воскресенье, а въ среду. Въ настоящемъ году эти новые сектанты праздновали Пасху въ среду на второй недѣлѣ Великаго поста, и эти правила они основываютъ на извѣстныхъ имъ однимъ вычисленіяхъ лунныхъ теченій. Основательницей этой секты называютъ какую-то древнюю старуху, и послѣдователей ея только въ Селитьбѣ насчитывается около 12 человѣкъ. «Юж. Кр».

— Харьковское общество грамотности получило на дняхъ разрѣшеніе на открытіе народной бесплатной читальни—библіотеки, которая по правиламъ ея предоставляетъ возможность чтенія книгъ, какъ въ ея помѣщеніи, такъ и на дому.

— Провинціальныя органы печати и въ числѣ ихъ «Полтавск. Губ. Вѣдом.» съ понятнымъ удовольствіемъ отмѣчаютъ случаи открытія народныхъ читаленъ, по инициативѣ и желанію самихъ крестьянъ. Въ послѣднее время въ Полтавской губ. 3 сельскихъ общества возбудили ходатайство о разрѣшеніи имъ открыть сельскія общественыя библіотеки: въ им. Богачѣвъ и Шишакахъ, Миргородскаго у., и въ с. Лютинькахъ, Гадячскаго у. Въ м. Шишакахъ при библіотекахъ предполагается устроить читальню и продажу книгъ. Лютенское сельское общество, общественнымъ приговоромъ, составленнымъ по этому поводу, назначило 50 руб. изъ своихъ средствъ на первое устройство библіотеки; кромѣ того, поступило немного пожертвованій отъ мѣстнаго священника, землевладѣльца, учителей и др. Дальнѣйшее существованіе библіотеки предполагается обезпечить платою за чтеніе книгъ и частными пожертвованіями. Характерна выдержка изъ ходатайства объ открытіи этой библіотеки. «Грамотные люди нашей волости (Лютиньской, Гадячскаго

уѣзда), — пишутъ ея уполномоченные (80 чел.), — въ особенности же, молодежь и дѣти, по окончаніи ученія въ школахъ, проводятъ свободное отъ работъ, а также и праздничное время самымъ беспорядочнымъ образомъ, напр., взрослые въ пьянствѣ и т. п., поэтому мы (уполномоченные) нашли не только желательнымъ, но и въ высшей степени необходимымъ открытіе въ волости доступной для народа библіотеки, которая, во первыхъ, служила бы средствомъ для укрѣпленія и развитія въ грамотной части населенія тѣхъ знаній и религіозно-нравственныхъ понятій и правилъ, какія приобрѣтены ими въ школѣ, а затѣмъ, путемъ семейнаго чтенія хорошихъ книжекъ, — передачи этихъ знаній и понятій отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и вообще неграмотнымъ людямъ; во-вторыхъ, давая грамотнымъ возможность посвящать свободное и праздничное время чтенію, — отвлекала бы населеніе отъ пьянства, распространяющагося съ каждымъ годомъ все болѣе и крайне вредно вліяющаго на всю жизнь».

— Извѣстно, что простой русскій человѣкъ пока относится ко всякому печатному слову съ полнымъ еще довѣріемъ. Такъ недавно, по словамъ «Казанской Вѣсти», одинъ старикъ покупалъ для своего грамотнаго внука картинки съ текстомъ, и когда ему сказали, чтобы онъ не бралъ показанныхъ, потому что текстъ и содержаніе ихъ крайне безсодержательны и даже вредны для дѣтскаго возраста, то онъ буквально отвѣтилъ: «какъ не брать! коли напечатано, значить хорошо, полезно». Вполнѣ соглашаемся съ «Цер. Вѣстн.», указывающимъ на необходимость въ данномъ случаѣ вниманія и дѣятельнаго участія приходскаго духовенства, которое и съ церковной кафедры, и во время внѣбогослужебныхъ бесѣдъ имѣетъ полную возможность предостеречь свою малоопытную въ этомъ отношеніи и довѣрчивую паству отъ соблазнительныхъ и развращающихъ книгъ. А еще лучше будетъ, если при церкви образуется книжный складъ, въ которомъ всякій будетъ имѣть возможность купить за дешевую цѣну добрую и полезную книгу.

— «Нов. Вр.» сообщаетъ, что въ церковно-приходскихъ благотворительныхъ обществахъ Петербурга, по примѣру Казанскаго собора, всѣ дома въ каждомъ приходѣ будутъ раздѣлены между особо для того избранными участковыми попечителями, непосредственно къ которымъ бѣдные и будутъ обращаться съ просьбами о вспоможеніи и объ опредѣленіи: престарѣлыхъ женщинъ — въ богадѣльни, а дѣтей — въ пріюты обществъ. На попечителей бу-

детъ возложена обязанность собирать пожертвованія въ предѣлахъ своего участка.

— Въ Шлиссельбургѣ, какъ сообщаетъ «Сынъ Отеч.», учреждается первое въ Петербургской губерніи благотворительное общество, задававшееся цѣлью — искоренять нищенство. Для этого общество намѣрено открыть дѣтскій пріютъ для брошенныхъ дѣтей-сиротъ, а затѣмъ производить выдачу единовременныхъ и ежемѣсячныхъ пособій истиннымъ бѣднякамъ, но не такимъ, которые нищенство обратили въ промыселъ.

— Обращаетъ на себя вниманіе благотворителей развивающійся въ Харьковѣ хорошій обычай помощи бѣднякамъ. вмѣсто копѣечной подачки нищимъ и нуждающимся, нѣкоторые благотворители даютъ просящимъ билеты въ дешевую столовую благотворительнаго общества и билеты въ ночлежный домъ. «Хар. В.».

— «Хар. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что одинъ изъ землевладѣльцевъ Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи, г. Вейсъ, въ ознаменованіе спасенія драгоцѣнной жизни Наслѣдника Цесаревича отъ злоумышленнаго покушенія 29 апрѣля, въ Японіи, препроводилъ въ Ахтырскую земскую управу 5.000 р. для составленія неприкосновеннаго капитала Ахтырской окружной лѣчебницы, на проценты съ котораго на вѣчныя времена содержались бы при ней три бесплатныя кровати для бѣдныхъ больныхъ всякаго сословія. Жертвователь, состоящій попечителемъ этой лѣчебницы, выразилъ желаніе, чтобъ учреждаемымъ кроватямъ присвоено было наименованіе Имени Наслѣдника Цесаревича. Ахтырская земская управа съ этою цѣлью возбудила въ установленномъ порядкѣ ходатайство о Высочайшемъ соизволеніи на исполненіе желанія жертвователя.

— Харьковскимъ губернскимъ земствомъ открыто страхованіе движимости. На страхъ Харьковскаго губернскаго земства принимаются движимыя имущества лицъ, владѣющихъ въ губерніи недвижимою собственностію, а также арендующихъ недвижимую собственность, въ предѣлахъ губерніи, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы постройки, въ которыхъ застрахованная движимость помещается, были бы также застрахованы въ Харьковскомъ земствѣ. На страхъ принимаются слѣдующаго рода имущества: а) сельско-хозяйственныя машины и орудія, внутреннее устройство мельницъ и всякаго рода сельско-хозяйственныхъ заведеній и проч.; б) хозяйственныя животныя; в) хлѣбъ въ зернѣ и въ скирдахъ, сѣно, солома и другіе сельско-хозяйственные продукты какъ животнаго,

тавъ и растительнаго царства, пчелы и продукты пчеловодства. Правила страхованія и таблицы тарифа премій находятся въ губернской и уѣздныхъ управахъ, у агентовъ страхованія и въ волостныхъ правленіяхъ; страховыя преміи значительно понижены противъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ препровожденъ на разсмотрѣніе всѣхъ губернаторовъ вновь составленный, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, проектъ учрежденія института повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ при сѣздахъ земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей. Такіе повѣренные будутъ состоять на государственной службѣ и вести дѣла крестьянъ до 500 рублей бесплатно, а свыше этой суммы со взиманіемъ извѣстнаго процента, при чемъ со введеніемъ въ дѣйствіе названнаго института повѣренныхъ, дѣятельность всякихъ ходатаевъ по дѣламъ крестьянскимъ должна быть превращена. Такіе повѣренные должны будутъ совершенно упразднить нынѣшнихъ ходатаевъ, приносящихъ крестьянамъ больше вреда, чѣмъ пользы.

— Преосвященный Полвѣарцъ, епископъ екатеринбургскій и ирбитскій, при обзорѣни въ прошломъ году церковей епархіи, усмотрѣлъ изъ церковныхъ документовъ, что въ іюль и августъ этого года умерло весьма много грудныхъ младенцевъ отъ поноса въ возрастѣ отъ одного до восьми мѣсяцевъ. По объясненію священниковъ, съ которыми его преосвященству приходилось говорить объ этомъ предметѣ, главная причина чрезвычайной смертности грудныхъ младенцевъ заключается въ томъ, что во время рабочей поры матери, отправляясь на полевыя работы, оставляютъ младенцевъ своихъ на цѣлый день дома подъ присмотромъ или старухъ или едва подростшихъ дѣтей, а послѣднія кормятъ младенцевъ чѣмъ попало и поятъ ихъ холодною водою, нисколько не заботясь о чистотѣ вокругъ нихъ. По наведеннымъ потомъ справкамъ въ архивѣ консисторіи оказалось, что такая смертность между младенцами повторяется здѣсь ежегодно, при чемъ цифровыми данными обнаружено, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и болѣе многолюдныхъ, но гдѣ и обстановка жизни и уходъ родителей за дѣтьми лучшіе, число умирающихъ отъ поноса младенцевъ весьма незначительно. Все это показываетъ, что причина чрезвычайной смертности младенцевъ скрывается не столько въ эпидемическомъ характерѣ поноса, сколько въ недостаткахъ родителей, небрежно исполняющихъ свои обязанности по отношенію къ дѣтьми. Въ виду этого епарх. начальствомъ рѣшено вмѣнить въ непремѣнную обя-

занность приходскимъ священникамъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ разъяснять прихожанамъ, какой вредъ причиняютъ они своимъ дѣтямъ, когда содержатъ ихъ въ неопрятности, когда даютъ имъ несообразную съ ихъ возрастомъ пищу и оставляютъ ихъ ради работъ безъ должнаго присмотра. Такое разъясненіе священники обязаны дѣлать при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, но особенно благовременнымъ такое разъясненіе будетъ: 1) при крещеніи младенца, совершаемомъ на дому, когда самая обстановка, всѣ семейныя условія будутъ предъ глазами священника и ему ясно будетъ, кому и что сказать; 2) когда матери обращаются къ священнику за такъ-называемой сороковой молитвой и 3) при отпѣваніи младенца, когда самая смерть дѣтей много говоритъ сердцу родителей и служитъ прямымъ урокомъ, если младенецъ умеръ отъ небрежнаго ухода за нимъ. Кромѣ этихъ частныхъ разъясненій, вмѣнено въ обязанность приходскимъ священникамъ и съ церковной кафедры убѣждать прихожанъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей. Для этой цѣли священники могутъ подыскивать и прочитывать печатныя поученія, касающіяся этого вопроса, или же сами составлять таковыя. Для священниковъ, кои составить поученія не въ состояніи, а равно и подыскать оныхъ не имѣютъ возможности по скудости церковныхъ библіотекъ, предложить въ руководство нарочито для сей цѣли составленныя поученія. А такъ какъ изъ разсмотрѣнія статистическихъ данныхъ видно, что изъ числа 32,442 младенцевъ, умершихъ въ послѣдніе два года, 5,149 умерло отъ оспы и сверхъ того чрезвычайно много встрѣчается лицъ обезображенныхъ оспою, что показываетъ, что многимъ изъ дѣтей оспа вовсе не была привита или привита не своевременно, то найдено нужнымъ вмѣнить въ обязанность приходскимъ священникамъ, чтобы они обращали вниманіе и на это обстоятельство и также при удобныхъ случаяхъ въ своихъ бесѣдахъ съ прихожанами разъясняли имъ необходимость и пользу своевременнаго привитія оспы дѣтямъ и приносили бы съ церковной кафедры поученія, касающіяся этого предмета. Въ виду же того, что нерѣдко дѣтямъ не прививается оспа потому, что нѣтъ вблизи лица, занимающагося оспопрививаніемъ, признано нужнымъ рекомендовать псаломщикамъ, не найдутъ ли они для себя возможнымъ, безъ ущерба въ исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей, научиться оспопрививанію и заниматься этимъ дѣломъ среди своихъ прихожанъ съ вѣдома и разрѣшенія надлежащихъ властей. Епархіальное же начальство, для поощренія

столь полезной дѣятельности псаломщиковъ, считаетъ полезнымъ всѣмъ псаломщикамъ, представившимъ удостовѣреніе отъ врачей о правоспособности заниматься оспопрививаніемъ и свидѣтельство отъ земской управы объ оказанномъ усердіи въ этомъ дѣлѣ, при безукоризненномъ ихъ поведеніи и исправномъ прохожденіи прямыхъ своихъ обязанностей: 1) предоставлять лучшія мѣста въ епархіи; 2) перемѣщать въ случаѣ просьбы съ одного мѣста на другое ранѣе трехъ-лѣтняго срока и 3) о занимающихся оспопрививаніемъ дѣлать отмѣтки въ формулярныхъ о службѣ ихъ спискахъ.

«Цер. Вѣст.»

Некрологъ учителя Харьковскаго духовнаго училища, Георгія Амвросіевича Молчановскаго.

Небольшая семья преподавателей Харьковскаго духовнаго училища лишилась своего сочлена, учителя русскаго языка въ 1 классѣ, коллежскаго совѣтника Георгія Амвросіевича Молчановскаго, который, послѣ двухмѣсячной тяжкой болѣзни, скончался на 37 году жизни 7-го мая сего года.

Георгій Амвросіевичъ—уроженецъ Харьковской губерніи; его отецъ былъ соборнымъ протоіереемъ въ г. Богодуховѣ, гдѣ покойный и провелъ свое дѣтство. Подъ руководствомъ отца Георгій Амвросіевичъ получилъ свое первоначальное образованіе, а когда ему исполнилось 10 лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ Ахтырское духовное училище. Въ 1871 году Георгій Амвросіевичъ, съ успѣхомъ пройдя училищный курсъ, поступилъ въ Харьковскую духовную семинарію, гдѣ съ усердіемъ предавался изученію курса семинарскихъ наукъ. Постоянная любовь къ труду и рѣдкая аккуратность по отношенію къ своимъ ученическимъ обязанностямъ постоянно отличали покойнаго въ продолженіе всего семинарскаго курса и дали ему возможность съ полнымъ успѣхомъ окончить свое образованіе въ семинаріи въ 1877 году. Но усердный труженикъ, мысль котораго привыкла къ усиленной работѣ, не могъ довольствоваться тѣмъ, хотя бы и солиднымъ образованіемъ, которое дала ему семинарія. Прослуживъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ годъ въ должности надзирателя и учителя чистописанія, въ слѣдующемъ, т. е. 1878 году, Г. А. рѣшился искать высшаго образованія въ Кіевской духовной академіи и, успѣшно выдержавъ тамъ вступительный экзаменъ, былъ, не смотря на значительную конкуренцію, принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ академіи. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ ояъ выслушалъ въ академіи какъ полный курсъ общеобязательныхъ и спеціальныхъ предметовъ по церковно-практическому отдѣленію, такъ и

особыя практическія спеціальныя лекціи по словесности, исторіи литературы, логикѣ и настырскому богословію. По окончаніи курса въ академіи (1882 г.), онъ удостоился Совѣтомъ академіи степени кандидата съ правомъ «искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію, но, по § 141 уст. дух. акад., чрезъ представленіе удовлетворительной диссертации и публичное защищеніе ся установленнымъ порядкомъ». Въ томъ же 1882 году приказомъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода назначенъ на должность учителя греческаго языка въ Кутаисское духовное училище, гдѣ ему поручено было также преподаваніе русскаго языка въ нормальномъ отдѣленіи 3 класса. Если сырой и знойный климатъ долины р. Ріона, на которой расположенъ г. Кутаисъ, вредно отражается даже на здоровьѣ мѣстныхъ жителей (здѣсь, какъ извѣстно, господствуетъ такъ называемая «кавказская лихорадка»), то нечего удивляться, что Г. А.—уроженецъ Малороссіи—чуть ли не съ первыхъ дней своего приѣзда въ Кутаисъ началъ болѣть изнурительной кавказской лихорадкой. Вначалѣ покойный утѣшалъ себя надеждой, что, быть можетъ, съ теченіемъ времени, онъ свыкнется съ кавказскимъ климатомъ; но прошелъ годъ, а лихорадка почти не оставляла его; здоровье его все болѣе и болѣе ослабѣвало. Нужно было посерьезнѣе подумать о своемъ положеніи, и покойный дѣйствительно призадумался... Но вотъ, къ счастью Г. А., на его родинѣ—въ Харьковѣ—въ духовномъ училищѣ освободилось мѣсто учителя латинскаго языка. Онъ началъ хлопотать о переводѣ его въ Харьковъ, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: 20 сентября 1883 г. онъ былъ переведенъ на должность латинскаго языка въ Харьковское духовное училище. Такъ какъ покойный не изучалъ спеціально латинскаго языка въ академіи, то ему, на первыхъ порахъ его службы, пришлось довольно много поработать надъ его изученіемъ; впрочемъ, недолго покойный преподавалъ этотъ предметъ, такъ какъ черезъ два года должность втораго учителя латинскаго языка въ духовномъ училищѣ была упразднена, и Г. А. назначенъ былъ учителемъ русскаго языка въ первомъ классѣ того же училища (23 авг. 1885 г.), въ каковой должности покойный состоялъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Кромѣ своихъ учительскихъ обязанностей покойный Г. А. несъ еще и другія обязанности въ училищѣ: состоялъ съ 1884 по 1886 г. членомъ училищнаго Правленія и дѣлопроизводителемъ онаго, а также въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ завѣдывалъ фундаментальною училищною библіотекою. По должности библіотекаря Г. А. много потрудился надъ приведеніемъ въ порядокъ училищной библіотеки: почти все свободное отъ уроковъ время онъ посвящалъ главнымъ образомъ библіотекѣ: онъ самъ, собственными руками, перебиралъ каждую книгу, провѣрялъ наличность

книгъ съ документами, наклеивалъ ярлыки, ставилъ цыфры на книгахъ, распредѣлялъ ихъ по отдѣламъ и каждой книгѣ давалъ свое мѣсто въ библиотекѣ. Ему же главнымъ образомъ училищная библиотека обязана составленіемъ двухъ, довольно объемистыхъ и очень подробныхъ каталоговъ (систематическаго и хронологическаго), а также составленіемъ правилъ для записи, храненія и выдачи книгъ фундаментальной библиотеки. И весь этотъ нелегкій трудъ покойный несъ за самое незначительное вознагражденіе (по должности библиотекаря онъ получалъ въ годъ вознагражденія только 20 руб.).

Покойный Г. А. съ ранняго дѣтства отличался скромностію и застѣнчивостію; эта дѣтская застѣнчивость, во время обученія Г. А. въ семинаріи и академіи, обратилась у него въ товарищескую необщительность: рѣдко когда покойный принималъ участіе въ разныхъ товарищескихъ собраніяхъ; по большей части онъ какъ-то сторонился отъ товарищей и уединялся отъ нихъ. Но отличаясь малообщительностію по отношенію ко всѣмъ вообще товарищамъ, покойный имѣлъ способность находить себѣ изъ среды товарищей двухъ-трехъ искренно-преданныхъ друзей и въ семинаріи и въ академіи. Къ этимъ-то друзьямъ-товарищамъ онъ слишкомъ привязывался и жилъ съ ними, что называется, душа-въ-душу: имъ онъ повѣрялъ самыя сокровенныя свои тайны, съ ними онъ совместно всегда занимался приготовленіемъ уроковъ и лекцій, съ ними онъ обсуждалъ всѣ возникавшія въ его умѣ вопросы, относящіяся какъ къ частной—повседневной его жизни, такъ—и къ области тѣхъ наукъ, которыя его интересовали; однимъ словомъ, у покойнаго и въ семинаріи и въ академіи между товарищами было два-три друга, съ которыми онъ дѣлилъ и горе и радость; со всѣми же остальными товарищами онъ не сблизался, хотя и нельзя сказать, чтобы онъ ихъ чуждался. Съ своими друзьями—товарищами покойный и по окончаніи курса состоялъ въ постоянной перепискѣ. Но какъ онъ бывалъ радъ, въ какой приходилъ восторгъ, если приходилось ему, находясь уже на службѣ, встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ друзей-товарищей: по цѣлымъ днямъ онъ не разставался съ нимъ; и въ это время Г. А. былъ не узнаваемъ: обыкновенно застѣнчивый, несловоохотливый и всегда серьезный, онъ дѣлался веселымъ, шутилъ, смѣялся и велъ самыя оживленныя бесѣды.—Поступивъ учителемъ, Г. А. сдѣлался нѣсколько общительнѣе и словоохотливѣе, чѣмъ когда былъ воспитаникомъ семинаріи и академіи; но все-таки и въ это время онъ всегда предпочиталъ уединеніе. Но будучи отъ природы малообщительнымъ, покойный въ то же время отличался сердечностію, доброжелательностію и отзывчивостію къ чужому горю, къ чужому несчастію. Въ отношеніяхъ къ товарищамъ—сослуживцамъ былъ всегда простъ, правдивъ, искрененъ, необходимъ, со всѣми своими сослу-

живцами онъ, въ продолженіе своей почти восьмилѣтней службы при Харьковскомъ училищѣ, всегда жилъ въ мирѣ и согласіи. Вотъ тѣ качества, которыя легко замѣчалъ въ немъ всякій, кто становился въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ нимъ.

Будучи отъ природы скромнымъ, покойный почтительно всегда относился къ начальствующимъ и старшимъ. Въ отношеніяхъ же къ своимъ питомцамъ у покойнаго преобладала простота и отеческая снисходительность. Состоя учителемъ русскаго языка въ 1 классѣ и, слѣдовательно, имѣя постоянно дѣло съ дѣтьми, онъ относился къ нимъ вполне по-отечески: онъ радовался, когда видѣлъ успѣхи своихъ питомцевъ, и печалился, когда видѣлъ слабое усвоеніе тѣхъ знаній, на сообщеніе которыхъ онъ полагалъ много усилій. Но онъ не возмущался, если замѣчалъ, что причина неуспѣховъ скрывалась въ недостаточной умственной подготовкѣ его питомцевъ. Въ этомъ случаѣ онъ готовъ былъ по нѣскольку разъ повторять одно и то же, готовъ былъ всячески измѣнять выраженіе своихъ мыслей, приспособляясь къ дѣтскому пониманію, лишь бы достигнуть своей цѣли. И какъ онъ радовался, когда, послѣ долгихъ и трудныхъ усилій, ученики, наконецъ, начинали понимать и усваивать то, что на первыхъ порахъ казалось для нихъ совсѣмъ непонятнымъ! И дѣти — ученики цѣнили его труды, относились къ нему съ искреннимъ уваженіемъ и любили его какъ старшаго своего брата, какъ отца.

Покойный, какъ сказано уже, вынужденъ былъ перейти изъ Кутаисскаго духовнаго училища въ Харьковское, вслѣдствіе вреднаго вліянія кавказскаго климата на его здоровье. Въ Харьковѣ здоровье покойнаго начало поправляться, такъ что онъ скоро совсѣмъ избавился отъ того недуга, который довольно сильно ослабилъ его организмъ въ Кутаисѣ; но за то здѣсь, на родинѣ, его началъ преслѣдовать другой недугъ... матеріальная нужда. Со времени перехода покойнаго въ Харьковъ, изъ его содержанія, въ силу существующихъ узаконеній, начали производить вычеты, чтобы возратить въ казну ту сумму, какую онъ получилъ при назначеніи на службу въ Закавказскій край, т. е. двойные прогоны и полугодовой окладъ жалованья. И вотъ, вслѣдствіе этихъ вычетовъ, покойный, почти въ продолженіе трехъ лѣтъ, получалъ ежемѣсячно только около 38 рублей. Получая такое незначительное содержаніе, покойный, вслѣдствіе дороговизны квартиръ въ Харьковѣ, вынужденъ былъ часто тѣсниться въ сырой и холодной квартирѣ, что, конечно, не могло не отразиться вредно на его здоровьѣ, подорванномъ уже на Кавказѣ... Но окончился вычетъ; покойный началъ получать полный (57 р.), а черезъ 5 лѣтъ службы и высшій (75 руб.) окладъ жалованья; казалось бы, получая такое приличное вознагражденіе, можно бы имѣть и сухую и теплую квартиру, но въ это время покой-

ный женился, обзавелся семьей, а семейному чловѣку, да еще такому, у котораго болѣютъ постоянно дѣти, довольно трудно безбѣдно прожить и на такое вознагражденіе. И покойный, дѣйствительно, опять терпѣть матеріальную нужду, а главное — опять вынужденъ тѣсниться съ семьей перѣдко въ холодной, сырой и во многихъ отношеніяхъ неудобной квартирѣ. И вотъ покойному приходилось по цѣлымъ часамъ въ осенніе и зимніе вечера просиживать въ холодной или сырой комнатѣ надъ исправленіемъ ученическихъ письменныхъ работъ. Такія условія не могли, конечно, не отразиться вредно на его здоровьи: и дѣйствительно, онъ въ послѣдніе два года часто началъ простуживаться; начала появляться опять лихорадка (нервная), которая сильно ослабила его организмъ. Долго покойный крѣпился; не смотря на сильную слабость, онъ исправно посѣщалъ уроки, а вечера просиживалъ, по обыкновенію, надъ исправленіемъ ученическихъ работъ; но недугъ взялъ свое: въ концѣ марта у покойнаго появилась сильная нервная лихорадка, осложнившаяся болѣзнію сердца. Покойный слегъ въ постель. Лѣчилъ покойнаго товарищъ и другъ его, докторъ П. М. Л—скій, и, благодаря во-время принятымъ мѣрамъ, развитіе болѣзни было задержано; больной началъ поправляться, и была надежда на окончательное выздоровленіе, но покойный пиѣлъ неосторожность, не смотря на убѣжденія жены и родныхъ, уговаривавшихъ его до полного выздоровленія не утруждать себя посѣщеніемъ уроковъ, явиться 23 марта на уроки. Къ несчастію покойнаго, погода въ этотъ день была сырая и холодная. Возвратившись домой, покойный почувствовалъ себя дурно и къ вечеру опять слегъ въ постель, а черезъ три дня врачи констатировали у больного брюшной тифъ, осложнившійся болѣзнію сердца (перикардитъ). Болѣе мѣсяца покойный пролежалъ въ постели; другъ его, докторъ Л—скій, почти ежедневно просиживалъ у его постели по нѣсколькимъ часамъ; нѣсколько разъ составлялся консилиумъ врачей, но... усилія медиковъ оказались безсильными: 5 мая, послѣ консилиума врачей, не подавшихъ никакой надежды на благопріятный исходъ болѣзни, покойный попросилъ пригласить къ себѣ священника, который и напутствовалъ его святыми таинствами. 7-го мая около 6 часовъ вечера, окруженный близкими родными, онъ спокойно скончался. И хотя для многихъ, знавшихъ о серьезномъ положеніи больного въ послѣдніе дни его жизни, смерть Г. А. не было неожиданною, по тѣмъ не менѣе пзвѣстіе о ней сильно поразило его сослуживцевъ, такъ какъ никто не думалъ, что болѣзнь такъ скоро разрушитъ его организмъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ въ училищѣ о смерти Г. А., въ училищной церкви, по окончаніи всенощной, въ 8 час. вечера, помощи. смотрителя о. И. Левитскимъ въ сослуженіи съ священникомъ о. Н. Гут-

никовымъ, бывшимъ членомъ Правленія училища, и свящ. ѓ. А. Балаховскимъ, членомъ Правленія училища, товарищемъ покойнаго, отслужена была, въ присутствіи всѣхъ учащихъ и учащихся въ училищѣ, панихида по усопшемъ. На другой день предположено было выносъ покойнаго въ училищную церковь, но, къ общему сожалѣнію учащихъ и учащихся, выносъ этотъ состояться не могъ, такъ какъ училищный врачъ нашелъ опаснымъ вносить въ домовую училищную церковь умершаго отъ тифа. По этой же причинѣ ученики не могли также присутствовать на панихидѣ, отслуженной въ квартирѣ покойнаго. На другой день, послѣ литургіи, въ училищной церкви отслужена была соборная панихида по почившемъ, а въ 5 часовъ вечера, въ сопровожденіи всѣхъ учащихъ и учащихся, родныхъ, знакомыхъ и многочисленной публики, состоялся выносъ покойнаго изъ его квартиры въ Кладбищенскую церковь. Во время выноса покойнаго пасхальные ирмосы пѣли всѣ ученики училища. Торжественно стройное и величественное пѣніе ирмосовъ всѣми учениками (болѣе 200) и слезы родственниковъ покойнаго производили потрясающее и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленное впечатлѣніе! Всеночное бдѣніе, а также заупокойная литургія 9 мая совершены были въ присутствіи начальствующихъ, учащихъ и учащихся въ училищѣ, родственниковъ и знакомыхъ покойнаго; пѣлъ усиленный ученический хоръ, подъ управленіемъ учителя пѣнія и регента Н. С. Гогина. Во время литургіи вмѣсто причастна сказано было надзирателемъ-репетиторомъ училища П. А. Шебатинскимъ глубоко прочувствованное слово. Отпѣваніе совершено было соборно; у могилы предъ опусканіемъ гроба произнесена была товарищемъ и сослуживцемъ покойнаго Н. Н. Любарскимъ задушевная и трогательная прощальная рѣчь, по окончаніи которой гробъ былъ опущенъ въ могилу. И какъ тяжело было смотрѣть въ это время на молодую жену—блѣдную, исхудалую, когда она, увидѣвъ, что гробъ опускаютъ въ могилу, вскрикнула, лишилась чувствъ и упала на руки своей матери; тяжело было видѣть и несчастную, убитую горемъ мать-старуху, которую трудно было отвести отъ могилы любимаго сына. Невозможно было удержаться отъ слезъ и смотря на учениковъ покойнаго, стоящихъ вокругъ могилы и горько плачущихъ о потерѣ своего любимаго учителя... Но вотъ опустили гробъ въ могилу, засыпали ее сырой землей, которая и скрыла навсегда останки покойнаго отъ глазъ всѣхъ, кто любилъ его и кому онъ былъ дорогъ...

Царство небесное и вѣчная память тебѣ, скромный, честный труженикъ и добрый товарищъ! Да упокоитъ тебя Господь тамъ, *идь же нѣсть болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.*

— Служащіе при Харьковскомъ духовномъ училищѣ, а также и нѣкоторые изъ прежде служившихъ съ покойнымъ Г. А. при этомъ училищѣ, ис-

крено сожалѣя о потерѣ своего сочлена и товарища, выразили желаніе почтить память его сооружеиіемъ на свой счетъ приличнаго памятника на его могилѣ, для чего въ день похоронъ Г. А. собрали необходимую сумму.

Рѣчь при гробѣ Г. А. Молчановскаго, сказанная учителемъ Н. Любарскимъ.

Дорогой товарищъ! Еще нѣсколько минутъ и твои бранные останки навсегда скроются отъ насъ: закроется гробовая доска, опустятъ твой гробъ въ могилу, засыпятъ его сырой землей и будешь ты почивать въ этомъ новомъ своемъ жилищѣ до дня всеобщаго воскресенія!.. Никогда ужъ больше мы не увидимся съ тобой въ этой жизни... Позволь же, почившій товарищъ, сказать тебѣ въ эти послѣднія минуты бранныя твоего существованія въ этомъ мірѣ нѣсколько прощальныхъ словъ! Не думай, что я буду говорить о твоихъ заслугахъ, о твоихъ душевныхъ качествахъ, какими ты при жизни отличался и какъ добрый товарищъ, и какъ честный труженникъ; нѣтъ, въ эту печальную минуту я не въ силахъ говорить объ этомъ... Да и зачѣмъ объ этомъ теперь говорить: твои товарищи, родные и знакомые, собравшіеся сюда, такъ же хорошо, какъ и я, знаютъ тебя..., утѣшить родныхъ своимъ безыскусственнымъ словомъ я не могу; что же касается тебя, то ты въ настоящее время совсѣмъ не нуждаешься ни въ какихъ похвалахъ... Если я осмѣливаюсь возмутить твой покой, то только изъ естественнаго желанія сказать тебѣ отъ лица всѣхъ твоихъ товарищей—сослуживцевъ послѣднее прости. Желаніе же это вполне естественно, потому что, если при временной разлукѣ съ близкимъ человекомъ родные и знакомые собираются обыкновенно проститься и высказать ему свои благопожеланія, то тѣмъ болѣе при такой разлукѣ, кака предстоитъ намъ съ тобой, т. е. при разлукѣ на-вѣки, на всю жизнь, мы—близкіе тебѣ—чувствуемъ сильную потребность проститься съ тобой. И вотъ мы собрались; посмотри хотя умственными очами: здѣсь всѣ твои: и мать, и жена, и братъ, и сестры, и товарищи-сослуживцы, и твои осиротѣлыя питомцы, и друзья, и знакомые,—всѣ собрались, чтобы отдать тебѣ послѣдній свой долгъ и сказать послѣднее «прости!» Прости же намъ, если мы когда оскорбили тебя! Знай, что если кто и оскорбилъ тебя, то сдѣлавъ это непреднамеренно. Забудь все и прости! Память о тебѣ на долго сохранится въ сердцахъ нашихъ и мы будемъ въ своихъ молитвахъ возносить ко Всевышнему моленія объ упокоеніи души твоей, твердо помня, что въ этомъ состоитъ нашъ послѣдній долгъ къ тебѣ.

Не забудетъ тебя и наше училище, которому ты посвятилъ восемь лѣтъ

своей кратковременной жизни и потратилъ послѣднія свои силы; и училище навсегда сохранить о тебѣ память; ты самъ знаешь, что въ нашемъ училищѣ существуетъ прекрасный обычай: ежегодно 20 декабря въ училищной церкви совершается заупокойная литургія и панихида, на которыхъ поминаются имена всѣхъ усопшихъ благодѣтелей, начальниковъ и наставниковъ нашего училища; вотъ въ этотъ-то день наше училище ежегодно будетъ возносить горячія молитвы къ престолу Всевышняго и о милосердіи къ тебѣ, о прощеніи твоихъ грѣховъ.

Къ вамъ послѣднее слово мое, питомцы усопшаго! Вы знаете, каковъ онъ былъ, какъ горячо желалъ вамъ добра и какъ много трудился для васъ. Такъ почитайте же память его! Соедините свои мольбы съ моленіями Церкви объ упокоеніи души его и молитте Господа, да упокоитъ Онъ его тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная!

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТЪ КОМИТЕТА

ОБЩЕСТВА ДЛЯ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Съ ранней весны во многихъ мѣстностяхъ Россіи начинается переселенческое движеніе. Факты послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что изъ года въ годъ возрастаютъ размѣры движенія и число нуждающихся переселенцевъ. За прошлый годъ только черезъ Тюмень прошло болѣе 36,000 душъ; большинство изъ нихъ находилось въ крайней нуждѣ. Самая малая, но своевременная помощь этимъ людямъ имѣетъ большое значеніе.

Посему Комитетъ Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что дѣйствительные члены Общества вносятъ въ кассу его *десять* рублей ежегодно, а пожизненные—*сто пятьдесятъ* рублей единовременно. Денежныя и вещевыя пожертвованія, а также всѣ заявленія Комитету направляются въ *Канцелярію Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ—С.-Петербургъ, Невскій, 65*. Личныя заявленія Комитету принимаются тамъ же, въ канцеляріи Общества, по Пятницамъ, отъ 2 до 3¹/₂ час. дня. Казначей К. М. Сибиряковъ принимаетъ по дѣламъ Общества у себя на квартирѣ (С.-Петербургъ, Сергіевская, 67) по Вторникамъ и Субботамъ отъ 12 до 1 часа дня. Должностными лицами Комитета состоятъ: предсѣдателемъ—В. А. Ратьковъ-Рожновъ, товарищемъ предсѣдателя—М. Н. Капустинъ, казначеемъ—К. М. Сибиряковъ и секретаремъ—А. А. Пороховщиковъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.